Гр
Н19

А. И. НАЗАРЕЦ, Т. Я. ПАПЕНКОВА.

История СССР

В художественно-исторических образах

УЧПЕДГИЗ
1963

Н19

А. И. НАЗАРЕЦ, Т. Я. ПАПЕНКОВА.

История СССР в художественно-исторических образах

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ

70728

Ленинградский Государственный Учительский Институт
БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА · 1963

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Пособие «История СССР в художественно-исторических образах» предназначено для учителей истории седьмых классов. Художественно-исторические тексты могут быть рекомендованы и для внеклассного чтения.

Составители пособия предприняли попытку оказать учителям помощь в улучшении преподавания истории в школе. Литературно-художественный материал поможет вовлечь учащихся в учебный процесс.

В соответствии с программой для пособия отобраны краткие отрывки из историко-художественных произведений.

Большое место отведено истории трудящихся масс, развитию производительных сил, характеристике образов замечательных народных умельцев.

В пособии приведено значительное количество отрывков по истории революционного движения трудящихся, по истории борьбы рабочих-революционеров.

В пособии представлены фрагменты произведений народного творчества: былин, песен, пословиц.

При отборе текстов учтены возрастные особенности учащихся, степень доступности текстов. Эта книга содержит также методические рекомендации и советы по использованию того или иного отрывка, указано, какие при этом учебно-познавательные и воспитательные задачи можно решить.

В пособии имеются списки основной художественной литературы, которая используется также и для внеклассного чтения, проведения читательских конференций или тематических вечеров.

Составители выражают большую благодарность доктору исторических наук А. А. Зимину за полезные советы.

А. И. Назарец, Т. Я. Папенкова

Рецензент — доктор исторических наук — *В. Т. Пашуто*

I. НАША РОДИНА В ДРЕВНОСТИ.

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ.

Работа А. Линевского «Листы каменной книги» посвящена описанию жизни первобытных людей. В основе ее сюжета лежит рассказ о приключении двух братьев Бэя и Льока, бежавших из своего стойбища, находившегося на берегу Белого моря, к далеким берегам Онежского озера. Там они нашли пристанище у людей другого племени.

Книга написана по мотивам наскальных изображений — «листов каменной книги», созданных первобытными художниками.

В пособии приведен отрывок, в котором дается описание мастерской первобытного оружейника.

Учитель может использовать этот отрывок в своем рассказе. Практикуются также краткие сообщения учащихся на уроке, подготовленные на основе этого отрывка.

Мастерская первобытного оружейника.

Жилище Кибу не похоже на все другие землянки в этом стойбище. О том, что здесь живут, напоминал лишь очаг и груда спальных шкур. Каждый уголок был приспособлен для выделки наконечников и топоров. У очага на четырех камнях лежала такая же, как у входа, гладкая плита с насыпанной у одного края кучкой мелкого песка. Тут же стоял горшок с водой. Немного подальше, но так, чтобы можно было дотянуться, не отрываясь от работы, на берестяной плетенке были разложены кремневые желваки, большие и маленькие, круглые и продолговатые. Вдоль одной стены ровными рядами тянулись топоры, тесла, долота, кирки. У другой — наконечники копий, дротиков и стрел. Отдельно лежало все, что нужно женщинам в хозяйстве, — скребки для выделки кож, ножи, проколки.

Кибу с гордостью повел рукой, показывая на орудия, потом ударил себя в грудь, как бы говоря, что все это сделал он сам. Наклонившись, он поднял топорик и маленький наконечник стрелы поднес к самым глазам Льока и причмокнул, будто ел что-то очень вкусное. Наконечник был так ровно обит по краям, а топор так гладко отшлифован и остро заточен, что Льок залюбовался. Он вспомнил грубые и кривые орудия, выходившие из рук Кремня, и уже с невольным уважением посмотрел на старого мастера. Все-таки хорошо уметь делать такие вещи!

В одном углу прислоненные к стене стояли древки — длинные для копий, покороче для дротиков. Тут же кучкой лежали совсем тоненькие стрелы, еще без наконечников. Кибу велел Льоку взять древки копий и вынести из землянки.

Кру вытянул одно древко из охапки и воткнул его в снег шагах в пятидесяти от входа.

Бэю не нужно было ничего объяснять. Он брал из рук Льока одно древко за другим и, размахнувшись, сильным и точным движением бросал его вперед. А вокруг уже толкались откуда-то взявшиеся мальчишки, выражая свой восторг громкими криками, когда древко вонзилось в снег за чертой, отмеченной воткнутой палкой. То древко, которое упало дальше всех и легло точнее других, Кру поднял сам и принес к землянке Кибу. Остальные с визгом кинулись подбирать мальчишки.

Теперь на древко нужно было насадить наконечник. Это была трудная и кропотливая работа. Кибу повел Кру и его сыновей в землянку. Усадив их, он принялся за дело. Прежде всего мастер поставил на огонь горшок с чем-то твердым и темным, налил в долбленую колоду воды и опустил в нее лосиный сыромятный ремешок. Потом, выбрав из нескольких наконечников тот, что показался ему получше, Кибу приставил его черешком к концу древка, посмотрел, подумал и положил рядом. Древко он зажал между камнями и принялся вырезать выемку для черешка и обтесывать края.

К тому времени, когда Кибу покончил с этой частью работы, состав в горшке стал мягким, тягучим. Мастер вынул из колоды сыромятный ремешок, отжал его и чуть подсушил. Потом обмакнул в смолистую жидкость черешок наконечника и конец древка и, не давая смоле застыть, наложил на край выемки кончик ремня, наставил сверху черешок и быстрым движением вогнал его в узкое отверстие. Наконечник, и ремешок крепко сели в выемку. Свободный конец размоченного, теперь податливого ремня, Кибу обмотал вокруг заостренного древка, стараясь, чтобы он охватывал дерево как можно плотнее и ложился ровно, ряд за рядом.

Льок, не отрывая глаз, следил за ловкими и уверенными пальцами мастера. Но вот Кибу отрезал кусочек ремешка, смазал обмотку смолой лиственницы и с гордостью осмотрел готовое копье. Теперь черешок точно врос в древко. Сам наконечник мог сломаться от удара о что-нибудь твердое, но вытащить его из выемки было невозможно.

Бэй нетерпеливо потянулся за копьем, но Кибу отвел его руку и приставил древко наконечником вверх к стене, чуть поодаль от очага. Пусть смола застынет получше, так будет верней.

Потом мастер принялся за дротик. И вся работа пошла тем же порядком [1].

Вопросы: Какие орудия и оружие изготовлял первобытный человек в конце каменного века?

Что свидетельствует о сравнительно высоком уровне изготовления каменных орудий?

Как выглядело жилище первобытного человека?

* * *

С. В. Покровский, положив в основу исторической повести «Охотники за мамонтами» данные археологических раскопок (в районе селений Костенки и Борщево Воронежской области), со знанием дела, рассказал о занятиях, нравах и обычаях племен, населявших нашу страну в период позднего палеолита.

Значительный интерес для учащихся представляет описание охоты на мамонтов.

Отрывок об охоте на мамонта зачитывается в классе.

Охота на мамонтов.

Хуммы — ведь это не простая добыча. Это добыча из добыч! Один хумма в ловушке — и сыт целый поселок! И не один день, а много, много и еще много. Месяц родится, станет толстым, похудеет и умрет. Вот сколько дней будут сыты люди поселка. Хумма — это гора мяса. Его горб — гора жира. Его шерсть — гора волос. Охотники сплетут из шерсти крепкие веревки, силки для птиц, привязи для ловушек на горностаев. Бивни хуммы — костяные бревна. Из них делает Тупу-Тупу кинжалы, ножи, иглы, а искусник Фао — чудесные украшения, застежки на одежды, изображения Матери матерей. Мало ли что может сделать из них искусный резчик! А сердце? Кто съест сердце хуммы, сам станет как хумма. Никакой зверь не одолеет его. И колдун Куолу будет бессилен делать зло. Недобрый глаз потеряет силу. Дурной ветер не принесет вреда. Охотником из охотников станет тот, кто победит хумму. О нем будут петь песни люди Большой реки. А ребра? Ребра пропитаны жиром. Они горят, как дрова.

— Хумму поймали!

Это были первые слова, которые услышали женщины. Все пошли на место охоты. Здесь толща ледника была прорезана

---

[1] А. Линевский, Листы каменной книги, изд. «Советский писатель», М., 1959, стр. 163—165.

глубокими трещинами. Они доходили до самой земли. Тут пролегала хорошо протоптанная тропа хуммов. Мамонты не раз переходили ледник, перебираясь с одной стороны долины на другую.

Присмотревшись, как ходят мамонты, охотники решили перехитрить толстокожих. В том месте, где тропа приближалась к трещине, начались коварные приготовления. Люди натаскали низкорослых елочек и устроили из них легкий мостик шириной около десяти шагов. Промежутки между стволами плотно закрыли нарубленными сучьями ивняка, а сверху накидали снегу. Потом крепкими рукоятками копий охотники пробили длинную глубокую канавку впереди мостика. Канавка должна была изображать свежую трещину, которая появилась тут поперек слоновьей тропы. Копать было тяжело, и на это ушел весь день. К ночи все было готово. Теперь нужно было только ждать.

Вот, наконец, показалось стадо хуммов. Впереди, покачивая хоботом, шел старый вожак с огромными бивнями. Он грузно ступал по ледяной тропинке; остальные гуськом тянулись следом. Охотники ясно слышали тяжелую поступь великанов.

Вдруг вожак остановился. Он дошел до канавки. Уши его шевельнулись. Хобот поднялся вверх. Раздался отрывистый звук.

Тревога! Этой трещины не было! К нему подошла старая самка со слоненком. Подошли и другие старые и молодые хуммы. Все они нерешительно трогали край канавки хоботами и шевелили ушами. В это время один из слонят взобрался на покрытый снегом помост. Тонкие елки затрещали и слоненок рухнул вниз вместе с кучей жердей, веток и комьями снега. Старые хуммы шарахнулись в сторону. Слонихи завизжали, подзывая детенышей. Тревога прошла по стаду. Скорее уйти от непонятной беды [1].

Вопросы: Что давала первобытному человеку охота на мамонтов?

Что обеспечивало первобытному человеку успех в охоте на мамонтов?

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ.

В повести К. Моисеевой «В древнем царстве Урарту»[2] правдиво и увлекательно воссоздается на основе археологических раскопок Б. Б. Пиотровского на холме Кармир-блур история урартского государства середины VII в. до н. э.

[1] С. В. Покровский, Охотники за мамонтами, М., Детгиз, 1953, стр. 72—83.

[2] К. Моисеева, В древнем царстве Урарту, М., Детгиз, 1953. (Приемы использования отрывков из книги К. Моисеевой аналогичны приемам, названным на стр. 246.)

Главное внимание в книге уделено изображению труда рабов, составлявших основу могущества и процветания этого государства, создавших материальные и культурные ценности.

Наиболее впечатляющим примером использования рабского труда является описание постройки «канала плодородия», проложенного в базальтовой скале.

Ярко показаны образы рабовладельцев, особенно Иштаги — свирепого и жадного наместника, жреца Шумукина и др.

В книге живо описан расцвет ремесла в государстве Урарту.

К. Моисеевой удалось интересно рассказать о Тейшебаини городе-крепости в Закавказье.

Знакомство с этой книгой или отрывками из нее обогатит учащихся яркими представлениями об истории рабовладельческого общества и окажет существенную помощь учителю в учебно-воспитательной работе.

Сооружение каналов.

На много тысяч локтей тянется строительство канала. Еще недавно здесь была выжженная солнцем пустыня. Только на берегу реки Ильдаруни можно было отдохнуть под зеленым шатром акаций. Теперь здесь расцветут сады и виноградники. Так велел Руса. Слово царя священно. Тысячи рабов пригнаны сюда с лопатами и ломами. Они вскопали землю, разрыхлили ее, сделали ровные площадки и засадили саженцами фруктовых деревьев и винограда. Сажали весной, в пору дождей. Потом, когда будет пущен канал, все эти земли получат прекрасное орошение. Волею Русы, руками рабов расцветала садами мертвая земля.

Много дней трудились рабы над сооружением канала. Долго не умолкал стук молотков и кирок, дробивших крепкую породу. Те, кто пришел на строительство канала молодым и крепким, потеряли здоровье. Кто был слаб и немощен, не дожил до окончания работ. Много рабов погибло за это время! Их могилы оплакали скупыми слезами товарищи по несчастью.

Труд ремесленников в Урарту.

С давних пор славились урарты своими ремеслами. Были среди них искусные ткачи, медники, кожевники, гончары, оружейники. Много всякого умелого люда было в Урарту, а умелый человек нужен каждому царю. Руса знал, что и ассирийский царь Асархаддон поглядывает на границы Урарту и засылает своих лазутчиков для разведки. И скифы не прочь поживиться — сговор ведут с ассирийцами. Много врагов вокруг священной земли урартов. Уберечь ее — дело великое, угодное богу Халду.

Город Тейшебаини трудился для крепости. В каждом доме, под каждой кровлей люди работали для благополучия царского наместника в Тейшебаини Иштаги, выполняя его требования.

Каменотесы обрабатывали бесформенные глыбы гранита и базальта, превращали их в ровные, гладко отшлифованные плиты, которые шли на строительство дворца. Гончары готовили для винных подвалов громадные карасы. Грозный Иштаги приказал изготовить карасы в полтора человеческих роста и на каждом делать отметку, сколько вина войдет в этот сосуд. Жадный до всякого добра, Иштаги стремился так построить дворцовое хозяйство, чтобы ничего не пропало и не было украдено ловкими прислужниками.

Много дела было у литейщиков. Из далеких горных селений шла сюда ценная дань — слитки железа и меди. Сплав меди с оловом и серебром давал звонкую, сверкающую бронзу. Из нее делали щиты, которые должны были украсить стены дворца, шлемы для воинов, нарядные высокие светильники и пиршественные чаши.

Иштаги распорядился не давать людям Тейшебаини земли и скота. Пусть каждый своим ремеслом занимается и о пользе царской помнит: «Мы дадим из дворцовых запасов еды и питья всякому, кто пользу принесет его царственности. А кто будет предаваться лени, пусть сидит голодным, как пес».

Жестокие меры принуждения.

Царевич Ашшурбанипал пришел в литейную посмотреть бронзовые светильники для своих покоев. Он сказал, что львы, изображенные на этих светильниках, плохи, не свирепы. Царевич разъярился...

— Он выколол мне глаз моим же кинжалом — я сделал его царевичу. А потом меня били... Помоги мне, великий Шумукин!— взмолился старик.— Помоги мне уйти в царство мертвых. Вспомни, как я лепил для твоих храмов статуи богов. Я раб, ничтожный раб, но я человек... и прошу так мало! Пощади старого раба! Сотвори милость — убей раба!

— Случилось так, что я попал во дворец Асархаддона, — ответил Габбу. — Меня повели туда строить библиотеку царя. По воле Асархаддона, стены библиотеки будут сделаны из разного камня. Много пригнали искусных мастеров! Нам велено было высечь на камне царскую охоту на львов. Трудная это резьба, тонкая. Большое нужно умение, чтобы угодить царю. А самое страшное и трудное — изобразить царя. Ведь ты знаешь: если что не так, то не снести нам головы. Забьют плетьми до смерти, и умрешь в мучениях тяжких... [1]

Вопросы: Чьими руками сооружались каналы?

Какие виды ремесла были особенно развиты в Урарту?

---

[1] К. Моисеева, В древнем царстве Урарту, М., Детгиз, 1953, стр. 15, 19, 29—30, 46.

На кого работали ремесленники Тейшебаини и как вознаграждался их труд?

Какие факты подтверждают бесчеловечное отношение рабовладельцев к рабам?

Восточные славяне в древности.

О занятиях и быте древних славян рассказывается в книгах В. Иванова «Русь изначальная» (т. 1) и Ю. Александрова «Кудеяров стан». Первая из них является историческим романом, вторая — научно-художественным очерком, адресованным юному читателю.

Отрывки из этих книг конкретизируют и углубляют представления учащихся о земледельческом труде древних славян, показывают процесс совершенствования гончарного производства, знакомят с бытом славян.

Роман В. Иванова интересует учащихся седьмых классов, и они охотно читают его. Следует предупредить учащихся о недостатках, имеющихся в этой книге. Например, в ней слишком жестокими представлены норманны; излишне много говорится о дружбе древних русов, их добрых отношениях с народностями Подвинья и Урала и т. д.

Отрывки из романа В. Иванова зачитываются или пересказываются учителем на уроке в ходе разбора содержания рисунков учебного пособия на стр. 13. Один учащийся может подготовить небольшое сообщение.

Земледелие у древних славян-россичей.

Пора! Пора! Россичи ходят по своим полянам за дубовым брусом, на брусе кованое острие с отводом — лемех. Сзади два правила, чтоб держать плуг в борозде, спереди ременные лямки для воловьего ярма или для лошадиной упряжки. Заняты руки пахаря. Он кричит — орет на скотину. Понимает бессловесный вол, понимает и молчальница-лошадь. Знает, где право, где лево, остановится по голосу, повернет... Борозды должны быть глубоки и ровны, плуг держи прямо. Из огрехов дикая птица выклюнет зерно, дикие травы заглушат добрый всход раньше прополки.

За пахарями идут сеятели с лукошками. Это работа стариковская, большой силы не требует, умение нужно. Зерно сыплется как осенний дождик, ровно, без плешин но и не густо, чтобы одно не мешало другому. Побросай и поймешь. За сеятелями тащат бороны с зубьями из твердого вяза. Бороны запрягают в одну лошадь, парнишка стоит на бороне, закрывает семена влажной землей.

Округ полей на каждом дереве ждут грачи и вороны, в воздухе с писком носятся чайки. Брали бы за пахарем червей, ник-

то слова не скажет. Нет, крадут и семя. Пока не встанут всходы, дети с луками и пращами стерегут поля от зари и до зари. Когда же поднимутся всходы, ночью взрослые берегут их от потравы дикими зверями.

На больших старых полянах жирная земля чиста, плуг режет свободно. На малых полянках и на новых чищах, где был лес, плуг не пригоден. Зацепившись за корень, плуг рвет упряжь, мучает лошадь. Перетащишь через корень — плуг скользит, не пашет. Здесь землю режут сохой. Похожа она на перевернутую козью голову. Пахарь несет соху на весу, не давая глубоко врезаться загнутым вперед рогам-лемехам. Вольные пахари на своих малых полянках больше сохами пашут: из-за корней [1].

Вопросы: Где возможна была пахота плугом, а где пахали сохой?

В чем выражалось участие детей в земледельческом труде?

Гончарное дело у восточных славян.

...Тогда за дело взялся Полян. Смастерил он примитивный ручной гончарный круг — просто на толстой доске укрепил подвижно на железном стержне тяжелый деревянный диск сантиметров шестьдесят в диаметре. Стержень смазал бараньим салом.

С недоумением глядели жители городища, как мудрый и сильный мужчина занялся немужским, «бабьим» делом. Замесил глину только с песком, битых черепков не добавляя, и принялся за изготовление посуды. Теперь гончары-кустари работают на ножном круге — ногами приводят в движение диск с помещенным на нем куском глины. Но и на ручном круге куда удобнее лепить, чем без круга.

Положит гончар кусок глины на середину круга, грубо сформирует из него подобие толстостенной чаши, потом начинает вращать круг, одновременно со всех сторон обрабатывая, вытягивая и выравнивая горшок. Посуда получается на кругу аккуратная, тонкая, с ровными гладкими стенками.

Такими и вышли горшки, изготовленные Поляном. Налепил он их несколько десятков, поместил сушить в холодке под тенью дерева, а сам принялся за постройку гончарного горна.

Из глины с камнями состроил куполообразное сооружение вроде перевернутого котла высотой около метра. Примерно на половине высоты горн разделил толстым глиняным подом с несколькими круглыми отверстиями — продухами для огня.

В верхнем отделении поставил Полян горшки, в нижнем сложил сухие дубовые корни и развел жаркий огонь. После обжига

[1] В Иванов, Русь изначальная, М., 1961, стр. 112—113.

горшки получились звонкие, прочные, куда прочнее прежних, что на кострах обжигали [1].

Вопрос: В чем преимущество мастерства гончара Поляна?

* * *

Внешний облик древних славян, их моральные качества отражены в стихотворении А. Майкова «Никогда».

Перед чтением учащимся предлагают познавательную задачу: Что было характерного во внешнем и внутреннем облике древних славян?

Гонит волны быстр Дунай
Разлился широко;
Над Дунаем светлый град
На горе высокой.
Становился римский царь
Станом перед градом;
Забелилися шатры,
Ряд стоит за рядом.
На престоле царь сидит
Под златой порфирой,
Вкруг престола, словно лес,
Копья и секиры.
И с престола римский царь
Говорит с послами.
Незнакомый люд стоит
Пред его [2] очами.
Молодец все к молодцу,
Кудри золотые
Густо вьются по плечам,
Очи — голубые.
Словно все в одно лицо,
Та ж краса и сила...
Их послал славянский род,
Положив советом
Встретить римского царя
Дружбой и приветом.
Не лежат они челом
Перед ним во прахе,
Не целуют ног его
В раболепном страхе.
Но подносят божий дар
Хлеб и соль родную...
Хлеба-соли не взял царь,
И к послам славянским он
С трона золотого
Обратил, подняв главу,
Таковое слово:
Повелитель мира — Рим,
Я ж — владыка Рима!
Все склоняются пред ним,
И живут — чрез это.
Преклонитесь же и вы!
Я ваш край устрою:
Поселю здесь римлян, вас
Выведу с собою
В Рим — старшина, молодежь —
Прямо в легионы;
Покоритесь, будет вам
Мир, почет, законы;
Нет — вас с семьями к себе
Погоню гуртами,
В плуги запрягу, пахать
Землю буду вами!
На цепи, как псов, сидеть
У ворот заставлю,
Буду тысячами вас
Львам кидать на травлю.
Горе будет — говорю,
Детям вашим, женам.
Речь окончил римский царь,
Все кругом молчало.
Как нежданный гром, она
На славян упала...
Разом взвизгнувши, мечи
Из ножен сверкнули
И у всех единый клик
Вырвался из груди:
— Никогда!
Разом лагерь поднялся:
Скачут нумидийцы,
Взвод бессмертных, взвод
парфян,
Галлы, иберийцы,
И, копье наперевес,
Римская пехота,
Окружила молодцов;
И пошла работа!..
Что медведь лесной в кругу
Псов остервенелых
Бьется горсть богатырей
Против полчищ целых.
Но сама редеет...
Вот лишь трое их: кругом
Смерть над ними реет.

[1] Ю Александров, Кудеяров стан, изд. «Молодая гвардия», 1957, стр. 100—101.

[2] Его — то есть римского царя.

В блеске копий и мечей...
Вот всего лишь двое,
Вот один... и этот пал
И вкруг павших в бое
Победители стоят
В изумленье сами:
В легионах недочет,
Целыми рядами
Мертвых, раненых кладут...
Смотрит царь, и вдруг велит—
Стан снимать свой ратный
И полки переправлять
За Дунай обратно[1].

Литература для внеклассного чтения и подготовки небольших сообщений:

Ж. А. Рони-старший, Борьба за огонь, Историческая повесть. Перевод с французского, 1958.

Д. Ангелов, Когда человека не было, М., 1959.

Л. В. Успенский и К. Н. Шнейдер, За семью печатями. Очерки по археологии, М., 1958.

А. Каждан, В поисках минувших столетий, Детгиз, 1963.

Б. Прилежаева-Барская, Как жили наши предки славяне, М., 1952.

---

[1] А. Н. Майков, Полное собрание сочинений, т. 2, Спб., 1893, стр. 131—141.

II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛИЗМА.

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН С ЦЕНТРОМ В КИЕВЕ.

Титанический труд древнерусских земледельцев-крестьян, сумевших освоить большие земельные площади под пашенное земледелие воспет в русском былинном эпосе.

Одной из наиболее популярных фигур является Микула Селянинович — могучий «ратай», с его сказочной «соловой кобылкой» и чудесной сохой, с которой могли справиться только его богатырские, закаленные в постоянном труде руки.

Рассказывая о дальнейшем развитии пашенного земледелия в древнерусском государстве, учитель обычно цитирует отдельные выдержки из этой былины. Еще больший интерес вызывает литературный монтаж былины.

Учащимся предлагается следующая познавательная задача:

Какая система полеводства преобладала в древнерусском государстве?

Подтвердите это данными из былины.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

Когда воссияло солнце красное
На тое-ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.
...Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то Вольга во тридцатыих.
...Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.
Повыехали в раздольице чисто́ поле,
Услыхали во чисто́м поле ора́тая
Как орет в поле оратай, посвистывает,

Сошка у оратая поскрипливает,
Омешики [1] по камешкам почиркивают
Ехали-то день весь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати,
Они ехали да весь и другой день,
Другой день весь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омешики по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до пабедья [2],
А наехали в чистом поле оратая.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки он да пометывает,
А пенье-коренья вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит [3].

* * *

Книга С. Скляренко «Святослав» — это роман о древнерусском князе. Тема романа — это те огромные социально-политические сдвиги, которые в то время происходили в Древней Руси.

Писатель характеризует общественно-экономическую жизнь древней Руси. Приводимые отрывки позволяют проследить расцвет ремесла, процесс формирования земельных собственников, складывание феодальной зависимости крестьян, познакомиться с жизнью столицы древнерусского государства — Киевом.

Рекомендуя этот роман школьникам для внеклассного чтения, следует предупредить их, что автор идеализирует образ Святослава как правителя феодального государства, забывая о его классовой принадлежности, его внешнюю политику, выдвигая на первое место защиту болгарского народа от византийских правителей. Отрывки из романа С. Скляренко используются для конкретизации рассказа.

Древнерусские металлурги-кузнецы.

В те времена, обычно под осень, когда собирали урожай, множество мужчин садилось на лодии, плыли вдоль берегов, рыскали по заливам, над которыми высились кручи, по болотам и либо собирали руками, либо доставали черпаками со дна тяжелую красноватую, жесткую руду.

Они не даром называли ее рудой [4]. Как кровь наполняет и питает тело человека, так, думали они, и эта руда — кровь земли, влитая в нее богами. Человек имел право взять у земли ее кровь для своей надобности.

---

[1] Сошник, лемех.
[2] Время около обеда.
[3] «Былины», изд. «Советский писатель», Л., 1950, стр. 140—144.
[4] Слова «руда» и «кровь» имели в древнерусском языке одинаковое значение.

Однако нелегко было заставить руду служить человеку. Возвратившись в селение на лодиях, нагруженных рудой, люди вываливали ее на берег, сушили, иногда, если начинались дожди, обжигали.

Потом они варили железо. Люди делали из твердой красной глины домницы [1] с горловиной наверху, с отверстиями для сопел в поддоне, засыпали туда руду вперемешку с углями, накладывали под домницу сухих дров, мехами накачивали через сопла воздух. Спустя много часов они гасили огонь, разбивали домницу, где находилась уже не руда, а крица [2].

Что происходило в домницах, когда закипала руда, почему красноватые комья с болота превращались в железо, почему из этого железа, если его снова расплавить и закалить в воде или, еще лучше, в моче черного козла, выходит оцел [3] — этого никто не знал. Все думали, убеждены были, что вокруг домниц хлопочут вместе с людьми и боги; это они — и прежде всего бог Сварог — превращают кровь земли в железо.

Поэтому в те ночи, когда варилось железо, на берег Днепра выходили только старейшины и кузнецы. Все остальные издали смотрели, как пылает огонь под домницами над Днепром, как его алые отблески пляшут по воде, отражаются в тучах, низко нависших над рекой.

«Сварожичи варят железо», — говорили люди и старались увидеть, как боги сходят на землю и помогают кузнецам...

Сварог тоже ходил на рать и, вернувшись оттуда построил себе хижину, только не у Днепра, а далеко от берега, на опушке леса.

А еще немного спустя люди валом повалили к Сварогу. Он, оказалось, поставил неподалеку от своего жилища у дороги, идущей в Остер, небольшую корченицу, и туда к нему шли и шли люди: тот — подковать коня, тот — приварить лемех, сделать серп или щит и даже тогда, когда нужны были крючок для рыбной ловли, замок или иголка. И каждый, разумеется, нес ему что-нибудь: один — мех, другой — зерно или гарнец меда, а то и купы или гривну. Если же дать было нечего, Сварог и не требовал, а только ставил условие: сейчас он кует лемех или серп, придет время — ему помогут, отработают. С этого времени кузнец Сварог часто ездил за рудой, ставил домницы у опушки леса, варил железо. Теперь любечанам уже не приходилось везти из Киева куски железа, чтобы ковать из них лемехи и серпы. У Сварога было свое железо, его хватало на всех [4].

Вопрос: Из каких элементов состоял труд древнерусского кузнеца и почему он пользовался большим уважением у людей того времени?

---

[1] Домница — печь для выплавки железа, похожая на большой сосуд.
[2] Крица — железо.
[3] Оцел — сталь.
[4] С. Скляренко, Святослав, изд. «Советский писатель», 1960, стр. 110—113.

Сын старейшины превращается в феодала.

После смерти Анта (родового старейшины) в жизни любечан произошло нечто важное.

Ант умер, старейшины нет и не будет. Есть великий князь в Киеве, князь Оскол в Чернигове, волостелин Кожема в Остре, княжий муж, его посадник Бразд в Любече.

У посадника было много дела. Это он по княжьему повелению давал людям уставы и уроки. Из Киева, Чернигова и волости приезжали на взмыленных конях, на возах и лодиях — княжеские тиуны, ябедьники, мечники [1]. Они велели посаднику гнать людей на брань, давать коней и волов... жито, меха, мед, воск.

И Бразд выполнял княжью волю...

Не только землей владел теперь Бразд. Ему, как посаднику, не пристало жить в какой-нибудь землянке. Был же у Кожемы целый терем!

Бразд начал строиться на собственной земле, на самом лучшем месте, откуда виден был Днепр и все его владения. И не землянку или хижину строил он, а терем, рубленный из толстых сосновых бревен, с крышей из дранки, не с очагом, а с печью и трубой, терем, обмазанный снаружи и внутри белой глиной.

Строить его Бразду было не так уж трудно — лес у него был, купу брал у него не один десяток людей. Стоило Бразду кликнуть — все они явились. Нарубили леса, обтесали, сложили, вывели доверху, перекрыли, настлали крышу — добрый терем был теперь у Бразда. Издалека виден он с Днепра!

Закупы обрабатывали и его землю. Взяв купу, они должны были работать и на себя и на Бразда. Срок купам истекал, но Бразд не давал новый срок. Если бы у Бразда была другая душа, он бы всех этих закупов сделал обельными холопами [2]. Но Бразд этого не делал! [3]

РАСШИРЕНИЕ И УСИЛЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА.

Яркий, красочный материал о походе князя Святослава на Дунай, о бое у стен Доростола, о мужестве и стойкости древнерусских воинов, проявленных в этом бою, имеется в повести Г. Шторма «У стен Доростола».

Бой у стен Доростола.

Всю ночь не спали защитники Доростола, готовясь к последней битве с греками.

---

[1] Мечники — судебные исполнители.

[2] Обельный холоп — полный холоп, раб.

[3] С. Скляренко. Святослав, изд. «Советский писатель», 1960, стр. 101—106

78478

Утром Святослав вывел полки из города и приказал запереть за ними ворота, чтобы никто не подумал о спасении за городскою стеною.

Отступать было некуда: впереди чернело вражеское войско, и воины знали, что надо победить или пасть.

...Греки стояли в готовности на равнине. Они не ушли после битвы минувшего дня в лагерь и остались в поле, вблизи крепости, собираясь приступом брать Доростол.

Завидев союзную рать, они двинулись ей навстречу.

...В девятом часу началась битва. Союзные полки стояли нерушимо. Вражеская конница не вступала в дело, потому что русские сражались почти под самыми стенами, и византийцы не могли зайти им в тыл.

С обеих сторон пало множество воинов. Около полудня греки утомились, и базилевс велел напоить войска вином и водою. Но ни вино, ни вода, ни свежие, подоспевшие к врагу отряды не заставили русских податься назад.

Тогда Цимисхий приказал своим воинам отступить на более просторное место, где можно было действовать конницей, и греки сделали вид, что бегут.

Русские устремились за ними и, преследуя их, удалились от крепости. Византийское войско тотчас разделилось: одна часть его начала сдерживать русских, другая уже двинулась в обход.

Закипела сеча, какой не знало еще доростольское поле. Понеслись закованные в железную броню катафракты; в тучах пыли сошлись пешие воины, и застучали копья и мечи о щиты.

Удар булавы сбил с ног Святослава, копье угодило ему под лопатку, но крепкий шлем и кольчуга спасли его.

Свенельд поднял князя с земли, дружинники тесней сомкнулись вокруг, и Святослав вскоре снова вернулся в битву. Греки слабели. Русские теснили их своими щитами, ломая вражеский строй. Тогда Варда Склир, бросив панцирных всадников на крылья союзного войска, обошел болгарскую конницу и отрезал русским путь в Доростол.

Но болгары не растерялись. Они повернули назад и приняли удар катафрактов. Поле быстро покрылось телами всадников. За землю свою, за ясные воды и тучные нивы столкнулись болгары с греками. Даже кони их злобно грызли друг друга; бугры перекатывались у них под кожей, на мордах вздувались змеями жилы, налились кровью глаза.

А Святослав в это время оттеснял греков к холму. Видя, что они отступают, русские удвоили натиск, и греки готовы были уже обратиться в бегство, но Цимисхий их удержал.

Они ободрились и снова начали биться, но не могли уже сколько-ниубдь потеснить русских. Вся их конница была далеко, под стенами крепости, а на свои огнеметы они больше не возлагали надежд.

И вдруг все изменилось.

Библиотека

Буря встала над местом побоища. Ветер ударил в сторону русских и засыпал им пылью глаза.

Уже катился вдали гром. Меркло солнце, и жухлые листья неслись над полем. Ветер, кружа песчаные вихри, дул дружинникам в лоб.

Они начали отходить, а греки, тесня их, продвигаться в глубину русского строя. При этом много воинов Святослава было отрезано от своих. Византийцы кинулись к ним, чтобы взять их в плен либо истребить всех до единого. Но никто из воинов не сложил оружия и не дался живым в руки грекам: русские и болгары в плен не сдавались.

Союзная рать отошла к городу, и Святослав подал знак открыть ворота. Но греки остановились и прекратили преследование — у них уже не было сил.

Утирая кровавый пот, собрались в круг защитники Доростола. Святослав вышел к ним и глухо сказал:

— Русская земля далеко. И кто нам поможет? Греки не меньше нашего истомлены битвой. Пошлем к ним Свенельда и заключим выгодный мир [1].

Вопросы: Какие качества проявили древнерусские воины в сражении у Доростола?

Какие чувства руководили их действиями?

Как относился болгарский народ к древнерусским воинам?

* * *

Читая книгу Б. Прилежаевой-Барской «В древнем Киеве», мысленно переносишься в Киев XI в., знакомишься с многообразным мастерством его умельцев: оружейников, гончаров, златокузнецов, строителей, создавших Золотые ворота, Софийский собор и другие сооружения города.

Автор дает колоритное описание киевского торга, знакомит читателя с бытом и нравами населения города.

В повести умело раскрывается процесс закрепощения крестьян и ремесленников в древнерусском государстве, описаны напряженные события политической истории Киевской Руси XI в.: народное восстание в Киеве 1068 г. и борьба с половцами.

Учитель использует материал из этой книги для образного рассказа — путешествия по древнему русскому государству и его столице — Киеву.

«На торговище».

Как только Ждан очутился на торговище, он подумал, что не удастся, пожалуй, в такой толпе отыскать Глеба.

Никогда в жизни не приходилось ему бывать на большом торжище, попадать в сутолоку и давку.

В толпе шныряли пряничники и пирожники, протискивались

[1] Г. Шторм, Дети доброй надежды, М., 1962, стр. 190—192.

квасники и сбитенщики, кричали звонкими голосами, предлагая свой товар.

К людскому говору присоединялся скрип колес и ржание коней: то из ближних селений привезли на продажу сено, дрова, мясо, дичину.

Где-то неподалеку блеяли овцы, хрюкали свиньи, мычали коровы.

От человеческого гомона и рева животных в ушах у Ждана стоял звон, а от беспрестанного мелькания разнообразных человеческих лиц в глазах начинало рябить.

Сзади, с боков напирает толпа, и Ждану кажется, что он идет вперед не по своей доброй воле, а движется, подхваченный человеческим потоком.

Жданко остановился... На ларях лежат и висят огромные связки — горностаев белых зверюшек с черными хвостиками, волчьи шкуры, соболя с черными хребтами и куницы и белки, совсем серебряные по сорок штук в связке.

Ну и добра же в стольном городе! Богатства! И кто только богатство это на себе носит? Все, небось, князья с княжичами, да дружинники княжеские, да Гордяты всякие... А мы с отцом овчины на себя напяливаем...

Спутник усмехнулся и поглядел сбоку на Жданка.

— Простая ты чадь, милый, — подмастерье либо смердов сын? Не равняться тебе с княжичами! А вон, вишь, и иноземцы покупают наш товар.

Действительно, Ждан поглядел в толпу и заметил, что у ларей толкались покупатели, как-то чудно, не по-русски одетые.

— И возы стоят тут же, — продолжал Жданкин спутник.

— Договорились, видно, иноземцы с возчиками. Довезут меха до польского рубежа, а там поедут восвояси — в немецкую землю. По платью вижу — немецкие гости.

Очень хотелось Ждану узнать у каневского мастера, что это за люди такие — «немецкие гости», но мастеру было теперь не до Ждана. Он увидал своих земляков, которые махали руками и криком приветствовали его. Мастер стал выбираться из толпы.

Но каково же было удивление Ждана, когда среди обступивших его недавнего знакомца он увидел людей, очень похожих на того половчина, которого он встретил на улице кожевников с новым седлом [1].

Вопросы: Какие товары можно было увидеть на рынках Киева, и кто их привозил?

Кто были покупатели дорогих товаров?

Что можно сказать о торговых связях Киева?

[1] Б. Прилежаева-Барская, В древнем Киеве, Детгиз, 1953, стр. 57. 58, 61.

Люди, потерявшие пахотную землю.

Микула не мог понять, почему ему живется все хуже. Несчастья, как поздней осенью желуди с дуба, сыпались и сыпались на него.

Казалось, жил он по правде, вовремя приносил жертвы богам, прежде чем самому что-нибудь съесть, бросал в огонь первый кусок чурам, но никто теперь ему не помогал, жизнь становилась все труднее, двор нищал, приходилось совсем плохо.

Впрочем, Микула еще держался. У него есть руки, есть руки и у Висты, вдвоем они посеют сколько им нужно, в лесу Микула от отца знает захожаи[1], где можно найти борти с медом, в Днепре водится рыба! Осенью, когда подошло время, Микула поправил старое рало, взял борону, запряг коня и поехал за Любеч, в лес, где они когда-то с отцом выжгли участок, выкорчевали пни и из года в год сеяли хлеб.

Но, подъехав к этой пашне, Микула не поверил своим глазам: на его меже и еще на многих других межах стояли на столбах знамена... Сначала он даже не понял, что это такое. Обтесанный деревянный столб, наверху на нем прибита поперек желтая доска; а на ней черный смоляной знак — два острых перекрещенных копья. Он дошел до межи своего выжженного участка, там тоже стояло знамено и око с тремя чертами, побежал к меже соседа — знамено — месяц под солнцем, новая межа — и опять око, око!

На поле собралось несколько любечан, людей одного рода, которые, хотя и ушли из родного гнезда, но до сих пор владели тем, что их объединяло и роднило, — землею.

Теперь оказалось, что и земля уже не роднила их, а разъединяла. Ибо там, где стояли знамена с копьями, была княжеская земля, где знамена с оком — земля волостелина Кожемы, а знамено, на котором был изображен месяц под солнцем, принадлежало посаднику, такому же человеку, как они, но не их уже рода — Бразду.

Они смотрели на небо, на днепровский плес, селение, выжженную пашню, лес — все это ведь родная земля. Так было при отцах и дедах, всегда. Бывало так, что приезжали к ним князья с дружинами, брали дань от дыма — они давали, поставили князья над ними волостелинов и посадников, назначили уроки и уставы — они и их давали, земля была все же их родная...

И вот теперь земля перестала принадлежать им, она уже не родная, она принадлежала князю, волостелину, посаднику. Почему же так? Ведь князь со своей дружиной не обрабатывает ее, не пашет, не сеет. Не выжигали, не корчевали, не пахали этой земли и волостелин Кожема, и посадник Бразд. Любечане вспоминали давно прошедшие времена, когда выходили всем большим родом, рубили лес, выжигали и корчевали пни, пахали целину бросали в нее зерно и собирали урожаи. Эта выжженная земля была им так дорога, это была их кровь.

Оставалось еще, правда, много земли вокруг — руби лес, выжигай, корчуй, сей! Но разве могли они теперь, распыленные, разрозненные, сделать это? Рубить лес — с кем? Выжигать — как же выжигать одному? О, целина была хорошая земля, прошелся по ней с сохой — и сей! И вот целины не стало...

Рядом с другими нищими людьми стоял и Микула, думал о том, как потерял землю...

Страшась голодной зимы, он бросился в лес, туда, где еще отец указал ему дуплистые деревья. Но и там, в пчелиных заповедниках, стояли знамена — месяц, око![1]

Вопросы: Кто и каким путем лишил возможности Микулу и его односельчан пользоваться пахотной землей и лесными угодьями?

Как мог обезземеленный смерд получить от боярина разрешение пользоваться землей?

[1] Захожаи — делянки, урочища.

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ В КИЕВЕ В 1068 Г.

Долго еще шумело вече, поджидая Коснячка и Изяслава, но никто из них не появлялся.

— Братья! — снова загремел голос Онцифора.— Бежим на гору к Коснячку, к Изяславу в гости. Вызволим из поруба нашего князя Всеслава. Освободим из неволи!

— На гору! На гору! — пронеслось в толпе, и все бывшие на вече ринулись наверх, туда, где жили князь и его бояре.

С факелами в руках, с рогатинами и топорами бежали наверх грозные, возбужденные люди.

«На гору, на гору!» — этот клич пронесся по всему Подолу, где жили древоделы и тесляры, мостники и плотники. Люди вскакивали со своих лавок, полуодетые, они хватали топоры и дреколья, палицы и рогатины, все, что попадалось под руку, и бежали вслед за Онцифором и мастером по бронзе. Едва переводя дух, опрокидывая по пути лавки и лари, не успевая прикрыть двери своих домов, они стремились все вперед, наверх.

Подобно эху, долго еще по Подолу раздавался призывный клич: «На гору! На гору!»

— Идем, братья, к порубу — освободим тех, кого несправедливо заключил Изяслав!

— К порубу! К порубу! — закричала толпа.

Вы идите, братья, куда лежит ваш путь, а мой — к княжескому терему! Кто со мной идет?

[1] С. Скляренко, Святослав, изд. «Советский писатель», М., 1960, стр. 114—116.

И толпа разделилась надвое: одна часть, во главе с Онцифором, направилась к ярко освещенному терему, другая — к порубу.

Хоть и празднично выглядел издали княжеский дворец с широко раскрытыми окнами, откуда лились яркие полосы света, однако не для праздничного пира собрались в гриднице князь Изяслав с братом своим Святославом, с дружинниками и со знатными мужами. Тревожно было в княжеских хоромах. Дошли сюда слухи о бурном вече на большом торговище. Знали уже здесь, что огромная толпа горожан стучит в ворота Коснячка, что ищут тысяцкого киевляне, что, не найдя его, побежали к порубу освобождать заключенных. Все то было ведомо князю, но он считал, что не посмеют смерды и простая чадь — городские люди — пойти против его воли. Княжеские мужи и дружинники не были, однако, спокойны. Не один раз подходили они к князю и повторяли, что направились горожане к порубу, а в порубе сидит Всеслав...

Князь не хотел слушать слов своих дружинников, он подошел к раскрытому окну.

— Что нужно, людие? — спросил он толпу.

Тогда вышел вперед Онцифор. Глаза великого князя и простого киевского мастера встретились, и князь опустил свои глаза.

Онцифор заговорил:

— Княже! Я пришел с Альты! Все видел своими очами; слыхал своими ушами стоны и вопли тех, кого избивали и калечили проклятые половцы. Наше войско разбито! Стыд! Позор!

— Княже,— продолжал между тем Онцифор.— Мы хотим, мы еще будем биться с ними, только выдай нам оружие, дай нам коней!

Теперь глухой рокот прошел по княжеской гриднице. Жданко разобрал, что говорили в гриднице.

— Дай им оружие — сами тогда не уцелеем. Это будет похуже половцев!

— Коснячок убежал, а князь нам ничего не отвечает. Князь боится дать нам оружие. Не лучше ли нам, братья, добыть другого князя!

Этот ропот достиг ушей княжеских дружинников, и все упорнее и настойчивее они советовали ему убить Всеслава.

— Пошли к нему своих мужей — верных тебе дружинников, пусть подзовут его к окошку, мы проткнем его мечом, и ты избавишься от страшной опасности. Не будет в живых твоего соперника, твоего врага!

Чего боялись княжеские дружинники, то и случилось! В тот час, когда Изяслав стоял в нерешительности посреди своей гридницы, люди киевские ворвались в поруб, освобождая заключенных. Они сломали двери и в той темнице, где сидел Всеслав с двумя своими сынами.

В толпе говорили:

— Вот тот князь, который нам нужен! Он прогонит половцев с русской земли! Вот наш настоящий князь!

Ночь кончалась, звезды погасли, занималась заря. Изяслав не дождался того часа, когда киевляне, подхватив под руки нового князя, освобожденного ими, пошли на княжеский двор. До рассвета он с братом своим Святославом ускакали прочь из Киева [1].

Подумать: Что послужило поводом к началу восстания?
Кто участвовал в восстании?
За что боролись восставшие и против кого?

КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ.

Богата и многообразна культура Киевской Руси. Отрывки из книги Б. Прилежаевой-Барской «В древнем Киеве» и из книги С. Скляренко «Святослав» раскрывают лишь некоторые стороны этой культуры (рост и укрепление Киева, строительство замечательных памятников древнерусской архитектуры, сохранившихся до наших дней — Софийского собора, Золотых ворот и др.).

Выдающимся памятником устного народного творчества этого периода, раскрывающим лучшие черты тружеников-пахарей и защитников древнерусской земли, являются былины об Илье Муромце и Микуле Селяниновиче.

Отрывки используются в рассказе учителя в теме «Культура Киевской Руси».

Вид Киева.

И тогда предстал перед ними во всем своем величье древний город, стены которого заложил еще князь Кий. Много воды утекло с тех пор, а стены росли, укреплялись, как росло и крепло все вокруг Киева — города над Днепром.

Вдали высились три горы, и к ним были прикованы взгляды сидящих в лодии: Киева гора, где стоял княжий город, или, как его попросту называли Гора; гора Щекавица, над которой первые стены воздвиг брат Кия Щек, гора Хоревица — вотчина Хорива, третьего брата.

Когда-то здесь, над Днепром, стояли три «двора-городища». Теперь над всеми тремя раскинулся Киев-город: высокие стены, башни; золоченые, сверкающие в лучах закатного солнца крыши княжьих теремов; крутые склоны, обрывающиеся над самым Днепром; густые, опоясывающие город леса, где в глубоких оврагах уже залегли синие тени ночи. Это была Гора — настоящее

[1] Б. Прилежаева-Барская, В древнем Киеве, М., 1953, стр. 108—113.

орлиное гнездо, со стен которого обозревались окрестности на много поприщ[1] вокруг и куда не мог подступить незаметно ни один враг.

Неузнаваемо изменился Киев-город с тех пор, как были возведены первые стены. Жили теперь не только на Горе. Повсюду на склонах, у подножья стен, рос новый город — тут жили княгиня Ольга и немало бояр. Над Боричевым спуском, над оврагами, а часто и в них в эту пору загорались огни и вились дымы — там ютилось и работало предградье, за ним, до самой Почайны, раскинулся Подол, а еще дальше Оболонь — земли князей, воевод и бояр[2].

Жизнь в Киеве X в.

Гора, как и предградье с Подолом, просыпалась рано, до восхода солнца. Как только ночная стража заканчивала свою вторую смену, приходила стража дневная, с башен и стен Горы — от Подола, Днепра и Перевесища — неслись звуки бил, ночь заканчивалась.

И сразу же на Горе — в княжьих теремах, по подворьям воевод, бояр, тысяцких и тиунов (они жили посередине Горы), в землянках и хижинах гридней, смердов, ремесленного люда, лепившихся к внутренним стенам города, — загорались желтые огоньки, слышались голоса, ржали кони, ревел скот.

Тогда же опускали мост — единственный путь, по которому можно было попасть с Горы на Подол. Долго скрипели цепи, громко кричала во мгле стража; наконец, касаясь противоположной стороны рва, падал с глухим ударом мост. На той стороне рва только этого и ждали, сразу же раздавался топот лошадей по деревянному настилу моста, слышались шаги множества людей: это сюда, на Гору, от Оболони — из княжьих садов и огородов — холопы везли молоко, плоды и овощи, спешили на работу строительные мастера, кузнецы, которым негде было жить на Горе и которые ютились в хижинах и землянках предградья.

Гора оживала. Уже позвякивала ключами и расхаживала, присвечивая лучиной, со своими дворовыми людьми ключница княгини Ярина — она отпирала клети и кладовые; ремесленники и кузнецы раздували горны, всюду над трубами поднимались и тянулись к небу дымки, пахло свежим печеным хлебом, рыбой, мясом, жрецы разжигали огонь на требище, и в черном небе вырезывался тесанный из векового дуба Перун. Поблескивая серебряными усами и бородой, он, казалось, вытягивался во весь рост и смотрел через стену Горы на Подол, Днепр и дальний, еще темный берег.

[1] Старинных верст (мера длины).
[2] С. Скляренко, Святослав, М., 1961, стр. 304.

На главном конце Горы, что тянулся от подольских ворот до требища, становилось все больше и больше возов, медленно ехали верхом гридни, вскоре застучали по камням и посохи — то бояре и воеводы, мужи лучшие и тиуны спешили к широким дверям княжьего терема, чтобы быть на месте, когда покличет княгиня[1].

Вопросы: Среди какой части населения раньше всего начиналась трудовая жизнь в городе?

Как выглядели дворы и жилые помещения феодалов-бояр и князей?

В какой части города и в каких условиях жили ремесленники и смерды?

У Золотых ворот.

Высоко на горах стоит Киев.

К востоку от города у подножья гор течет Днепр. Широкая могучая река — надежная защита от неприятеля: нелегко перебраться через такую реку; с северной стороны крутые горы и глубокие пропасти — помеха врагу.

Не добраться ему и с юга. Здесь густые, дремучие леса, непролазные дебри, тоже кручи, тоже пропасти...

А вот с запада нет Киеву природной защиты: ни высоких гор, ни глубоких оврагов. Поэтому враг всегда норовит ринуться на город с западной стороны.

Так, в начале XI века напали на Киев хищные степняки — печенеги; они совсем близко подошли было к городу, но киевляне, во главе с князем Ярославом, вышли навстречу врагу в открытое поле. Произошла злая сеча; киевляне разбили печенегов.

Однако после этой битвы пришлось задуматься киевлянам, как оградить себя от новой напасти, от новых набегов из степи; стали насыпать валы, сооружать деревянные стены на валах — «ставить столпие».

На том месте, где киевляне доблестно сразились с врагами, князь Ярослав построил храм и назвал его храмом святой Софии, подобно тому, как назывался главный храм в Константинополе — столице Византийской империи.

Золотом сверкают купола на киевской Софии, прекрасны обширные галереи, примыкающие к храму, сквозь которые открываются несравненные по красоте виды на холмы и долины, окружающие Киев.

Сильно разросся Киев к середине XI века.

Трое ворот вели теперь в Киев: одни с севера — отсюда шла дорога на Галич; другие, Лядские, — с юга, из дебрей, и Золотые — с запада.

[1] С. Скляренко, Святослав, М., 1961, стр. 29—30.

Главные ворота — Золотые; их называли еще Великими. Это две параллельные стены, соединенные сводом. Над сводом находилась церковь с золоченым куполом. Створки ворот были окованы вызолоченной медью.

Золотые створки, золотой купол...

Когда солнце бросало свои прощальные лучи на купол церкви и скользило вниз по сверкающей плоскости, проезжий и прохожий останавливались в изумлении и долго не могли забыть ослепительной красоты киевских западных ворот [1].

Вопросы: Какого уровня достигло древнерусское градостроительство?

Подтвердите свое мнение описанием архитектурных памятников.

(Посаженный князем по наговору врагов в глубокий подвал богатырь Илья Муромец, узнав о нашествии врагов на родину, идет ее защищать, забывая об обиде, причиненной ему князем:

Я иду служить за веру христианскую
И за землю российскую,
Да и за стольные Киев-град,
За вдов, за сирот, за бедных людей..
А для собаки-то князя Владимира
Да не вышел бы я вон из погреба [2].
Да садился Илья на добра коня,
То он ехал по раздольицу чисту полю,
И подъехал он ко войскам ко татарским.
Не ясен сокол да напущает на гусей, на лебедей
Да на малых перелетных на серых утушек —
Напущает-то богатырь святорусский
А на тую ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырского
Да поехал ли по той по силушке татарской,
Стал он силушку конем топтать,
Стал конем топтать, копьем колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет, будто траву косит [3].

Вопросы: В ком народ воплотил свою героическую борьбу со степными кочевниками?

Какими качествами наделяет народ своего любимого богатыря, крестьянского сына Илью Муромца?

Литература, для внеклассного чтения

Д. К. Вишневский, Василий Тур в книге «Повести о безвестных мастерах», М., 1958.

«Былины», М., 1952.

---

[1] Б. Прилежаева-Барская, В древнем Киеве, Детгиз, М., 1953, стр. 8—9.

[2] «Русский фольклор», сост. Н. П. Андреев, М. — Л., 1938, стр. 196.

[3] Былины Илья Муромец и Калин-царь, изд. «Советский писатель», Л., 1950, стр. 102.

А. С. Пушкин, Песнь о вещем Олеге.

И. Кочерга, Ярослав Мудрый. Драматическая поэма в книге «Исторические драмы», 1954.

А. П. Ладинский, Когда пал Херсонес, М., 1959.

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ РУСИ.

Книга «Кремлевский холм» Д. М. Еремина интересна тем, что раскрывает основные общественные явления того времени в живых, убедительных образах. Выразительно, с большим мастерством обрисован князь Ю. Долгорукий. Ему противопоставлен упрямый, озлобленный боярин Кучка, враг объединения русских земель, противник единовластия. Главные герои книги — люди из народа — кузнец Страшко, зодчий Симеон, парень Мирошка и др. Они олицетворяют образ народа — строителя, пахаря.

Рекомендуя книгу учащимся, следует предостеречь их от известной переоценки личности и деятельности князя Долгорукого, которая имеется в повести.

Нельзя не указать школьникам на те неверные сведения, которые даются в книге, например, о направлении движения монголов и крестоносцев, а также и о том, что москвичи в книге показаны слишком темными и забитыми.

Приведенный в пособии отрывок из книги Д. Еремина «Кремлевский холм» обстоятельно и полно характеризует разрушительные набеги половцев на русские села и города в период феодальной раздробленности.

Многие учителя используют также и отрывок из книги О. Гурьяна «Набег», в котором показаны те бедствия, которые причиняли трудовому населению Южной Руси половецкие набеги.

Познавательная задача: Какие бедствия причиняли половецкие набеги населению южнорусских селений и городов?

Половецкие набеги.

Ночь была темной и тихой. Из низко висящих туч сеялся мелкий дождик. И вдруг из леса, как волчья стая, вынеслись половцы. С воем и свистом они промчались по невидимой ночью ниве — на холм к городцу. Сторож был сбит с ног и с рассеченной головой упал в траву.

Половцы кинулись к избам, поволокли из них добро и людей. Скоро над разоренным посадом встало высокое зарево. Дымное пламя длинными языками срывалось с камышевых крыш, жадно лизало настеж распахнутые двери, грызло невидимыми зубами сосновые бревна стен [1].

---

[1] Д. Еремин, Кремлевский холм, М., 1955, стр. 5—6.

Словно черная река, разлившись, катила грозные валы; словно в грозовом небе, клубясь, громоздились черные тучи — так бесчисленное половецкое войско затопило степь, окружая детинец...

Половцы, проникнув в жилища, кидали в окна ткани, меха и утварь, тащили упиравшихся женщин, словно котят хватали детей по двое и по трое, кидали поперек седла и, все, что можно, захватив с собой, поджигали пустое жилище...

В жилище господина Глеба богатая досталась половцам добыча. Обезумев от жадности, рвали они друг у друга из рук золотые узорочья... Богатые шелка топтали сапогами, рвали ковры со стен [1].

* * *

Отрывок из книги Б. Прилежаевой-Барской «Новгородцы» дает представление о новгородском торге в XII—XIII вв., богатстве и многообразии товаров, роли и значении иностранных «гостей» (купцов).

Новгородский торг.

Точно остров на окиян-море, всплыл над водной гладью великий город с златоверхими башнями на рубленых стенах; посреди города течет Волхов-река, катит свои воды из Ильмень-озера в озеро Нево. Во все стороны стелются водные дороги, плывут по ним корабли, наполненные доверху всяким добром. Из великого города везут на запад звериные шкуры да воск, из-за Каспия привозят драгоценные ткани, а из немецких стран — олово и медь, железо и свинец, сукна да шелка, вина и сласти.

Как прибудут корабли в Новгород, иноземные купцы высадятся на берег, вывалят тюки с товарами, скажут людям таскать товар на подворья.

Самый близкий к берегу двор у немецких гостей. Крепки толстые бревенчатые стены. По ночам висят на дубовых воротах тяжелые замки; псы, спущенные с цепи, злобно ворчат из-за закрытых ворот.

Все это ночью, а теперь день — ворота немецкого двора широко открыты, и новгородское торговище полно людей. Туда, сюда, взад и вперед шатается народ по торгу; валом валит и с Рогатицы, и с Буяньей, и со Славенской, и с Кончанской, и с той стороны, «от Софии» спешат честные новгородцы с Добрыниной, с Легощей, с Чудинцевой. Снуют между народом квасники с расписными жбанами на головах. «Эй, вы, гости прохожие, молодцы пригожие, не угодно ли квасу, вкусного доброго квасу?»

Протискиваются пряничники, кричат: «Пряники сладкие! Пряники! Медовые пряники!»

[1] О. Гурьян, Набег, Детгиз, 1954, стр. 139, 167—168.

У белой стены Параскевы-Пятницы гости, что прибыли из далеких земель (с низовьев Волги и берегов Каспийского моря), гортанными голосами зазывают покупателей с тугим кошельком.

Вон свесился с рундука, точно пламенем охваченный кусок алой кафинской (из города Кафы — современной Феодосии) ткани. У прилавка остановилась боярыня во вдовьем платье, видать, родовитая, богатая. Унизанные самоцветными каменьями нежные белые пальцы гладят драгоценную ткань, а горбоносый продавец в зеленой чалме снова прельщает боярыню: развернул голубой в золотых звездах аксамит (драгоценная ткань вроде парчи). Боярыня обернулась к стоявшей позади нее девушке, кивнула ей, и румяная прислужница схватила в охапку обе редкостные ткани и понесла их к раззолоченной колымаге, стоявшей неподалеку[1].

Вопросы: Откуда и с какими товарами прибывали корабли в Новгород?

Кто покупал товары у иноземных купцов?

* * *

В повести Б. Изюмского «Тимофей с Холопьей улицы» освещена жизнь Новгорода в первой половине XIII в., социальные противоречия и вызванная ими классовая борьба.

Тяжелый жизненный путь пришлось пройти герою повести, сыну бедного кожевника с Холопьей улицы. Научившись грамоте, он привязался к книгам и взволнованно и правдиво рассказал о ней в «Слове о Новгороде».

В книге раскрыты думы и чаяния простого народа, коварные замыслы новгородских феодалов, воспроизведены эпизоды ожесточенной борьбы между городскими низами и боярскими слугами.

Тимофей не историческая личность, но подобный талантливый сын простого ремесленника мог быть в Новгороде. Книгу можно рекомендовать учащимся для домашнего чтения.

Вече.

Но что это? Неужто вечевой колокол? Тимофей побежал к Ярославову дворищу.

Вечевой колокол гудел тревожно и требовательно, сзывал на Великое вече.

У каждого колокола в городе был свой голос: один вызванивал глухо и тяжко, словно простыл; голос другого выплы-

[1] Б. Прилежаева-Барская, Новгородцы, Детгиз, Л., 1957, стр. 3—4.

вал вольно и гибко, как лебедь на озере; третьи бранчливо переругивались тоненькими голосами.

Вечевой можно было узнать из сотен: в него били «в один край». Он звал, будоражил, ему нельзя было не подчиниться.

По Славной, Большой Пробойной, Буяной улицам, мимо низких лачуг, задымленных кузниц, мочил с кожами, от которых нещадно разило, спешили на площадь дегтяри, лодочники, шильники, котельники; перекликивались на ходу, собирались под стяги своих улиц.

Тимофей устроился поближе в стéпени — высокому помосту, на котором уже стоял лицом к Волхову ласково улыбающийся Незда с шейной печатью посадника на зеленом кафтане.

Посадником боярин Незда стал недавно, но путь этот пробивал долго и упорно.

...Он не брезговал ничем: давал деньги в рост, принимал вещи в заклад, скупал и перепродавал меха, привозил из дальних стран редкие сорта деревьев — самшит, кедр, кипарис — и втридорога продавал их новгородским умельцам.

Кроме дома в Новгороде, у Незды было еще сто четырнадцать деревень, владения на Ваге и Двине, борти, леса, рыбные тони, соляные промыслы и становища звероловов.

Как никто другой, умел Незда вовремя выкатить на улицу бочку с брагой, подпоить нужных ему на вече сообщников, подкупить крикунов — у него было несколько сот наймитов на жалованье.

...Рядом с Нездой на помосте стоял сухощавый тысяцкий Милонег, опоясанный золотым шитьем.

...Народ тек непрерывным потоком с Плотницкого, Славенского концов, перебегал через мост с Софийской стороны. В дальних улицах Гончарского конца бирючи (вестники, глашатаи), надувая багровые щеки, продолжали скликать трубами.

«Многонародство какое!» — поглядел Тимофей на площадь.

Глядя на море голов, разливавшееся от Готского двора у берега до церкви Успения, на опашни, поддевки, Незда замечал у многих в руках топоры дубины-ослопы, а кое на ком и брони. «Попробуй устрани таких — костей не соберешь, — думал он. — А держать в покорстве — то для умного мужа». Посадник покосился на своих уже подвыпивших молодцов в дальнем конце площади. Они только ждали знака для крика и потасовки. «Понадобятся ли? — продолжал размышлять Незда. — Вчера на тайном совете решили объявить поход против тевтонов, что закрыли новгородским купцам путь к Двине, но выступить надо под стягом защиты эстов... Пусть чернь так мыслит».

Показался в полном облачении владыка Митрофан. Он был величав, и с его бледного лица мрачно глядели на толпу большие властные глаза. Бирючи в фиолетовых камзолах раздвигали толпу, прокладывая владыке дорогу к стéпени.

Появление владыки встревожило вече. «Пошто он явился?» — можно было прочитать у всех на лицах.

Владыка Митрофан нéторопливо опустился на лавку на помосте рядом с именитыми боярами.

Незда едва заметным движением руки подал знак — колокол оповестил о начале веча.

Сняв соболью шапку и подойдя к краю стéпени, Незда склонил голову, пальцами руки прикоснулся к помосту:

— Вечу Великому, Господину Новгороду земной поклон!

Он долго не выпрямлялся, потом, разогнув спину, возгласил в наступившей тишине:

— Собрались мы, гражане, дабы решить: доколе тевтоны подлые будут притеснять беззащитных эстов? Доколе? Не корысть зовет нас, братья, на помощь к ним, а сердце другов [1]...

Вопросы: Из кого состояло вече?

Представителем какого класса был посадник?

Какими средствами он держал вече в своих руках?

* * *

В повести Г. Блока «Московляне» рассказано о разорении страны феодальными распрями и войнами, описано закабаление смердов феодалами. Очень удачны картины антифеодальных выступлений крестьян и посадских людей. Кудринский эпизод типичен, он объясняет развитие феодальных отношений, складывание сильной княжеской власти во Владимиро-Суздальской земле. В книге показана деятельность таких князей, как Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский и др. Даны также картины строительства и усиления Москвы.

Интересно и правдиво освещена жизнь крестьян, ремесленников, однако представители феодальной власти, Владимиро-Суздальские князья, идеализируются. Они якобы ищут опору для своей власти среди простых ремесленников, купцов, знают их всех по имени, запросто держат себя с ними и т. д. В отрывке из книги Г. Блока «Московляне» дается описание Московского холма и окружающей его местности, раскрываются образы строителей, возводивших первые стены Москвы, показана героика их труда.

Москва строится.

— Рубят город!

Такой звонкой стукотни топоров, таких длинных скрипучих обозов, волочивших по снегу толстые сосновые бревна, такого рабочего многолюдства и такого движения Москва еще не видывала и не слыхивала.

Во всех лесных поселках и слободках по обоим берегам Москвы-реки и Неглинной все головы шли кругом, и все разговоры неизбежно возвращались к одному:

[1] Б. Изюмский, Тимофей с Холопьей улицы, Детгиз, 1958, стр. 10—13.

— Рубят город!

Многоопытный Петр Замятнич принялся за дело умеючи и живо поднял на ноги всех местных жителей, способных держать в руках топор или заступ. Их привыкли уже звать московлянами. По всем избам были рассованы согнанные из разных мест плотники и землекопы.

...Спустившись молча по обросшему елями Сивцеву вражку, они переходят по льду ручей Черторью и затем гуськом одолевают противоположный, очень крутой и скользкий берег. А там с безлесного верха открывается зрелище, которое каждый раз смущает, тревожит и даже пугает и Неждана и гончара.

На зимнем небе, обложенном окровенелыми перед восходом тучами, отчетливо синеет одетый снегом Московский холм. Он и не он. Чужой. И вся с детства знакомая окрестность стала оттого тоже чужая.

Вековой бор наполовину сведен. На полысевшем с одного бока бугре торчат местами одиночные, слишком долгие сосны с чересчур высоко задранной шапкой редкой хвои. Над ними полощется черная кисея галочьей стаи. Юрьев частокол тоже убран. Оголенные строения ... усадьбы кажутся издали жалкими, беспорядочно жмутся друг к дружке, будто продрогнув на ночном ветру. Рядом с ними желтеет сруб еще не обвершенной церкови.

Древнее урочище, неряшливо загроможденное высокими стопами свежих бревен и полузанесенными снегом кучами диких камней-валунов, утратило, на Нежданов взгляд, всякое величие.

Мороз щиплет ухо. Неждан трет его жесткой рукавицей. Ему чудится, что у него отняли родину. Он растерян.

Но вот занялся пасмурный, тихий декабрьский денек, похожий скорее на ранний вечер. Белая муть задернула лесную даль, глушит звуки и мягчит душу.

Затюкали топоры. Заговорили человечьи голоса. Галочий пружинистый крик вонзается в низкое небо.

Неждан вырубает в промороженном, звонком бревне полукруглую выемку, или, на плотницком наречии,чашку. Через нее будет пропущен насквозь конец другого, поперечного бревна. Кленовое топорище, навощенное ладонью до блеска, Нежданупо руке. Топор насажен крепко-накрепко и отточен так, что, наскочив на сук, режет его, как масло. Работа спорится. Неждан ничего не видит, кроме топора, бревна, отлетающих щепок да клетчатых отпечатков своих лаптей на снегу. Мороз не щиплет больше ухо. Липкие от свежей смолы руки приятно разогрелись. Воздух по-зимнему душист и вкусен, как только что принесенное с погреба молоко.

...Времена стали так беспокойны, что в необходимости крепкого города убедились все Будет, по крайней мере, куда укрыть жен и детей, если набегут — неровен час! — новгородцы, смоляне, рязанцы или черниговцы. Князья до того перегрызлись, что

всего можно ждать. Только самые заматерелые старухи шамкают беззубыми ртами, что живали-де при дедах-прадедах без оплота и дальше, мол, прожили бы эдак же. Но их никто не слушает [1].

Вопросы: Кто строил Москву?

Чем диктовалась необходимость строительства Кремлевской стены?

* * *

Стихотворение С. Щипачева «Первый москвич» в образной форме раскрывает величие трудового подвига крестьян в строительстве Московского Кремля.

Приступая к изучению этого вопроса, учитель обычно предлагает вниманию учащихся следующий вопрос: Кто был первым строителем Московского Кремля? Затем вывешивает картину-таблицу «Москва строится» и просит одного из учащихся прочитать стихотворение «Первый москвич» как комментарий к этой картине.

ПЕРВЫЙ МОСКВИЧ.

Стоял он у обрыва
У самой встречи рек,
Стоял, и, может, рекам
Дивился человек.
Вода бежала в красных
Размытых берегах...
У суздальского князя
Он числился в бегах.
Он ставил сруб. Усталый,
Ложился слушать бор,
Кладя в траву сырую
Под голову топор.
И светлой ночью снилось,
Что тут, где шум сосны,
Поднялся Кремль зубчатый...
А предок верил в сны.
Он в сон, как в явь, поверил.
В тот вещий светлый час,
Сквозь мрак восьми столетий
Он, может, видел нас.
Трава росой блестела,
Светлела синева,
Щепой сосновой пахло...
Так началась Москва [2].

В отрывке из книги А. Кузьмина «У золотых ворот» красочно изложена история строительства одного из изумительнейших архитектурных памятников Северо-Восточной Руси — Успенского собора во Владимире.

---

[1] Г. Блок, Московляне, Детгиз, 1951, стр. 81—82.

[2] С. Щипачев, Стихи, М., 1951, стр. 141.

Успенский собор во Владимире.

Во Владимире только и говорили о строительстве Успенского собора в городе и княжеского замка в Боголюбове. Наконец, собор был готов. Он стоял на холме, сверкая золоченым куполом. Вырубленные из камня тонкие пилястры — колонны, одной стороной словно вросшие в стену, венчались пышными лиственными капителями. Вдоль стен собор украшен был поясом тонких стройных колонок. Посредине белокаменных стен видны были женские маски. Это богатое убранство дополнялось яркими красками наружной росписи, обилием позолоченных деталей. Фресковые изображения святых и птиц между колонок пояса придавали всему собору праздничную яркость и нарядность. Сверкали окованные позолоченной медью колонки резных порталов. Листы меди покрывали простенки между окнами на главе храма.

В последнее время Алексей с Николаем работали не только днем, но иногда и ночью. Не хватало времени. Они чеканили и золотили «ветрила» — флюгера для его крыш. Ковали большие медные листы для украшения стен. Изготавливали золоченые «кубки», которые должны были стоять наверху.

У всех литейщиков и кузнецов Владимира в это время пылали горны. Прокопченные угольной копотью, в просолившихся от пота рубахах, мастера валились с ног. Спали два-три часа где-нибудь в углу избы и опять принимались за работу.

На фоне медленно плывущих облаков храм стоял величавый и спокойный, словно воин-великан в подпирающем небо золотом шлеме. Когда смотрели на его купол, казалось, облака стояли на месте, а храм плыл величаво и торжественно.

Сверкавшее белизной здание завершало городской холм. Поглядывая на собор, Николай говорил Алешке:

— Экие молодцы владимирцы! Посмотри, что сделали... Славно потрудились! [1]

Вопросы: Что придавало Успенскому собору торжественность, праздничную яркость?

Кто строил Успенский собор?

ЗАКАВКАЗЬЕ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XI—XIII ВВ.

Шота Руставели. «Витязь в тигровой шкуре».

В XI—XIII вв. культура Грузии достигла расцвета. В это время выдвинулось немало замечательных талантов, самым ярким из которых был Шота Руставели. В знаменитой поэме «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели проповедует идеи гуманизма, патриотизма.

[1] А. Кузьмин, У Золотых ворот, Детгиз, 1958, стр. 46—48.

Познавательная задача: Какие моральные качества утверждает Ш. Руставели в своей поэме?

БЕСЕДА АВТАНДИЛА С ШЕРМАДИНОМ ПЕРЕД ТАЙНЫМ ОТЪЕЗДОМ.

Верность другу в испытаниях для меня неколебима,
Кто двуличен и уклончив, повергает в гнев творца,
Разлучен я с побратимом, и душа неутолима,
О покинутом рыдает и томится без конца.
Вот пути, чтоб в сердце друга не угасло дружбы пламя:
Первый — быть с ним неразлучно, следовать за ним всегда,
Путь второй — презрев богатства, радовать его дарами,
Третий — быть опорой другу в час, когда грозит беда.
Тариэль такого братства дал мне лучшие уроки.
Мой черед пришел. Несчастий не кляну, останусь нем.
Не приду на помощь брату, пусть наказан буду роком!
Вероломен мир проклятый, не разгаданный никем!..

* * *

Вспоминай меня, любовью радовать всегда готовый.
Что враги тому, кто причял одиночество в удел!
Стойким должен быть мужчина, не сдавать в беде суровой,—
Жалок тот, кто искушений пересилить не сумел.

ЗАВЕЩАНИЕ АВТАНДИЛА ЦАРЮ РОСТЕВАНУ ПЕРЕД ТАЙНЫМ ОТЪЕЗДОМ.

Разделяя скорби ближних, мир пройдешь неуязвимым.
Презираю человека, в ком предательство и ложь.
Не могу быть вероломным с повелителем любимым!
Тот не воин, кто к походу запоздал, скрывая дрожь!
Разве муж, кто перед боем, в тыл бежав, трепещет, жалкий,
И не может в час сраженья пересилить цепкий страх.
Трус — не лучше старой бабы, просидевшей век у прялки.
Лучше имя возвеличить, чем копить добро в ларях!
Смерти не задержат тропы, ввысь ведущие по кручам!
Слабого сравняет с сильным, погасив обоим взор,
Даст загробное свиданье старцу с юношей могучим,
Лучше гибель, но со славой, чем бесславных дней позор [1].

БОРЬБА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ С МОНГОЛО-ТАТАРСКИМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ.

Книга В. Яна «Чингиз-хан» повествует о тех страшных разрушениях, которые произвели монголо-татарские завоеватели в начале XIII века в Средней Азии.

В книге исторически правдиво описано мужество простого народа в борьбе с захватчиками, разоблачено предательство феодалов, духовенства, вероломство и не знающая границ жестокость врага.

[1] Ш. Руставели, Витязь в тигровой шкуре, Поэма в стихах. М., 1941, стр. 143—144, 146—148.

Разорение Самарканда.

Утром третьего дня Чингиз-хан сел на коня и лично руководил штурмом Самарканда. Все свои войска он расставил вокруг стен и против всех ворот. Монголы нападали на выезжавших из города, поражая их стрелами из своих больших тугих, очень дальнобойных луков; они бились со смельчаками целый день до вечера, когда обе стороны вернулись в свои лагери.

В эту ночь самые знатные лица Самарканда — главный судья (кади), глава духовенства шейх-уль-ислам и старейшие хранители мечетей имамы — устроили ночное совещание, решив покорно сдаться. Утром они вышли из города и направились в лагерь кагана. Они хотели выпросить у монгольского владыки милости к осажденному городу. Чингиз-хан «обещал им безопасность от гнева своего и позволил разойтись по домам», и посольство вернулось с радостью в город. Тогда, за исключением отряда смелых, который укрылся в цитадели, кипчакские ханы, имея во главе начальника всех войск Тугай-хана, также поспешили явиться с поклоном к монголам и предложили принять их к себе на службу. И на это Чингиз-хан, милостиво посмеиваясь, согласился.

Утром шестого дня осады отворились главные «Ворота намаза», и монголы ворвались в столицу хорезм-шаха. Они пригнали пленных и приказали им разрушить стены.

Однако, вопреки обещаниям Чингиз-хана не делать зла городу, все мужчины и женщины Самарканда, разделенные по сотням, были выгнаны в поле, и там монголы их начисто ограбили и подвергли насилиям. Исключение было сделано только для очень немногих лиц, на которых указали предатели: главный кади и шейх-уль-ислам. Их монголы не тронули.

Населению было объявлено, что монголам разрешено проливать безнаказанно кровь всякого, кто вздумает скрываться в домах, когда все жители выведены в поле. Пользуясь этим приказом, монголы зарезали множество мирных жителей.

Кипчакское войско в тридцать тысяч воинов, вместе с женами и детьми, имея во главе дядю хорезм-шаха Тугай-хана, вышло из города, чтобы служить врагам. Монголы приказали им сложить оружие, обещав взамен выдать монгольское. Они объявили, что кипчаки, поступив на службу к Чингиз-хану, должны иметь также и облик монгольский. Поэтому им выбрили волосы полумесяцем на голове. Для лагеря монголы указали им особую долину. Там кипчаки поставили свои шатры и расположились вместе с семьями. А на другой день внезапно монголы на них напали и всех перебили, забрав имущество. Оставшиеся в живых сказали про погибших кипчаков: «У них не оказалось мужества ни для боя, ни даже для бегства».

А в эту ночь из гарнизона, укрывшегося в цитадели, выехала тысяча отчаянных джигитов во главе с Алп-Эр-ханом. Они смело

пробились сквозь ряды монголов и, пользуясь темнотой, скрылись. Впоследствии они соединились с войском Джелаль эд-Дина.

Оставшиеся защитники крепости продолжали биться. Тогда монголы разрушили плотины канала Джакердиза, имевшего искусно сделанное из свинца русло. Вода затопила окрестности цитадели и подмыла стены так, что сквозь обвалы монголы проникли в цитадель и перебили всех, кого нашли.

Из выведенных в поле жителей монголы отделили искусных ремесленников, чтобы их отправить к себе в далекую Монголию. А ремесленники были знамениты выделкой белой тряпичной бумаги, парчи, шелковых серебристых тканей, платков, дубленых кож, конской сбруи, больших медных котлов, серебряных и металлических кубков, ножниц, иголок, оружия, луков,колчанов и множества других ценных предметов. Все лучшие мастера были отданы в рабство сыновьям и родичам Чингиз-хана и отправлены в Монголию, где они потом образовали особые ремесленные поселки. Монголы и потом не раз уводили из Самарканда различных ремесленников и молодых, сильных рабочих, так что надолго Самарканд и его область обезлюдели.

После взятия самаркандской цитадели Чингиз-хан проехал через город, где повсюду грудами лежали трупы, и вернулся в загородный дворец. Его тенистые сады умеряли начавшуюся жару, которой не выносил монгольский владыка. Страшный смрад от разлагавшихся трупов не позволил оставаться в городе, откуда бежали жители [1].

Вопросы: Как вели себя феодалы и духовные власти перед лицом жестокого врага?

Как поступили завоеватели с Самаркандом и его населением?

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С МОНГОЛО-ТАТАРСКИМ НАШЕСТВИЕМ, С НЕМЕЦКО-ШВЕДСКИМИ ФЕОДАЛАМИ.

Два последующих отрывка из книг В. Яна «Батый» и «К последнему морю» характеризуют мужественную оборону Рязани и Киева.

В отрывках убедительно раскрыты массовый героизм и стойкость простых людей, бесстрашно сражавшихся с жестоким врагом.

Учитель заимствует из них конкретный материал для своего рассказа и цитирует отдельные фрагменты.

Второй отрывок используют для раскрытия содержания рисунка А. Земцова «Оборона Киева».

---

[1] В. Ян, Чингиз-хан, ОГИЗ, М., 1942, стр. 146—147.

Защита Рязани.

Расположенная на высоком обрывистом берегу над Окой, Рязань казалась неприступной. Земляные валы были огорожены тыном из дубовых стояков. Крутые скаты, политые водой, покрылись наледью, по которой взобраться было невозможно.

Все население города и ближайших поселков поднялось на защиту родной Рязани. Немало рассказов вспомнили бойцы о том, как в старину осаждали город и половцы, налетавшие из степей, и безжалостные суздальцы, грабившие своих же русских братьев. Нелегкое дело одолеть эти огромные откосы стен, когда сверху польется горячая вода и кипящая смола. Нужно только дружной ратью встретить врагов.

Воевода и бояре не сзывали больше охочих людей, — теперь все улицы, все концы сами собрали свои дружины. Каждый являлся в дружину, приносил с собой меч, секиру, копье или тугой лук. День и ночь стучали молотки, кузнецы «надыманием мешным» «творили разжение железу» и ковали добротные булатные мечи. Искусные ремесленники готовили шлемы, кольчуги, щиты и стрелы.

С утра татары подошли близко к рязанским стенам, подтаскивая за собой лестницы. Они были разные: и связанные из нескольких коротких тесин, и сбитые сосновые лесины с перекладинами, были и сделанные наспех из длинных бревен с двухсторонними зарубками.

Под городскими стенами раздавались крики татар, вопли избиваемых пленных, стук топоров и заунывный визг дудок, которыми татарские воины подбодряли себя перед штурмом.

Лестницы стали выдвигаться на стены одновременно со всех сторон.

Звяга и Ваула встали рядом с Савелием. Они сталкивали жердями каждого, кто подымался по лестнице. Тут же на стене отчаянно защищались остальные рязанские ратники, отбивая приступ. Им помогали женщины. Они выливали ведра кипящей воды на штурмующих. Бросали камни и глыбы льда на всех, кто пытался взобраться по лестнице.

К полудню штурм был отбит. Татары притихли и отошли. Внизу, под стенами, двигались, ползали и отчаянно кричали раненые. Татары ходили между ними, своих они оттаскивали, а русских добивали.

Штурмы повторялись и днем, и ночью в течение пяти суток. Рязанцы упорно стояли на своих местах. Но ряды их уменьшались, и некому было заменить павших. Женщины становились на место мужчин, убитых стрелами или раздробленных пудовыми камнями. А татары посылали на приступ все новые, свежие отряды. Они лезли упорно, надеясь на скорую поживу: кто первый ворвется, будет грабить все, что захочет.

Савелий, Звяга и Ваула помогали друг другу, чередуясь. Во время недолгого затишья они ложились тут же, на стене, и засыпали мгновенно, сунув под голову руку.

Вслед за камнеметной машиной к воротам подползли два тарана — большие бревна с железными концами, подвешенные на прочных подставках. Работавшие возле таранов монголы и пленные, прячась за кожаные щиты, раскачивали бревна, со страшной силой ударяя ими в городские ворота. Дубовые доски трещали, отлетали щепки. Со стены лили кипяток, горячую смолу, метали стрелы и камни.

А тараны упорно били и били без остановки и, наконец, раскололи ворота.

С криками торжества ворвались в ворота татары и натолкнулись на толстую каменную стену, наглухо закрывавшую вход. Ее сложили за дни штурма рязанские женщины, которым помогали дети.

На шестой день осады, 21 декабря, татары снова двинулись по лестницам, неся горящие факелы. Непрерывные потоки татар ползли одновременно со всех сторон. Одни бились кривыми саблями, другие стрелами сбивали защитников.

Наконец, татары стали одолевать. Дикий, радостный вой несся со всех концов города. Татары уже бежали по улицам, врывались в дома и убивали всех, старых и малых, никому не давая пощады.

Они разбили церковные двери, вбежали внутрь храма, изрубили женщин и священников, подожгли здание. Они бросали в огонь маленьких детей, вырывая их у матерей, которых тут же, на глазах у всех, насиловали, после чего распарывали им животы.

К вечеру в Рязани в живых не осталось никого. Современник пишет:

«Некому было стонать и плакать, некому скорбеть о погибших, родителям о детях, детям о родителях, братьям о братьях— все вместе лежали мертвые...».

В числе немногих спасшихся был Савелий. Несмотря на ледяную воду, он переплыл Оку. В мокрой одежде, с топором за поясом, он вылез на противоположный берег и остановился. В последний раз оглянулся на Рязань.

В вихре пламени и дыма выделялись колокольни горевших церквей. Савелий ясно слышал покрывавший вой и крики победителей равномерный одинокий звон набатного колокола, в который продолжал бить слепой звонарь.

Так, до последнего вздоха, пока его не прикончил разъяренный татарин, звонил старый слепой звонарь, призывая русский люд на защиту родины [1].

---

[1] В. Ян, Батый, Воениздат, М., 1942, стр. 136—139.

Героическая оборона Киева.

Прошло горячее засушливое лето 1240 года, миновала золотая осень, и все это время мимо Киева тянулись длинной вереницей и всадники разных кочевых племен Дикого поля, и пешие люди, и нагруженные телеги: «черные клобуки», половцы и другие степные обитатели уходили прочь из Дикого поля; непрерывно на лодках и плотах переправлялись через Днепр и двигались дальше, мимо Киева, в надежде найти где-то там, за лесистыми Карпатскими горами, спокойную трудовую жизнь.

Скрипели тяжелые возы, запряженные волами, медлительной поступью шагали двугорбые верблюды, навьюченные частями разобранных войлочных шатров, пылили стада овец с неизменным козлом впереди и проносились табуны разношерстных коней. Вокруг них скакали завернутые в шкуры конюхи в войлочных малахаях с длинными гибкими жердями, «укрюками», с петлей на конце. Они старались сбивать коней вместе в табуны, не давая им разбрестить по привольной беспредельной Дикой степи.

С тревогой поднимались жители Киева на старые земляные валы, на широкие стены, опоясывавшие древнюю русскую столицу. Пристально всматривались киевляне в голубые степные дали, где то и дело появлялись все новые и новые черные точки, по мере приближения превращавшиеся в отряды степняков, и, казалось, конца им не будет...

В прибрежных уличках Подола нарастала тревога. Все умельцы — оружейники, кузнецы, молотобойцы, все, умевшие ковать железо и выделывать из него оружие, принялись за спешную работу. Со всего города приходили киевляне, и молодые и даже глубокие старики, давно забывшие о воинских делах. Сходились в кружки, приносили с собой и точили мечи, заржавевшие копья и топоры. Все искали какого-нибудь оружия, скупали все, что могло послужить защитой от жестоких врагов.

В эти тяжелые дни в Киеве не было ни одного человека, для которого не нашлось бы дела, и дела самого неотложного, нужного. Дети подносили камни, ветки лозняка, старики варили смолу и кипятили воду, а кто мог держать в руках меч, копье или лук и колчан с калеными стрелами, а то и просто топор, — всякому было указано место, и с этого места его могла заставить сойти только смерть.

Но день за днем ряды мужественных защитников заметно редели, а заменить их становилось уже некому. Татары выпускали в осажденных тучи стрел, а когда, наконец, ворвались в город, их было так много, что своей конницей они сметали все, что попадалось на их пути. Не храбростью, не силой и доблестью отдельных багатуров одолевали враги, а несметным своим количеством, когда на каждого русского, да часто и не воина вовсе, а просто ремесленника или горожанина, раньше в руках

не державшего меч, приходилось по три-четыре хорошо вооруженных, опытных в боях татарских воина.

Однако никто не просил пощады, просили только у бога сил, чтобы выстоять до конца, чтобы умереть, не опозорив слабостью своего доброго имени. Знали, что задавит их враг, но не сдавались.

Уже не одна улица была завалена телами убитых, перемешавшихся в последней схватке, уж все тесней сжималось вражеское кольцо и податься было некуда, а люди еще радовались, видя, сколько сил теряет противник, замечая, что из посылаемых на поддержку ворвавшимся монголам новых отрядов ни один не возвращается обратно. Дорого отдавали осажденные свою жизнь, держась из последних сил, разя врага чем и как могли.

Прекрасный, богатый Киев обратился в дымящееся обугленное пожарище, заваленное бесчисленными телами убитых. Постепенно белый снег прикрыл своим холодным плащом следы небывалого побоища.

Кое-где из подвалов и развалин стали показываться немногие уцелевшие жители, изможденные, ослабевшие, больше похожие на тени, чем на живых людей.

Монахи, их было немного, вернувшиеся с крепостных стен в подземные ходы Печерского монастыря, служили панихиды, молясь за «убиенных» русских воинов, доблестно павших при защите своей древней столицы.

Сюда же, в монастырские пещеры, приносили раненых. Измученные, голодные, потрясенные событиями этих страшных дней, люди все же продолжали твердо верить, что придет время, когда правда и милосердие восторжествуют, татары уйдут назад в свои далекие степи и отстроится новый Киев, который расцветет — прекрасный, вольный и могучий.

Долго в великом запустении лежала киевская земля. Вот что писал по этому поводу проезжавший мимо Киева через пять лет после описываемых событий (1246) Плано Карпини, известный францисканский монах, отвозивший в ставку великого кагана Кара-Корум письмо от римского папы.

«Они (монголы) осадили Киев, который был столицей Русии, и после долгой осады взяли его и убили жителей города. Когда мы ехали отсюда через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь сведен почти ни на что. Едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Русь»[1].

---

[1] В. Я н, К последнему морю (путь Батыя), М., 1955, стр. 181—182, 208—216.

Вопросы: Что обеспечило успех завоевателям при осаде древнерусских городов?

Какие качества проявило население древнерусских городов в борьбе с врагом?

* * *

К. Симонов в поэме «Ледовое побоище» мастерски воссоздал полную драматизма картину боя, показал мужество и несгибаемую стойкость русских воинов, особенно крестьян, раскрыл полководческое искусство Александра Невского [1].

Познавательная задача: Что способствовало победе русского войска над немецкими феодалами?

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ.

Ливонцы в глубь Руси прорвались,
Дошли до Луги, Тесов пал.
Под самый Новгород, бахвалясь,
Ливонский мейстер подступал.
Пергамент подмахнув готовый,
Подвесив круглую печать,
Сам папа их поход крестовый
Благословил скорей начать.
...В субботу пятого апреля
Сырой рассветною порой
Передовые рассмотрели
Идущих немцев темный строй.
На шапках — перья птиц веселых,
На шлемах — конские хвосты.
Над ними на древках тяжелых
Качались черные кресты.
...Под нами лед, над нами небо,
За нами наши города,
Ни леса, ни земли, ни хлеба
Не взять вам больше никогда.
Всю ночь, треща смолой, горели
За нами красные костры.
Мы перед боем руки грели,
Чтоб не скользили топоры.
Углом вперед, от всех особо,
Одеты в шубы, в армяки
Стояли темные от злобы
Псковские пешие полки.
Их немцы доняли железом,
Угнали их детей и жен,
Их двор пограблен, скот порезан,
Посев потоптан, дом сожжен.
Их князь поставил в середину,
Чтоб первый приняли напор.
Надежен в черную годину
Мужицкий кованный топор!
... Князь поскакал к прибрежным скалам,
На них вскарабкавшись с трудом,
Высокий выступ отыскал он,
Откуда видно все кругом.
И оглянулся. Где-то сзади,
Среди деревьев и камней,
Его полки стоят в засаде,
Держа на привязи коней.
А впереди, по звонким льдинам,
Гремя тяжелой чешуей,
Ливонцы едут грозным клином —
Свиной железной головой.
Был первый натиск немцев страшен.
В пехоту русскую углом,
Двумя рядами конных башен
Они врубились напролом.
Как в бурю гневные барашки,
Среди немецких шишаков
Мелькали белые рубашки,
Бараньи шапки мужиков.
В рубахах стираных нательных,
Тулупы на землю швырнув,
Они бросались в бой смертельный,
Широко ворот распахнув.
Так легче бить врага с размаху,
А коли надо умирать,
Так лучше чистую рубаху
Своею кровью замарать.
Они с открытыми глазами
На немцев голой грудью шли,
До кости пальцы разрезая,
Склоняли копья до земли.
И там, где копья пригибались,
Они в отчаянной резне
Сквозь строй немецкий прорубались
Плечом к плечу, спиной к спине.
... Уже смешались люди, кони,
Мечи, секиры, топоры,
А князь по-прежнему спокойно
Следил за битвою с горы.
...И, только выждав, чтоб ливонцы,
Смешав ряды, втянулись в бой,
Он, полыхнув мечом на солнце,
Повел дружину за собой.
Подняв мечи из русской стали,
Нагнув копейные древки,
Из леса с криком вылетали
Новогородские полки.
По льду летели с лязгом, с громом,
К мохнатым гривам наклонясь;
И первым на коне огромном
В немецкий строй врубился князь.
И, отступая перед князем,
Бросая копья и щиты,
С коней валились немцы наземь,
Воздев железные персты.
Гнедые кони горячились,
Из-под копыт вздымали прах,
Тела по снегу волочились,
Завязнув в узких стременах.
Стоял суровый беспорядок
Железа, крови и воды.
На месте рыцарских отрядов

[1] Выдержки из названной поэмы некоторые учителя с успехом используют для организации литературного монтажа.

Легли кровавые следы.
Одни лежали, захлебнувшись,
В кровавой ледяной воде,
Другие мчались прочь, пригнувшись,
Трусливо шпоря лошадей.
...Брело под взглядами косыми
Немало пойманных господ,
Впервые пятками босыми
Прилежно шлепая об лед [1].

Литература для внеклассного чтения:

Ш. Руставели, Витязь в тигровой шкуре.

В. Д. Ряховский, Евпатий Коловрат, М.—Л., Детгиз, 1952.

А. А. Субботин, За землю русскую, М., 1957.

В. А. Смирнова-Ракитина, Повесть об Авиценне, великом ученом Средней Азии Абу-Али ибн-Сине, М., 1955.

А. Югов, Отважное сердце, Детгиз, М., 1961; Ратоборцы, М., 1956.

А. Ф. Хижняк, Даниил Галицкий, М., 1956.

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВОКРУГ МОСКВЫ. СВЕРЖЕНИЕ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА.

Отрывки из книги Н. Кончаловской «Наша древняя столица» и из книги Б. Изюмского «Ханский ярлык» содержат материал об усилении феодально-крепостнического гнета, обострении классовой борьбы на территории Московского княжества XIV—XVвв., о превращении Москвы в экономический и политический центр Северо-Восточной Руси, вокруг которого шло объединение русских земель. Используя эти отрывки, учитель основательно и полно раскроет основные причины образования Русского централизованного государства.

Рассказ учителя может быть построен как описание «путешествия» по Северо-Восточной Руси XIV—XVвв.

Феодал-боярин и крепостной крестьянин в XIV—XV вв.

МУЖИК С СОШКОЙ, А БОЯРИН С ЛОЖКОЙ.

Терем, терем, теремок,
Он затейлив и высок.
В нем окошки слюдяные,
Все наличники резные,
А на крыше петушки,
Золотые гребешки!
А в перилах на крылечке
Мастер вырезал колечки,
Завитушки да цветки
И раскрасил от руки.
В терему резные двери,
На дверях цветы да звери.
В изразцах на печке в ряд

[1] К. Симонов, Соч., т. I, М., 1952, стр. 191, 202—208.

Птицы райские сидят.
За переднею палатой
Спальня в горнице богатой,
И постель там высока,
Высока до потолка.
Там перины, одеяла,
И подушек там немало.
И стоит, покрыт ковром,
Ларь с хозяйкиным добром...
Вот, читатель мой, давай-ка
Мы заглянем в теремок.
Кто хозяин и хозяйка?
Кто палаты строить мог?
Чья шкатулка красной меди
Скатным жемчугом полна?
Чьи амбары и подклети
Распирает от зерна?
Вот он — «сам» с «самой» — супругой.
...«Сам», сопя, молчит сердито,
Щиплет бороду слегка
Что-то нынче «сам» не в духе,
Он стоит, глядит в окно
(При таком огромном брюхе
Сесть, конечно, мудрено!)
Он глядит, «самой» не внемля,
Как согретую весной
Для хозяев пашет землю
Мужичишка крепостной.
У хозяина их много:
Двести, триста, восемьсот...
Он следит за ними строго,
Как скоту, ведет им счет.
Чтоб они весь век трудились
На него, его рабы,
Умирали и родились
В нищете курной избы.
В этих избах печи были
Без трубы, не как теперь,
Их «по-черному» топили —
Дым клубился в окна, в дверь.
Трудно жили крепостные,
А зимой, в холодный год,
В избы «черные», курные
Приводили даже скот...
Землю пашет мужичишка
На господской полосе,
У такого нет излишка
Ни в одежде, ни в овсе! [1]

Внутренний вид крестьянской избы (XIV в.).

«Войдя в избу, Бориска снял плащ и огляделся. С детства знакомая картина: мох и пакля меж бревен, на окнах вместо слюды холстины, пропитанные маслом, в углу сноп — будет стоять до весны, на потолке оконце — дымница — открыто. Посередине на деревянном помосте — печь глинобитная. В том месте,

[1] Н. Кончаловская, Наша древняя столица, 1962, стр. 59—62.

где дым выходит, потолок очадел — стал бурым. У стены — глиняные горшки, оплетенные берестой, на деревянном ведре висит ковш. В избе чисто: даже лохмотья, валяющиеся на лавке, старательно вымыты»[1].

Вопрос: Что свидетельствует о дальнейшем развитии феодально-крепостнических отношений в Северо-Восточной Руси?

* * *

В повести «Ханский ярлык» Б. Изюмский воссоздает картину жизни Московского княжества первой половины XIV в. В центре ее растущая экономически и политически Москва, стремящаяся, как и все русские города, избавиться от монголо-татарского ига. Иван Калита, хитрый, осторожный и дальновидный в политике князь, был жестоким феодалом, о чем свидетельствуют его расправы с неповинующимися крестьянами и соседями. Это особенно убедительно раскрылось в его участии в разгроме Твери, восставшей против монголо-татар. У автора проявляется склонность идеализировать Ивана Калиту, приписывать неприсущие ему черты, преувеличивать его роль в возвышении Москвы и объединении русских княжеств вокруг Москвы. Правдиво показана жизнь крестьян.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ФЕОДАЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ В XIV ВЕКЕ.

Неожиданно для князя прискакал гонец с отпиской из Москвы... Дьяк Кострома писал: «Только ты уехал, чернь из урочища Подсосенки вздумала гиль поднимать... отказалась дань платить. Зажига (зачинщик. — *А. Н.*) главный Андрюшка Медвежатник и общитель его (сообщник. — *А. Н.*) Степка Бедный дерзнули языковредием черный люд возмущать, власть нашу душить злым непокорством. Бросил я заводил в поруб (тюрьму. — *А. Н.*) да еще выловил сброд — и туда же. С гневом приказал за три дни хлеба и воды не давать. А через три дни допрашивал послов, но Андрюшку и Степку... до толь, что губы их кровью смочились... Повесил, а под ними огонь развел: «Реки́, чего хочешь»? Они же уста замкнули. Тогда Андрюшку связал, наземь поклал, сверху доску на грудь и на тую доску прыгал, пока грудь не затрещала: «Реки»... Степку распинали на стене, очи воровские выжигали: «Реки, сквернитель...». А он безмолвствует, страшения не убоявшись. А далее сам признался: «Хотим, дабы хозяином был кто за сохой ходит...».

...Бориска брел по улицам... жгло мыслями. «Пошто несправедливость такая на свете? Пошто и впрямь хозяин не тот, кто за сохой ходит? Богачи в шелках, а бедным нечем тело прикрыть. На одно солнце глядим, а не одно едим»[2].

[1] Б. Изюмский, Ханский ярлык, М., 1954, стр. 38.
[2] Там же, стр. 62—63.

Московская торговля.

Торг раскинулся сразу у причала, взбегал вверх, к кремлевским стенам, будто искал у них охраны. От Бронной и Кузнецкой слобод несся несмолкаемый гул: там скрежетали напильники, огрызались зубила; то глухо, то звонко тукали молоты.

Купец Сашко глядел и глазам своим не верил: да неужто это матушка Москва?

Он вез из Сарая литовцам шелк и византийскую ткань — проделал тяжелый путь и на несколько дней решил остановиться в Москве. Москва поразила Сашко своим размахом: не ожидал встретить такую... Куда ни глянь — всюду строилась, будто взялась с кем-то наперегонки; всюду пахло смолой, тесом, валялась щепа. Виднелись торговые дворы иноземных купцов, кишмя кишели улицы бондарей, гончаров, овчинников, седельников.

Льнули к берегу плоты с бревнами... Шумели водяные мельницы. У причалов пристани, на берегу толкалось несметно люда... То там, то здесь встречались смуглые, желтые лица, мелькали тюрбаны, высокие мохнатые шапки...

Над площадью стоял гомон от разноголосья.

Ганзеец, весь в розовых складках, высунулся из лавки, хвалил прозрачный янтарь и яркие сукна; половецкий торгаш, прищелкивая языком, бил кожей о кожу; крестьяне окрестных деревень сидели на возах со льном и коноплей, а рядом с ними гость с Белого моря навалил на прилавок «рыбьи зубы» — моржовьи клыки... И кузнечных товаров видимо-невидимо: топоры и клещи, ножи и подковы — выбирай что хочешь![1]

Вопросы: Докажите, что Москва стала главным экономическим центром страны?

Какие иноземные товары были представлены на рынках Москвы?

О чем это свидетельствует?

* * *

В романе С. Бородина «Дмитрий Донской» рассказывается о том, как крепнет Русь, как растет и мужает Москва, превращаясь в важнейший политический и экономический центр русской земли. Хорошо обрисована все нарастающая напряженность отношений Москвы с раздираемой внутренними междуусобицами и неурядицами Ордой. Куликовская битва — главное событие романа — предстает перед читателем как результат обостряющихся противоречий между крепнущей Русью и слабеющей Ордой. В ходе сражения, в его отдельных эпизодах показан замечательный героизм русских людей, поднявшихся на борьбу с

[1] Б. Изюмский, Ханский ярлык, М., 1954, стр. 93—94.

вековым чужеземным врагом. Автор не идеализирует талантливого полководца и патриота Дмитрия Донского. Он выступает в отдельных случаях как типичный феодал, жестоко расправлявшийся с крестьянами.

К сожалению, в романе недостаточно полно освещены жизнь и быт народа.

В отрывке из повести С. Бородина «Дмитрий Донской» и в стихотворении С. Щипачева «Строителям Кремля» даны запоминающиеся образы строителей первых каменных стен Кремля.

— Он посмотрел на Кремль. У отца Кремль был весь деревянный, местами лес даже крошился. Спасибо пожару,— спалил все стены, как короб берестяной. Высокие стены возвели. Коегде в два, а то и в три ряда, стена над стеной, как сосновая шишка. Ров углубили, дно все вычистили. В иных городах кремли круглые поставлены либо многоугольные, а Московский сложили о четырех углах. Но вышел не ларцем четырехгранным, а как бы стременем, а лучше сказать — топором. И лезвие топора обращено к западу, а на татар — обушок.

Не все так вышло, как думалось: то плотники норовили на свой лад поиначить, то каменщики вдруг замышляли по-своему повернуть; многое же выросло будто само собой — красиво, а и в мыслях у князя не было такое сооружать. Теперь он сам видит — красиво: словно подарил кто-нибудь. Там церковь, не похожая ни на одну из прежних, а то вот терем странный и милый высится в тени листвы [1].

СТРОИТЕЛЯМ КРЕМЛЯ.

С. Щипачев

Я вижу вас в сермягах домотканых,
В поношенных коротких зипунах.
Вы для фундаментов тесали камни,
Под ношею сгибались на стенах.
После дождя по скользкому суглинку
Была к Кремлю тропинка не легка.
К Москве-реке вертлявая Неглинка
Бежала по лесам издалека.
Две светлые реки в одну сливались
Внизу холма, где обрывался яр.
И вам со стен встающих открывались
Все слободы и терема бояр.
В руках, шершавых от кирпичной пыли,
Порхали соколки. Шел дождь и снег.
Вы кирпичам в работе счет забыли.
Шел год за годом. Шел за веком век [2].

[1] С. Бородин, Дмитрий Донской, М., 1952,стр. 35.
[2] С. Щипачев, Стихотворения и поэмы, М., 1954, стр. 90.

Сбор ратных сил для отпора врагу.

Глашатаи кричали на площади и на папертях: «Соединяйте силы супротив врага!— призывая народ на бой. Гонцы помчались во все города, ко всем подручным князьям: ростовским, ярославским, белозерским. У приказных изб, у городских ворот писцы читали Дмитриев призыв к походу.

Время было страдное — кончился сенокос, начиналась жатва. Жнецы, передавая серпы в руки жен, завязывали пояса, набрасывали на плечи одежины и в лаптях, еще пыльных от родных пашен, уходили в ближние города на ратный сбор.

Между Русью и врагом еще простирались леса, туманы и реки, а тяжелой поступью от дальних княжеств и из городов уже шли к Москве русские ополчения. Шли конные рати, шли пешие. Ехали впереди ополчений воеводы. Остановки бывали коротки, переходы долги: за шеломами лесов ждала их Москва, и каждому было лестно придти прежде других — Можаю прежде Суздаля, Костроме прежде Ростова, в том была гордость городов — первыми явиться на голос Дмитрия.

Высоко поднимались стены Кремля, выше стен стояли каменные башни, далеко было видно вокруг с их сторожевой высоты. В Кремле уже полно было звона оружия своих и пришлых воинов, уже всюду стояли различные говоры — медлительные владимирские, певучие ростовские, быстрые костромские.

Воины собирались к Москве. Днем подоспели Белозерские полки. Москве понравилось их вооружение — чистое, оно отражало небесную синеву, из-под стальных кольчуг белела холстина рубах, расшитых голубыми разводьями. Было много среди белозеров рослых, широкоплечих детин Волосы их были словно соломенные, а бороды русы и курчавы, и казалось, что это озерная пена заплелась в завитках бород.

...Десятого августа на утренней погожей заре заревели боевые трубы — карнаи на башнях, воеводы сели на коней, и, развернув знамена, войска вышли из Кремлевских ворот. И так велико было воинство, что шли из Кремля через трое ворот...

...Пятнадцатого августа войска достигли Коломны. На следующий день пошли за город к Оке, на просторное, дикое древнее Девичье поле.

...По всему полю протянулось, построилось воинство. И от конского ржанья содрогалось широкое поле и содрогнулось от клича воинского, когда они... увидели Дмитрия. Взревели бесчисленные жерла ратных труб и завыли походные варганы, и затрещали на высоких древках холстотканные стяги [1].

[1] С. Бородин, Дмитрий Донской, М., 1952, стр. 297—298, 353—355, 376.

Начало боя.

Восьмого сентября утром, на заре, поплыл густой белый туман. Но боевые трубы загремели в тумане и, казалось, весь мир вторит им. Туман вскоре всплыл, а трубы ревели. Войска поднялись, вздыбились копья, как густой лес. Восходящее солнце озарило шеломы. Западный ветер колыхнул поднятые знамена...

Русские трубы смолкли. Русские красные щиты поднялись. Молча враги продолжали сближаться. Остановились — не было дано знака к началу битвы. Генуэзские ряды разомкнулись и на вороном жеребце вырвался печенег Челубей. Он так велик был ростом, что стоило вытянуть ему ноги, и конь мог проскочить между его ног. Он легко, как былинку, поднял над собой тяжелое копье. Многим не терпелось кинуться на него в бой...

Троицкий инок Александр Пересвет выскакал в узкую щель меж воинами. Он мчался с копьем в руке. А под схимой не было ни панциря, ни кольчуги, грудь его была открыта...

...Копье Пересвета с размаху ударило в Челубеев живот, и тут же копье Челубея пробило грудь Пересвета.

Кони присели от удара.

Мгновение спустя, распустив гриву, Челубеев жеребец поскакал прочь, волоча застрявшего в стремени мертвого всадника.

Пересвет удержался в седле. Его конь заржал, обернувшись к своим, и примчал всадника: обняв конскую шею, мертвый инок вернулся к своему полку.

Под великокняжеским знаменем взревела, как бык, боевая труба. И тысячи глоток взревели, выкрикнув первый вопль битвы, и щиты ударились о щиты, и копья затрещали о копья, и яростный гул брани, ржанья, лязга и топота колыхнул небо над головами и землю под ногами бойцов.

Мамаева пехота ударила в середину Сторожевого полка, где бился Дмитрий. Привычной рукой он отбил первые удары, заметил в генуэзских рядах щель и вонзился в нее. Вокруг сгрудилась неистовая упорная схватка.

Живые вскакивали на тела раненых, но, оступившись либо получив рану, падали сами. Не вставал никто: на упавшего кидались десятки живых.

Татары упорствовали, русские держались. Вскоре это место стало столь тесно, что коням негде было ступить из-за мертвых тел. Обезглавленные стояли рядом с бьющимися: некуда было падать; пехота задыхалась от тесноты, толчеи, от конницы.

Щиты трещали и раскалывались, как скорлупа, от ударов. Давно в генуэзских руках замелькали щиты русских, а в русских руках генуэзские мечи. Давно конница билась с конницей. Давно Сторожевой полк лег над трупами генуэзской пехоты, и Большой великокняжеский полк бился на их телах.

Поражение монголо-татар на Куликовом поле.

Боброк встал. Сердце колотилось; сжал кулак и спокойно пошел к коню.

Все смотрели уже не вверх, а на Боброка.

— Слазь! — крикнул дозорам.

Неторопливо вдел ногу в стремя, сел, неторопливо надел зеленые рукавицы. Кивнул в сторону битвы головой, рванул узду и уже на ходу крикнул:

— Пора!

Застоявшиеся кони, заждавшиеся воины единым рывков перемахнули Смолку и, обдирая сучьями кожу, вырвались в открытое поле.

Татары, увлеченные погоней, распались на многие отряды и теперь, обернув к Смолке спину, бились с рассеянными частями русских полков.

Мамай, глядя с холма на битву, увидел — войска его, теснившие русских к Непрядве, остановились, смешались и — в наступившей вдруг тишине — повернули обратно.

Удивленный хан обернулся к Бернабе. Бледный Бернаба, ляская зубами, смотрел не на хана, а в поле.

Бежала генуэзская пехота, истаивая, как волна, докатившаяся до песка; подминая все на своем пути, на нее накатилась волна неудержимых косогов, за косогами вслед бежали, завывая, татары. А впереди всех на бешеном степном коне несся к ханской ставке окольчуженный ревущий медведь.

Русские, откинутые было к Непрядве, остановились и с радостным воплем вернулись преследовать побежавших татар.

Только теперь Мамай разглядел, как, разбрызгивая тоурменские шапки, опрокидывая черные косожские папахи, из лесу вымчалась в бой свежая русская конница.

Удар Боброка в спину татарам не остановил их. Лишь часть их повернула наискось, на Красный холм, а множество продолжало мчаться к Непрядве, мимо расступившихся русских, уже не преследуя, а убегая.

Крутые берега, глубина реки, тяжесть вооружения, свалка — все перемешалось: яссы, буртасы, турки и косоги, фряги и тоурмены,— все ввалилось в Непрядву и захлебнулось в ней[1].

Чтение отрывков рекомендуется сочетать с анализом картин «Единоборство Пересвета с Челубеем», «Утро на Куликовом поле» и «Куликовская битва».

Познавательная задача: Какие боевые качества проявили русские воины в ходе сражения?

Какую роль сыграло в этой битве полководческое искусство Дмитрия Донского?

---

[1] С. Бородин, Дмитрий Донской, М., 1958, стр. 349, 354—355.

* * *

В романе В. Язвицкого «Иван III — государь всея Руси» убедительно показаны две линии в историческом развитии Русского государства XV—XVI вв. и утверждение той из них, которая проявилась в объединении русских земель в едином государстве.

Особенно хорошо воспроизведено столкновение этих тенденций на взаимоотношении московского правительства с Псковом и Новгородом. В образе Ивана III воплощена прогрессивная идея создания единого централизованного государства, освобождения Руси от монголо-татарского ига и дальнейшего ее развития. Это и составляет наиболее сильную сторону романа. Обстоятельно и красочно описаны такие исторические деятели, как Иван III, Софья Витовтовна, князь Юрий, Марфа Борецкая и др. В работе дана характеристика придворного окружения, придворной челяди, придворного быта, пиров, выездов и т. п. К сожалению, в романе мало внимания уделено представителям народа — крестьянам, посадским и др. Автор обходит такие вопросы, как усиление феодально-крепостнического гнета, насилия феодалов, грабежи монголо-татарских угнетателей и др. Народ в романе существенной роли не играет. Жизнь и деятельность Ивана III — таково основное содержание романа В. Язвицкого. Автор не избежал идеализации образа Ивана III, а также многих представителей господствующей церкви. Язык романа труден, изобилует архаизмами. Ввиду этого рекомендовать его учащимся для домашнего чтения не следует. Однако богатый исторический материал романа учителя используют на уроках истории.

В отрывке из романа В. Язвицкого «Иван III — государь всея Руси» удачно описан один из заключительных этапов борьбы за присоединение Новгорода Великого к Русскому государству.

Присоединение Новгорода.

С тринадцатого по пятнадцатое января длилось приведение к присяге государям всех граждан от бояр до черных людей с их женами, детьми и слугами. После сего Вече навсегда прекратилось.

Января 18 все бояре, дети боярские и житьи люди новгородские били челом великому князю, дабы взял он их в свою службу. Государь принял их челобитье... В этот же день приказал Иван осаду Новгорода снять и гражданам разрешил свободно из града выходить во всякое время. Тихо и мирно становилось все в Новгороде, но в феврале первого снова пошли опять тревоги. Приказал в этот день поймать купеческого старосту..., а на другой день — Марфу Борецкую с внуком Василием Федоровым... а из житьих людей (некоторых)... да отвезти всех пойманных на Москву в оковах, а вотчины и все имущество их описать в казну государеву...

...Князь поехал опять в храм св. Софии... Встретили государя в храме торжественно... с крестами и почетной стражей... И повелел владыка слугам своим подавать подарки, а государь страже своей принимать: цепь золотую, чары золотые, большую кружку серебряную золоченую... Рано утром во вторник (17 февраля) оставив у наместников своих крепкие заставы, выехал князь из Новгорода к себе на Москву. Наместникам повелел он снять с башни вечевой колокол и следом за ним послать на Москву же. Ехал Иван Васильевич медленно, так как шел за ним огромный обоз, почти из трехсот саней, груженных золотом, серебром, каменьями, дорогими сукнами...

Вскоре после приезда великого князя на Москву прибыл из Новгорода и вечевой колокол, сердце вольности новгородской, и взнесли его на звонницу Успения соборного, дабы с прочими колоколами московскими звонил он согласно[1].

* * *

Складывание единого Русского централизованного государства шло в тесной связи с борьбой за свержение монголо-татарского ига. Во второй половине XVI в. зависимость Руси от Золотой Орды носила лишь номинальный характер.

Попытка хана Ахмата в 1480 г., опираясь на союз с литовским князем, восстановить былое господство над Русью, окончилась полным провалом.

В книге В. Язвицкого «Иван III — государь всея Руси» мастерски изложен эпизод столкновения русских войск с монголо-татарами на реке Угре, в котором наглядно проявилось превосходство русских войск.

Этот отрывок из романа используют для конкретизации рассказа. Возможно организовать на его основе краткие сообщения самих учащихся.

Вопросы: Что помешало превосходящим силам монголо-татар совершить переправу через реку Угру? Почему и как русские добились победы?

Бой на реке Угре.

Поздний октябрьский восход солнца начался при холодной, но ясной погоде. Солнце поднималось быстро...

В это время четко стали видны вдали тяжелые колеблющиеся линии скакавших татарских полков. Русские воины замерли, крепче зажали в руках луки и стрелы. Пушкари стали у пушек и пищалей, заранее расставленных так, чтобы на переправах... бить из них на середину реки. Из новых же пушек бить по самому правому берегу, откуда татары переправу начнут. Вот уже слышны знакомые им крики и вопли татарской конницы. Конни-

[1] В. Язвицкий, Иван III — государь всея Руси, М., 1951, кн. IV, стр. 435—439.

ки мчались прямо к переправе... Вот со своего берега бросаются конники ряд за рядом в холодную воду, бродом идут...

Вдруг перед рядами русских сверкнули огоньки в серых клубочках дыма, грохот прокатился вдоль берегов, а в гуще плывущих татар, словно в котле, все закипело. Люди и кони сразу поредели, вода окрасилась кровью, и вот уже несет течение убитых и раненых людей и коней, не успевших еще затонуть.

Но вот опять смыкают ряды татары... Опять гремят пищали и пушки, опустошая ряды татарских полков[1].

* * *

В приводимом ниже отрывке В. Язвицкий передает чувства и настроения русских людей при получении известия о свержении монголо-татарского ига. Некоторые учителя используют этот отрывок в качестве эмоциональной концовки рассказа о событиях на реке Угре.

СВЕРЖЕНИЕ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА.

Оставив в Боровске некоторых из воевод своих для окончания роспуска полков, Иван Василич с сыном во главе своей тысячи двинулся на Москву.

В это время где-то среди тишины зимней зазвякали колоколы медные. Слыхать, три-четыре их всего было, но звонили они весело, пасхальным звоном.

Переглянулись оба государя. Слезы блеснули в глазах Ивана Василича, и спросил он дрогнувшим голосом:

— Разумеешь, Иване, пошто ныне, в пост-от рождественской, звоном пасхальным звонят, како в праздников праздник, в воскресение христово?

— Два ста и полста лет, тату, народ-от сих дней ждал. Под игом-то сны о сем видел. Гляди, тату,— указал Иван Иваныч кивком головы на сторожу.

Воины и в стороже, и в государевой тысяче торопливо снимали шапки и долго истово крестились. Сняв шапки, крестятся и государи, и воеводы, а перед ними малое сельцо Нарское, что у Нары-реки, из семи дворов, и церковка убогая деревянная на погосте стоит, и, правда, на звоннице ее из двух бревен дубовых с перекладиной висит малых четыре колокола.

Увидев князей, воевод и воинов московских, веселей задергал веревками молодой дюжий звонарь, а из всех изб, надевая на ходу полушубки, выскакивают мужики и жонки, парни и девки, старики и старухи выползают, а дети, оставив ледянки и коньки деревянные, разинув рты, стоят неподвижно.

Вот и Москву видать стало, сначала с холмов только, а через полчаса и все стены открылись, и звоном пасхальным вся она

[1] В. Язвицкий, Иван III — государь всея Руси, кн. IV, М., 1951, стр. 506—507.

гудит; гудят и посады ее, и все окрестные монастыри и села подмосковные. Толпы идут навстречу государям, а у ворот кремлевских уже стоит митрополит Геронтий со всем собором духовным. Не смолкают крики приветствий, «ура» громом перекатывается по всей толпе.

На площади в народе тихо, колокола не звонят в ожидании молебна, кой начался тотчас же после благословения государей. Вот и молебен окончился, и враз зазвонили колокола, но в сей миг государь подошел к краю паперти и сделал знак рукой, ведомый всем москвичам. Колокола постепенно затихли, замер и весь народ на площади.

— Людие православны! — громко воскликнул государь.— Два ста лет и полста были мы данники ордынски. Ныне по воле божией пала Орда! Стала Русь свята днесь свободной, и нет у ей никакого царя, опричь государя православново!

— Ур-ра! Да живет вольна Русь наша!..

Но крики сразу потонули в рокотании гулких московских колоколов, и радостно было слушать весенний пасхальный звон среди зимних снегов, и люди, словно на Пасху, объятиями и троекратными поцелуями приветствовали освобождение Руси, сбросившей иго татарское[1].

* * *

В последующем отрывке из романа В. Язвицкого «Иван III — государь всея Руси» читатель найдет интересный материал об усилении международного значения единого Русского государства, о котором с изумлением заговорили в Европе. Государи многих могущественных держав спешили послать в Москву своих послов для установления дипломатических и торговых связей.

Прием послов папы Римского.

Здесь государь воссел на престол свой, усадил близ себя владыку Филиппа, мать, сына, братьев и некоих из близких бояр и дьяков. Тут же стояла сторожа почетная со своим начальником и близкие слуги государевы.

Потом вошли в переднюю Иван Фрязин с Беззубцевым, Шубиным да Мамыревым, а перед ними, немного поодаль, стал папский посол Антонио Джислярди.

Иван Василич, сделав знак дьяку Курицыну, встал. Встали и все присутствующие, кроме митрополита и княжой семьи. Оба Фрязина встали на колени, и московские послы земно поклонились, по русскому обычаю. Государь повелел встать и, обращаясь к дьяку Курицыну, приказал:

— Буду яз сказывать волю свою послу папы, а ты пересказывай ему речи мои по-фряжски.

[1] В. Язвицкий, Иван III — государь всея Руси, кн. IV, М., 1951, стр. 516—518.

Обратившись к послу папы, государь продолжал:

— Повествуй ево святейшеству: «Отче святый, моли господа и пресвятую деву, да поможет господь бог нам с тобой в борьбе с погаными за веру христианскую. О сем пространно святейшеству твому скажет посольство от нас, кое прибудет в Рим в едино время с послом твоим. Благодарю тя за попечения твои о царевне цареградской, невесте моей, и прошу твово благословения».— Слушаю, государь,— ответил Антонио Джислярди и снова поклонившись, добавил,— в точности все передам его святейшеству. Великий князь снова воссел на престол свой, подозвав к себе папского посла, подарил ему золотой перстень с самоцветом, Фрязин поблагодарил государя, облобызав руку его, отошел с поклонами и, сопровождаемый дьяком Курицыным, сел на указанной ему скамье.

Выждав некое время, Иван Василич знаком подозвал ближе к себе послов своих и кивнул дьяку Курицыну. Тот поспешно открыв ящичек из тисненной золотом кожи, приблизился к государю. Иван Василич собственноручно вынул пергамент с золотой подвесной печатью своей, встал и прочел:

— «Великому Каллисту, первосвятителю римскому, Иоанн, великий князь Белой Руси, поклон шлет, молит послам ево верить». Протянув руку, Иван Василич молвил Ивану Фрязину:

— Передай грамоту сию ево святейшеству папе.

Денежник подскочил к престолу и, преклонив колена, принял из рук великого князя пергамент, а когда встал, то подошел к нему дьяк Курицын и подал кожаный ящичек для грамоты.

— А сие,— сказал он Фрязину, подавая небольшой свиток,— наказ тобе от государя.

— Все исполню по воле государевой,— громко произнес Фрязин и снова склонил колена перед великим князем, восседавшем на престоле своем.

Вопрос: О чем свидетельствует пышный обряд приема иноземных послов при дворе Ивана III?

РУССКОЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО В XVI ВЕКЕ.

Отрывок из книги В. Костылева «Андрей Чохов» рекомендуется использовать как художественный комментарий к картине А. М. Васнецова «Пушечный двор».

В Кузнецкой слободе.

Повыше Неглинки, на горе, бушевала огнем и железом Кузнецкая слобода.

Дымились горны, мелькали молоты, кричали сотни людей.

Вот где жара! Одно — смотреть со стороны, другое — очутиться здесь, внутри. От жары и чада сперло дыхание. Пылали сотни огней в земляных печах, обжигая руду. По желобам медленно тянулась жидкая масса расплавленной бронзы. Обнаженные до пояса, красные от огня и загара литцы то скрывались, то снова появлялись в клубах красновато-черного дыма. Остатки отработанной руды серыми, рябыми кучами загружали пустыри. Лазая по ним, Андрей увидел многих мужиков. Спросил, что делают. Оказалось, очищают мотыгами железную руду «от пустой породы». Рядом обжигали эту руду. Дальше — из железной руды выплавляли чугун. Чугун отливали в «штыки» или «свиньи» для дальнейшей обработки.

В стороне множество людей подносили к литейным ямам землю, другие просеивали ее, третьи таскали воду в кадушках, поливали землю. Она шипела, дымилась белым паром. Тут же — бугры песка, известки, глины.

Все это вызвало в Андрейке такое любопытство, что ему захотелось обо всем этом расспросить работных людей, но он боялся, как бы от того не получилось худа для него...[1].

Вопросы: Какой вид ремесла был сосредоточен в Кузнецкой слободе? Чем это можно объяснить?

* * *

В книге А. Волкова «Зодчие» подробно и исторически достоверно раскрываются такие события, как деятельность Избранной Рады, распря Глинских и Шуйских, поход на Казань, строительство храма Василия Блаженного. Главный герой романа — искусный зодчий Андрей Голован.

В романе дается увлекательное и точное описание строительной техники того времени, рассказывается об исторических памятниках, которые сохранились до настоящего времени во Владимире и Юрьеве-Польском.

Роман А. Волкова «Зодчие» характеризует жизнь трудовой Москвы как центра ремесла и торговли. В нем, в частности, раскрыто происхождение многих названий улиц, сохранившихся и до настоящего времени.

Наиболее интересными страницами книги являются те, которые посвящены описанию взятия Казани, строительства Покровского собора (храма Василия Блаженного).

Впечатление от интересной книги несколько снижается из-за излишне пространных исторических экскурсов, написанных слишком сухо.

Москва в середине XVI века.

Изо дня в день Силуян и его спутники бродили по Москве. Многие слободы ее ничем не отличались от деревень, какие видел Голован на Руси. Улицы пролегали то меж покосившихся деревянных заборов, то меж простецких ивовых плетней. Из

[1] В. Костылев, Андрей Чохов, Детгиз, 1947, стр. 8.

курных изб вырывались сизые столбы дыма, совсем как в Выбутине. Избушки крыты были тесом, дранью, соломой...

Многими слободами окружена была главная, центральная часть Москвы. И каждую слободу населяли люди по преимуществу одного ремесла.

В Серебряннческой слободе, уже знакомой Головану, мастера выделывали золотую и серебряную посуду для великокняжеского стола.

В Кожевниках ремесленники мяли кожи. Там купцы закупали сапожный товар: подошвенную кожу, юфть, сафьян.

Хамовники и Кадаши готовили для дворцового обихода тонкое полотно на белье, скатерти, полотенца.

В Садовниках каждый дом был окружен фруктовым садом, а за садами, у берега Москвы-реки, раскинулись огороды.

Москва не была княжеской вотчиной, хотя многие тысячи ее жителей обслуживали государевы нужды. Москва была столицей обширного государства, которому она дала свое имя (иностранцы называли русское государство Московией). Москва устанавливала порядок в стране, обеспечивала ее безопасность. В Москве были приказы, ведавшие государственными делами; московские гости торговали со всеми областями большого царства и с другими странами...[1].

Вопросы: Что можно узнать о хозяйственной жизни Москвы в XV—XVI вв. из названий многих ее улиц? Какова роль Москвы в середине XVI в.?

* * *

Отрывок из романа В. Костылева «Иван Грозный» зачитывается на уроке при показе репродукции картины А. М. Васнецова «Иван Грозный».

Иван IV Грозный.

«Он ступал медленно, мелким шагом, как-то размашисто, с громким стуком передвигая посох. В дверях остановился, хмуро и пристально вглядываясь в стоявшую перед ним на коленях толпу простолюдинов. Сам — высокий, слегка сутулый, сухой, с желтым морщинистым лицом! Большой крючковатый заостренный нос и жесткая молчаливость его стиснутых губ, вместе со всей мрачной осанкой его фигуры, привели в сильный испуг впервые видевших его прибывших из отдаленных уездов пушкарей. Тут же вспомнилось и все то жуткое, что рассказывали там, в глуши, о грозном царе»[2].

В книге А. К. Толстого «Князь Серебряный» дано красочное описание отдельных эпизодов истории Русского государства середины XVI в., жизни и деятельности Ивана Грозного, близких ему опричников и представителей боярской оппозиции. Идеализация удельной Руси и представителей боярской оппозиции, тянувших страну назад, неверная трактовка некоторых событий — все это требует от учителя критического отношения к роману «Князь Серебряный». Следует обратить серьезное внимание на отмеченные недостатки этого произведения, используя, в частности, послесловие в издании книги (1959 г.).

В приведенном ниже отрывке описана расправа Ивана Грозного с опальными боярами.

[1] А. Волков, Зодчие, Детгиз, 1954, стр. 100—101.
[2] В. Костылев, Иван Грозный, кн. 3, М., 1955, стр. 74.

Казнь.

На большой торговой площади внутри Китай-города было поставлено множество виселиц. Среди них стояло несколько срубов с плахами. Немного подале висел на перекладине между столбов огромный железный котел. С другой стороны срубов торчал одинокий столб с приделанными к нему цепями, а вокруг столба работники наваливали костер. Разные неизвестные орудия виднелись между виселицами и возбуждали в толпе боязливые догадки, от которых сердце заранее сжималось.

Мало-помалу все пришедшие торговать на базар разошлись в испуге. Опустела не только площадь, но и окрестные улицы. Жители заперлись в домах и шопотом говорили о предстоящем событии. Слух о страшных приготовлениях разнесся по всей Москве, и везде воцарилась мертвая тишина. Лавки закрылись, никто не показывался на улицах, и лишь время от времени проскакивали по ним гонцы, посылаемые с приказаниями от Арбата, где Иоанн остановился в любимом своем тереме. В Китай-городе не слышно было другого шума, кроме стука плотничьих топоров да говора опричников, распоряжавшихся работами.

Наконец, роковое утро настало, и в небе послышалось усиленное карканье ворон и галок, которые, чуя близкую кровь, слетались отовсюду в Китай-город, кружились стаями над площадью и унизывали черными рядами церковные кресты, князьки и гребни домов и самые виселицы.

Думный дьяк государев, стоя у сруба, развернул длинный свиток и прочел громогласно:

— Бывший боярин Дружина! Ты хвалился замутить государство, призвать крымского хана и литовского короля Жигмонта и многие другие беды и тесноты на Руси учинить. Ты же дерзнул злыми, кусательными словами поносить самого государя, царя и великого князя всея Руси, и добрых слуг его на непокорство подымать. Заслужил ты себе истязания паче смерти, но великий государь, помня прежние доблести твои, от жалости сердца, повелел тебя, особо от других, и минуя прочие муки, скорою смертью казнить, голову тебе отсечь, остатков же твоих на его государский обиход не отписывать!..

Морозов еще раз перекрестился и опустил голову на плаху. Раздался глухой удар, голова Дружины Андреевича покатилась[1].

Вопрос: Как расправлялся Иван Грозный с опальными боярами?

* * *

Рассказывая о штурме Казани, об ожесточенных схватках в проломах и на улицах города, учитель может использовать следующий отрывок из книги А. Волкова «Зодчие».

Взятие Казани.

В страшном ожидании прошло минуты две. И вдруг земля вздрогнула, все покачнулось, иные не устояли на ногах. Мгновение спустя из-под стены вырвался пламенный сноп чудовищной толщины, неся на себе огромные глыбы камня, земли, разорванные трупы людей, разметывая толстые бревна, как щепки.

В первые минуты после взрыва никто ничего не слышал. Люди видели круглые, разинутые рты товарищей, сами кричали, но все было немо для них, и лишь глаза видели страшную картину гибели сотен татар под обрушенной стеной.

Немало и московских людей нашли смерть под обломками камней и бревнами.

Через ров, заваленный землей, щебнем, деревом, устремились в город русские воины. Пролом был слишком узок, чтобы пропустить наступающих, и в горле его теснились и бурлили людские толпы.

Отчаянно лезли вперед ратники, толкая друг друга. А перед ними выросла стена татар с остервенелыми лицами, с глазами, налитыми кровью...

Многие стрельцы пали здесь, сраженные копьями, изрубленные саблями...

Нечай и Демид Жук, как всегда рядом, пыряли в ряды врагов острыми, окованными железом рогатинами.

Ничипор Пройдисвит в белой рубахе, подпоясанной широким алым поясом, в барашковой, лихо сдвинутой набекрень шапке, помахивал кривой саблей, точно играючи, но от ее небрежных взмахов валились люди, отлетали руки и головы... Густо забитое людьми пространство расчищалось перед темноусым украинцем. Татары бежали от страшного бойца.

Василию Дубасу негде было размахивать длинным ослопом[2]. Парень догадался: он переломил его, засунув под камень, и начал действовать обломком. Он с размаху опускал его на голову врагов.

---

[1] А. К. Толстой, Князь Серебряный, Смоленск, 1958, стр. 262—265.
[2] Ослоп — дубина, жердь.

Филимон крушил татар тяжелым бердышом, но не спускал глаз с шедшего рядом Голована и не давал ему зарываться вперед.

— Ты мой теперь, Ильин! Если я тебя не уберегу, Акимкина душа с того свету ко мне за ответом придет. Знаешь ведь, как он тебя любил!

На мостках через рвы, на обваленных стенах, на каждом свободном клочке земли кипела сеча...

...Царь Иван подъехал к стенам Казани и зорко следил за ходом боя, бросая, куда нужно, подкрепления. А силы русские и татарские все еще ломили друг друга в отчаянной борьбе.

Наконец, враги начали отступать перед неодолимым натиском русской рати.

... Мечи тупились о вражескую броню, руки устали наносить и отражать удары. Уже несколько часов длилось сражение, и время склонилось за полдень. Битва растеклась по всему городу. В закоулках, на дворах, на плоских кровлях вспыхивали короткие, стремительные схватки. Звон оружия, боевые клики, хриплые стоны...[1].

Вопросы: Что свидетельствует о высокой осадной технике русского войска? Какие боевые качества проявили русские воины в бою?

* * *

В книге В. А. Сафонова «Дорога на простор» повествуется о походе казачьего отряда, возглавляемого Ермаком, в Сибирские земли. Автор рассказывает о смелой борьбе казаков с войсками Кучума, о сближении русских с местным населением, об освоении Сибири и распространении передовой русской культуры среди народов Западной Сибири.

В. А. Сафонов идеализирует приход русских в Зауралье, забывая о том, что колонизаторские устремления царизма были исходными, руководящими.

Приводимые отрывки из названной книги цитируются в ходе изложения темы «Присоединение к Русскому государству Поволжья и Западной Сибири». Изучение данной темы можно закончить выразительным чтением стихотворения К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака».

Сражение казаков Ермака Тимофеевича с сибирскими татарами.

Не с железными ли людьми сражались татары?

Грозный клич лучших воинов хана и самая смерть не устрашили тех людей. Вокруг мертвых снова смыкались казацкие ря-

---

[1] А. Волков, Зодчие, Детгиз, 1954, стр. 251—254.

ды. Плечистые бородачи, глядя в глаза врагу, рубились с хохотом — так казалось воинам Кучума.

Когда горло начинало гореть от жажды, люди черпали воду шапкой и снова кидались в сечу; пар стоял над ней.

Казак в помятой кольчуге врубался в ряды татар. Он тяжело и без промаха крушил все вокруг себя, охая при каждом ударе, как будто рубил дерево Кривые клинки татар отлетали при встрече с его саблей, словно она заговоренная. Громадный татарин полоснул его клышем, широким прямым ножом. Кольчуга выдержала, только вмялась в голую волосатую грудь, и лишь покачнулся казак.

Был этот казак темнобород, на большом лице его с кирпичными скулами нос, тоже с большими, широко вырезанными ноздрями, казался приплюснутым[1].

Вопрос: Что обеспечило казакам успех в сражениях с превосходящими силами татар?

Проникновение русской культуры в Западную Сибирь.

К воротам Кашлыка стали возвращаться бежавшие татары. Жители окрестных улусов приходили со своими старшинами. Они били себя в бороды. Женщины с пищащими ребятами стояли у повозок.

Они знали, что надо платить победителю. Но та дань, которую потребовал с них страшный атаман, показалась им теперь малой и легкой. Он брал по счету: с дыма и с лука. Иных, покорных, князьков прикармливал, другим, самым гордым, отъевшимся у ног хана, грозил — и тем уж ни беглый хан, ни шайтан, ни сам аллах не могли помочь.

Простой народ казаки встречали приветливо:

— Живите мирно, где жили. Пастухам и ковачам железа будет крепкая защита. Живите за казацкой рукой! Хана и мурз его не опасайтесь. Честным гостям-купцам — настежь ворота, вольный торг.

И многие люди в селеньях почувствовали, что грозная сила русского атамана теперь обернулась на их сторону — чудесно непобедимая, она стала за них, против недавно еще всемогущего хана.

Так, по-хозяйски, устраивался Ермак на своих новых землях.

Выбрали место для рыбных промыслов. Ставили амбары и сушильни. В кузнях засипели мехи. По сотням выкликнули мастеров; они принялись жечь уголь, искать — на цвет и на запах — серный и селитренный камень для порохового зелья.

Еще одним удивил Ермак покоренный им люд: он звал к себе на службу иртышских татар.

[1] В. Сафонов, Дорога на простор, М., 1960, стр. 242—243.

И уже татары из Кашлыка и ближних городков рубили лес, тесали бревна, строили новые крепкие стены вокруг бывшей ханской столицы взамен старых, почернелых, вросших в землю...[1].

Вопрос: На чем основывалось сближение русских и местного населения Сибири?

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В XV—XVI вв.

Для создания яркого и образного представления о замечательном памятнике русского зодчества конца XV в. Успенском соборе в Кремле учитель использует приводимый ниже текст из книги К. Корниловича «Из летописи русского искусства». Третий абзац этого отрывка, начинающийся словами «Успенский собор — красивейший памятник»... цитируется с одновременным рассматриванием иллюстрации учебного пособия (стр. 69).

Успенский собор.

Разобрав обломки и заложив фундамент нового здания, Фиораванте уехал во Владимир. Он получил четкое задание: взять за образец одноименный собор этого города. Прославленная святыня древности по-прежнему считалась самым красивым и величественным сооружением на Руси. Кроме того, Иван III лишний раз хотел подчеркнуть преемственность своей власти от великих князей владимирских.

Человек на редкость одаренный, Фиораванте не буквально повторил указанный ему оригинал. О древнем зодчестве Владимира напоминают белый камень основной кладки (легкие своды выведены из кирпича), общая схема решения — план, членение фасадов, могучее пятиглавие — и некоторые детали убранства.

Успенский собор — красивейший памятник конца XV в. Белая грань стен с четырехчастным делением с севера и юга и тройным с востока и запада, плавный волнообразный ритм закомар, шлемовидные, блещущие золотом купола, великолепные перспективные порталы... Под выгибами кровли и в подкупольных барабанах прорезаны узкие, щелевидные окна; между колонками изящного пояса арочек размещены более широкие окна нижнего яруса. Классически ясная, торжественная архитектура.

Внутри собор, по выражению летописца, «устроен по-палатному», то есть сделан в виде обширного и высокого светлого зала с круглыми столбами-колоннами. Фрески светлых тонов ук-

[1] В. Сафонов, Дорога на простор, изд. «Советская Россия», М., 1960, стр. 252.

рашали алтарь и алтарную преграду, позже скрывшуюся за высоким иконостасом. (Весь собор был расписан только в 1514 г.; сейчас от первоначальной росписи сохранилось лишь несколько отдельных композиций.) Мозаичный пол, сверкающие каменьями оклады икон и драгоценная утварь дополняли внутреннее убранство.

Когда собор вышел из лесов, ахнул народ: чудо, как хорош! «...Та церковь чудная и величиной, и высотой, и светлостью, и звонкостью, и пространством...» — говорили восхищенные москвичи[1].

Вопрос: Какие архитектурные детали характерны для Успенского собора как выдающегося памятника русского зодчества конца XV в.?

* * *

Строительство замечательного памятника русской архитектуры XVI в. — собора Василия Блаженного, искусство зодчих и мастеров красочно описаны в книге А. Волкова «Зодчие».

Отрывок используют для подготовки небольшого сообщения, а также для литературного монтажа.

Строительство храма Василия Блаженного.

Тысячи людей вовлечены были в строительство Покровского собора. Дровосеки стучали в лесах топорами, валили мачтовые сосны, огромные дубы. Углежоги выжигали уголь, и на этом угле кузнецы ковали железные полосы, скрепы, болты. Глиномесы готовили сотни тысяч кирпича, а обжигщики укладывали кирпич в печи. Плотники резали квадратные дубовые шашки для полов. Купцы доставляли луженое железо для кровель и глав. Столяры делали перегородки для иконостасов, покрывая их тончайшей узорной резьбой. Иконописцы писали иконы. Басманники, постукивая фигурными молоточками по листам золота и серебра, приготовляли драгоценные переплеты для богослужебных книг, а эти книги переписывались трудолюбивыми монахами-переписчиками в тесных кельях.

И вся эта многообразная, кропотливая работа сходилась к единому центру — к строительной площадке, где властвовали Барма и Постник.

...Усилия всех строителей обратились на средний храм, который должен был вознестись высоко над Москвой, по гордой мечте Бармы.

Чрезвычайно красивой, живописно-величественной получилась внутренность центральной башни Покровского собора. На четырехграннике первого яруса стоял второй ярус восьмиугольной формы — восьмерик.

[1] К. Корнилович, Из летописи русского искусства, М., 1960, стр. 136.

...Так части храма постепенно суживались кверху, масса стен утончалась, из нее вынимались ниши, ее облегчали кокошники, тимпаны которых вдавались внутрь под навесами арок...

И, наконец, все венчалось высоким, величавым восьмигранным шатром.

...В ясную солнечную погоду изразцовые полушария ярко блестели, слепя взор.

Великая работа подходила к концу. Центральный шатер закончился тонкой и узкой шеей, на которой вознеслась простая по рисунку и небольшая по размерам глава. Здесь работали опытнейшие из опытных верхолазов, работали с величайшей осторожностью. Центральный храм имел от основания своего высоту двадцать восемь с половиною саженей.

Работая на высоте, кровельщики видели многочисленные извивы Москвы-реки и впадающих в нее речек, их взору открывалась широко раскинувшаяся столица и десятки окружавших ее сел и деревень. Горизонт замыкался синими лентами отдаленных лесов.

...Когда готов был каркас верхней главы, Барма настоятельно заявил о желании подняться туда. Долго отговаривали зодчего от этого намерения, но убедить не смогли.

— Когда главу покроют железом, мне там не бывать, — сказал Барма. — А я хочу посмотреть на свет божий с высоты построенного нами храма.

...Старика сопровождали наверх цепкий, как кошка, Сергей Варака и не знавшая головокружения Салоникея.

Барма долго глядел на все четыре стороны света, и в его выцветших от старости глазах стояли слезы не то от волнения, не то от резкого ветра, пролетавшего в вышине.

...В конце 1560 года храм-памятник был торжественно освящен.

О первом богослужении в Покровском соборе возвестил малиновый перезвон колоколов, зазвучавший в тот день в первый раз.

Только самые близкие к царю люди получили доступ на торжество. Но среди ближних бояр, среди князей и крещеных татарских царевичей стояли гениальные строители собора Постник и Барма в богатых шубах с царского плеча — знак высшей милости.

Думы одолевали Постника. В душе его были и гордость, и радость, и чувство грусти, которое охватывает художника, навсегда расстающегося со своим твореннем. Отныне творение начнет жить своей самостоятельной жизнью, переживет своего творца и, быть может, даже и его славу.

...Много бурь и гроз пронеслось над причудливыми главами Василия Блаженного. Видел он польское нашествие в 1612 году, видел полчища Наполеона в 1812 году. Но все нашествия, и все беды пережил он в стойком терпении, как пережила их в борьбе могучая Русь.

Неповторимым памятником родной русской старины стоит Василий Блаженный на Красной площади Москвы, рядом с чудесным Кремлем. Красуется, цветет, как прекрасный цветок, как песня, запечатленная в камне. Напоминает он о ратной славе предков, о безмерных жертвах и трудах их [1].

Вопрос: Чьи образы воссозданы в этом отрывке? Чем привлекает каждый из них?

* * *

В книгах В. Яна «Никита и Микитка» и В. Костылева «Иван Грозный» описаны жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова, труд печатников.

Отрывок используется при подготовке к уроку, а также в процессе изложения нового материала о начале книгопечатания в Русском государстве.

Абзац со слов «Микитка обрадованный» о первопечатнике Иване Федорове рекомендуется зачитать в классе.

Государев печатный двор.

Высокие дубовые ворота большого каменного дома были наглухо заперты. Филатыч долго стучал, пока послышался вопрос:

— Чего надо?

Когда Филатыч сказал, что его прислал боярин Борис Федорович, калитка открылась, снова захлопнулась за вошедшими, и привратник заложил ее прочным засовом.

Филатыч с Микиткой прошли в просторное помещение. Посредине стоял деревянный станок. Его рычаги, рукоятки и винты показались Микитке очень затейливыми и занятными. «Хорошо бы смекнуть, для чего такой станок мудреный, и что на нем делают? — думал он.

У стены, на деревянных подставках, высились стопки белых бумажных листов. Пахло смолой, скипидаром и дымным угаром.

Несколько человек, в передниках, вымазанных сажей и черной краской, возились около станка.

— Тебе кого? — спросил один из них.

— Книгопечатника Ивана Федорова. Прислал нас боярин Борис Федорыч Годунов.

...Печатник положил вымазанную черной краской широкую ладонь на светловолосую голову Микитки и добрыми темными глазами всматривался в его юное лицо.

Микитка, обрадованный приветливым обращением мастера, поднял глаза и отвечал осмелевшим взглядом. Он все сразу осмотрел в печатнике. и что борода у него малая, что одет он в синий суконный кафтан с завернутыми до локтей рукавами, и что грудь его прикрыта холщевым передником, и что высокие

[1] А. Волков, Зодчие, Детгиз, 1954, стр. 352, 359, 360, 361, 370, 371.

сапоги до колен добротной кожи, но изношенные, что подпоясан он широким кожаным поясом, и что такой же кожаный, но узкий ремешок, как у сапожников, охватывает через лоб его голову, чтобы длинные, как у дьякона, волосы не спускались во время работы на глаза.

— Ты мальчик смышленый, — сказал печатник. — Ты останешься здесь на моих харчах, и я из тебя хорошего мастера сделаю, научишься книги печатать... ...Но не успели они разговориться, как печатник сказал строго:

— А ну-ка, Микитка, принимайся за работу! Пусть посмотрят гости, как книжицы делаются.

Микитка вместе с другим мальчиком, постарше, снял со стола квадратную дубовую доску. Они осторожно понесли ее к большому деревянному станку. Микитка кожаной подушечкой старательно смазал черной краской свинцовые буквицы, вставленные правильными рядами в углубления доски. Другой подушечкой он нанес красную краску на деревянный резной квадратик, выступающий в правом верхнем углу доски. Потом осторожно прикрепил поверх набора деревянными иголками лист бумаги.

Когда доска была задвинута в станок под пресс, помощник печатника Петр Мстиславец нажал на толстый деревянный винт пресса. Снова нажал и отпустил. Затем нажал со всей силой еще раз.

По знаку печатника, сын его вместе с Микиткой вынули доску с набором из-под пресса и отнесли на стол к окну.

Сам Иван Федоров снял матерчатую рамку, которая прижимала бумажный лист к набору. Осторожно вынул деревянные шипы — иголки. Потом медленно, осторожно отодрал лист с доски. Высокий, весь освещенный солнцем стоял он у окна, рассматривая только что полученный оттиск.

Слева, вверху листа, красной краской вился узорчатый рисунок, изображавший большую букву «Г» [1].

Список книг для внеклассного чтения:

Г. Шторм, На поле Куликовом, Детгиз, 1954.

К. Г. Шильдкрет, Крылья холопа, М., 1958 (Исторический роман о Никите Выводкове, замечательном умельце XVI в., изобретателе «летающей птицы»).

М. Лермонтов, Песня о купце Калашникове. Собрание сочинений, т. II, М., 1958, стр. 7—22.

А. Н. Толстой, Иван Грозный. Драматическая повесть в 2 частях в кн. Избранные сочинения, т. 6, М., 1953.

П. П. Бажов, Ермаковы лебеди. Сочинения, т. I, кн. I, М., 1952.

Н. Кончаловская, Наша древняя столица, Детгиз, 1962.

В. Прибытков, Андрей Рублев, М., 1960.

[1] В. Ян, Никита и Микитка, Детгиз, 1949, стр. 47—49, 50—51.

В. Костылев, Андрей Чохов, Детгиз, 1947.
М. Рабинович, Г. Латышева. Из жизни древней Москвы, М., 1961.
П. Березов, Первопечатник Иван Федоров, М., 1952.
Т. Гриц, Ермак, Детгиз, 1954.
«Избранные пословицы и поговорки русского народа», М., 1957.
М. Е. Рапов, Зори над Русью, Ярославль, 1963 (О Куликовской битве).
Е. А. Федоров, Ермак. Исторический роман, М., 1955.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ИВАНА БОЛОТНИКОВА.

Книга К. Шильдкрета «Крылья холопа» характеризует положение крестьян в 60-е годы XVI века, социальные и экономические изменения в результате введения опричнины, усиление классовой борьбы, массовые бегства крестьян на юг и в леса.

Отрывок удачно поясняет иллюстрации учебного пособия «Опустевшая деревня» и «Помещичья усадьба».

Жизнь крестьян в XVI в.

Живя в глухих уголках, бок о бок с крестьянами, с которыми он начинал было утрачивать связь, Никита не мог не призадуматься над невеселою долей этих людей. Что изменилось в деревне? Легче ли дышать хлеборобам? Или, может быть, еще хуже против прежнего стало?

Вот что однажды поведали крестьяне Никите.

Их вотчинника переселили куда-то на другую окраину, а его землю отдали во временное пользование нескольким обедневшим дворянам. Новые помещики, однако, недолго засиживались в своих угодьях, их то и дело снаряжали на брань или отзывали в Москву. Такие перемены тяжело отражались на подъяремном народе. Ему приходилось непрестанно приспособляться к нравам и привычкам то одного, то другого хозяина и всегда быть готовым ко всякой напасти. А новые хозяева только и думали о том, как бы извлечь побольше выгоды из случайно оказавшегося в их владении добра, и тем самым вконец разоряли убогое крестьянское хозяйство.

Раньше, при боярах, хоть и горько жилось, но все же были у крестьян и свои избушки, и крохотные наделы — одним словом, оседлая жизнь. А пришли служилые — и сразу люди лишились последнего жалкого достояния.

Отчаявшиеся люди бежали в леса. Чем дальше, тем трудней становился проезд торговых караванов на больших дорогах, осмелевшие от голода разбойные ватаги вступали в бой не только с купчинами, но и с воинами...

Такие печалованья приходилось выслушивать Никите чуть ли не на протяжении всего пути. Но и без пояснений было очевидно, каково тяжело живется крестьянскому люду. В деревеньках сплошь и рядом не было слышно ни человеческого голоса, ни собачьего лая. Жители либо бежали в леса, либо были частью истреблены, частью угнаны в плен беспощадными ордами крымского хана. Изредка там и здесь попадались рыскающие стаи волков [1].

Вопросы: Какая группа феодалов стала господствующей в стране? Почему крестьянам тяжелее жилось у помещиков? В каком состоянии находилось в это время хозяйство страны? Как боролись крестьяне против усилившегося феодального гнета?

НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ [2]

Боярский двор хуже петли.
Наказал бог народ — наслал воевод.
В боярский двор ворота широки, а с двора узки.
Как дьяк у места, так всем тесно.
Худо овцам, где волк в пастухах.
Кто барствует, тот и царствует.
Не держи двора, близ княжа двора.

* * *

Перелистывая страницы книги Г. Шторма «Повесть о Болотникове», читатель становится свидетелем бурных внутриполитических событий, которые потрясли Русское государство в конце XVI — начале XVII в. Перед читателем предстает Московский Кремль конца XVI в., площадь — место челобитчиков. Здесь раскрывается боярский произвол, бесправие крестьян, низведенных до положения крепостных рабов (отмена Юрьева дня). В Кремле заседает Боярская дума, заботящаяся не столько об интересах Русского государства в целом, сколько о защите узко классовых интересов бояр. Москва видит Лжедимитрия I и поляков, познает «прелести» правления боярского царя Василия Шуйского. Меняются правители Русского государства, все более усиливается крепостнический гнет в стране, назревает крестьянская война, вождем которой становится И. Болотников.

С большим интересом и вниманием воспринимаются страницы, посвященные описанию жизни основного героя повести — человека незаурядных способностей, большого ума, благородных стремлений. Читатель вместе с отрядами восставших крестьян, казаков как бы пройдет через все этапы первой кресть-

[1] К. Шильдкрет, Крылья холопа, М., 1956, стр. 270—271.
[2] В. Даль, Пословицы русского народа, Сборник, М., 1957, стр. 706—719

янской войны в России, из Комаринской волости до Москвы, побывает в осаждённой Туле.

В последующем отрывке из повести Г. Шторма воссоздается точная и яркая картина боя с царскими войсками.

Отрывок используется для подготовки кратких сообщений учащихся в классе.

Бой под Москвой.

Всю ночь горели костры. Разъятая огнем, кипела зимняя ночная чернота над Коломенским. «Воры» шли — чуть свет — наступать на Москву...

...На рассвете Болотников перешел Москву-реку.

Пашкова он поставил в селе Красном — перенимать ратных, шедших из Ярославля. Ляпуновы сторожили Смоленскую дорогу. «Воры» ударили на Рогожскую слободу.

Первые сшиблись с ними дворяне. Они закричали:

— Полно воровать, государь вас пожалует, а воеводам вашим ничего не будет!

— Нам такие цари не надобны! — раздалось в ответ. — Сами ступайте к нему под крыло — к орлу бесперу!..

Болотников сбил с поля дворян и пошел вперед.

Его серый кафтан и волчий треух мелькали в кипящей боевой стремнине. Лицо у него было быстрое, живое и играло, как в праздник, а отросшая борода неслась по ветру тонким серым дымком.

На тяжелых, сытых конях наскакали воеводы: князья Барятинские, Хованский, Мезецкий, Бутурлин. Вот один упал, взвилась на ремешке ч о к м а — железная, привязанная у запястья чашка. Вот опустилась на «воровскую» голову б р у с ь — каменная граненая булава.

«Воры» забегали в слободские дома, били из пищалей, пробивались дальше. Вдруг казак подбежал к Болотникову.

— Один шьет, другой порет! — с белым от гнева лицом завопил он. — Пашков к царю отъехал... И Рязань отъехала! Ляпуновы ушли со всею ратью!

— Люди — жать, а мы — с поля бежать?! — крикнул Болотников и вломился в самую гущу.

Но уже бежала вольница, смятая, расстроенная, и секли, гнали ее по пятам бояре.

Тут Скопин-Шуйский ударил в лоб, и набежали подоспевшие к Москве смоляне.

— Дело наше преет! — закричали болотниковцы и пустились бегом в Коломенский острог...

Три дня били воеводы из пушек, но разметать земляных валов не смогли. К вечеру загорелось. Ворота с резными кокошниками распахнулись. Болотников выскочил из острога и побежал по серпуховской дороге. Скопин-Шуйский погнался за ним, но

разбить наголову не сумел. Болотников ненадолго задержался в Серпухове и ушел в Калугу... [1].

В о п р о с: Что помогло войскам царя В. Шуйского одержать победу над восставшими?

«ЗА ВОЛЬНУЮ ВОЛЮШКУ»

Есть в Комаричах, под Курском, старый лес,
А в лесу-то сосны, ели до небес.
Сосны, ели да березы хороши,
А под ними-то землянки, шалаши.
В шалашах-то все крестьяне-беглецы,
А в землянках-то холопы-молодцы..
Собралася многотысячная рать.
Им, холопам, больше нечего терять.
Из народа воевода к ним пришел —
Отвоевывать у Шуйского престол.
«Эй, холопы, безымянники, шпыни!
Наконец-то наступили ваши дни!
Вы побейте-ка изменников-бояр,
Заходите-ка и в терем и в амбар,
Поджигайте-ка боярское добро —
Шелк да бархат, самоцветы, серебро!
На Руси отныне ваша будет власть,
Не давайте вольной волюшке пропасть!
...У боярина ни скотников,
У боярина ни плотников,
Ни холопов, ни работников —
Всех увел Иван Болотников!
...И бедою неминучею
На холопа-мужика
Навалились темной тучею
Государевы войска.
Трое суток осажденные
Насмерть бились день и ночь
И бежали, побежденные,
Из Коломенского прочь!
Встала рать в Калуге-городе,
А бояре шли за ней,
И в Калугу рвались вороги
Ровно сто и двадцать дней.
Шуйский в злобе выл, как волчище,
И, когда растаял снег,
Под Калугу бросил полчище
Во сто тысяч человек.
Плачь, березка, плачь, плакучая, —
Не поднять тебе ветвей!
Горсть холопов бьется с тучею
Государевых людей.
И тогда Калугу бросили,
В город Тулу перешли
И до самой поздней осени
Бой с боярами вели.
Уж с осенней-то осинушки
Ветер мечет красный лист,

[1] Г. Ш т о р м, Повесть о Болотникове, М., 1962, стр. 99—101.

А холопы царской силушке,
Царской силе не сдались.
Но плотиною дубовою
Реку запер враг тогда,
И, найдя дорогу новую,
В город хлынула вода.
В погребах волной холодною
Хлеб и порох залила
И холопам смерть голодную,
Плен и гибель принесла [1].

Обсудить: Какие задачи ставили перед собой восставшие крестьяне и почему их не удалось осуществить?

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ПРОТИВ ПОЛЬСКИХ И ШВЕДСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В НАЧАЛЕ XVII В.

В трех отрывках из книги З. Давыдова «Разоренный год» перед читателем вырисовывается образ Козьмы Минина. Призыв К. Минина на нижегородской площади, сбор народного ополчения, решающее сражение с польскими захватчиками у стен Кремля — все эти события нашли яркое отражение в книге.

Первый отрывок зачитывается в классе в процессе разбора содержания репродукции картины художника К. Е. Маковского «Воззвание Минина к народу». Второй — пересказывается учителем либо зачитывается учащимися. Третий — можно привлечь для подготовки сообщения учащегося на уроке.

Призыв К. Минина к нижегородцам.

Но тут из толпы к помосту, на котором стояла кафедра, пробился мясник Козьма Минин.

Не было человека в соборе, который не знал бы Козьмы Минина Захарьева-Сухорука. Незнатного рода, но большого ума, Козьма Минин был недавно выбран в Нижнем Новгороде земским старостой.

— Братья! — обратился Минин к сгрудившимся в соборе землякам своим. — Не пожалеем ничего, чтобы помочь русскому государству. Начнем первые! Какая же великая хвала будет всем нам от русской земли, когда от такого малого города, как наш, произойдет святое дело спасения родины! Я знаю: только примись мы за то, а и другие города к нам пристанут, и мы избавимся от ига чужеземцев...

Петр Митриев, полагая, как все глухие, что говорит шопотом, вдруг выкрикнул на весь собор:

— Дело говоришь, Козьма!

... — Надо нам всем быть в соединении и за русское государство стоять, — говорил и народ, выходя из собора.

[1] Н. Кончаловская, Наша древняя столица, Детгиз, 1962, стр. 174, 175, 179.

— Неужто русскому человеку ходить под польским королем!

Огромная толпа заполнила теперь Соборную площадь. Минин, увидя, сколько людей собралось здесь, вскочил на пустую бочку из-под лампадного масла и снова обратился к своим землякам.

— Братья! — разносился зычный голос мясника Минина по всей площади. — Не пожалеем ничего! Отдадим все, чем владеем, для спасения нашего царства!

Он рванул на себе зипун и выдернул из-за пазухи своей здоровенный кошель. Кошель этот был так туго набит серебром, что оно даже не брякало. Минин развязал кошель, опрокинул его, и серебряные монеты, звеня, ринулись водопадом в оказавшееся подле бочки пустое ведро.

— Братья! — кричал Минин, вытряхивая в ведро все содержимое кошеля, без остатка.— Ничего не пожалеем! Отдадим все!

— Отдадим! — дружно кричали нижегородцы в ответ Минину. — Начнем первые! Сберем новое ополчение! Пойдем вызволять Москву!

И стали люди нижегородские тут же сносить Минину на площадь всякое добро. Несли деньги, золотые ожерелья, драгоценные камни и жемчуг, куски парчи и сукна. А у кого ничего не было за душой, тот снимал с себя медный крест и клал его в общую кучу на общее дело.

Подле бочки, на которой стоял Минин, откуда-то появились большой грубо сколоченный стол и деревянная скамья. И уже на столе выросла груда дорогих собольих шкурок, серебряной и золотой посуды и многого другого, чем богат был Нижний Новгород, сколачивавший свою казну ремеслами и великими торгами по Волге и Каме, по необъятной Сибири, по всему азиатскому миру [1].

Поднимается русская земля.

Всю осень Родион Мосеев скакал с грамотами от Минина то в Рязань, то в Казань, то в Свияжск, то в Чебоксары. В грамотах Минин призывал все города русской земли участвовать в ополчении деньгами и ратниками. И потом всю зиму то один город, то другой слал своих ратников в Нижний, где они вливались в общее ополчение — в земское ополчение всей русской земли. Пожарский только диву давался, какая уйма народу скопилась за одну эту зиму в Нижнем Новгороде.

На дворе еще держались морозы. Снег стал колким и сыпучим. Но дни становились светлее, утра — прозрачнее. В одно такое прозрачное утро, когда небо рассинилось полосами промеж серебристых облаков, ополчение Минина и Пожарского выступило в поход освобождать Москву.

[1] З. Давыдов, Разоренный год, Детгиз, 1958, стр. 101—104.

Ополчение двигалось медленно, набирая в попутных городах новых ратников. И всюду, куда приходили со своим ополчением Минин с Пожарским, восстанавливался нарушенный польскими захватчиками государственный порядок и народ возвращался к мирному труду [1].

Подумать: Какие черты проявили русские ополченцы и казаки в бою с польскими захватчиками? (Этот вопрос предлагается вниманию учащихся в качестве познавательной задачи.)

Бой с поляками в Москве.

На Климентовской церкви развевалось польское знамя — малиново-голубое, с вензелями и коронами. С кремлевских башен шляхта видела, как приближается обоз Ходкевича к плавучему мосту. Изголодавшимся в Кремле обжорам, давно съевшим там всех крыс, грезился теперь богатый ужин — жареные куры, пшеничный хлеб и венгерское вино. Но вдруг на переправе через Москву-реку опять показались казаки Трубецкого.

Вид польского знамени на русской церкви в Замоскворечье привел казаков в ярость. Лавиной обрушились они на Климентовский острог и выжали оттуда солдат Ходкевича. Донской казак Ефим Селезнев взобрался на колокольню, сорвал нарядное польское знамя и швырнул его вниз своим ликовавшим товарищам. Шелковое полотнище было мгновенно втоптано в пыль и грязь.

— Идем дальше, братья! — кричали казаки. — Не воротимся назад, пока всю шляхту не перебьем!

— Гиги-и! — раздавался вокруг боевой клич казаков, с которым они бросались в атаку.

В это время по Ордынке проскакал Пожарский с молодым Хворостининым. За ними неотступно следовал Афоня-гонец.

— Донцы-молодцы, и вы, мои ратники, — сказал Пожарский, придержав на минутку коня. — Пойдем вперед и не отступим! Биться нам до смерти за землю отцов и дедов. Прогоним шляхту за Днепр! Втопчем в болото!

...Медленно, сурово и жестоко нажимали ополченцы. Кончался день, а битве еще не предвиделось конца. Но Козьма Минин с тремя сотнями конных ратников тоже перешел реку и ринулся на поляков, стоявших у Крымского брода.

Ратники Минина на диковатых степных конях надвигались, как смерч. Сын Козьмы, Нефед, обнажив саблю, скакал вместе с другими, держась левого крыла.

Польским дозорным, повернувшимся на крики и топот копыт, показалось, будто они увидели ветер, черный ветер, который пошел на них от пылавшего на закате неба. В ужасе они стали отмахиваться руками. У них едва хватило сил вскинуть горны и протрубить тревогу.

Лязг оружия, боевые призывы — все это длилось несколько минут. Оставив убитых на поле боя, шляхта бросилась к Ходкевичу на Ордынку и с разбегу смяла там своих же.

Дрогнуло на Ордынке войско Ходкевича, Пожарский это сразу заметил. Он взмахнул саблей, и Афоня уже был подле него.

— Выкрикни, Афоня, всех на слом, — сказал он и поднял высоко саблю.

— На слом! — вскричал Афоня, резанув шпорами бока своего мерина.

Пегий взвился и понес всадника к Москве-реке.

— Все на слом! — кричал Афоня, — нигде не задерживаясь. По указу набольшего воеводы! На слом!

И русское ополчение двинулось «на слом» — в атаку.

Крики и вопли в обоих станах заглушали временами даже пушечную пальбу. Однако пороховой дым, не переставая, густо стлался по Пятницкой и по Ордынке. Где-то вместе с другими пушкарями палил — из своей ли, из чужой ли «ступки» — дядя Маркел.

...Шляхта бежала, бросая все: пушки, фанфары, литавры, знамена, шатры и обоз, огромный обоз — без счету возов, нагруженных доверху ржаными сухарями, пшеничной мукой, связками окороков, салом и солониной, вином, пивом и медом. Найдется, чем отпраздновать победу русскому войску — ратникам, казакам, стрельцам и пушкарям!

Сеньке и Воробью с вала и с воза, на котором они стояли, видно было, как солнце, все больше багровея, клонится к Дорогомилову. Дорога, уводившая от Серпуховских ворот в поле, была повита розовой пылью. В пыли мелькали ноги и спины солдат Ходкевича, спасавшихся бегством.

...А в это время на Екатерининской колокольне ударили в большой колокол. За ним пошли в работу малые колокола и средние, и слышалась в этом ликующем перезвоне великая радость. К Екатерининской колокольне сразу присоединилась Климентовская, вот звон уже перекинулся на городскую сторону; и пошло звонить по всем концам во все колокола. Пошло разносить по всей Москве весть о победе [1].

Вопросы: К чему призывал Минин нижегородцев и как они ответили на его призыв?

Какой отклик нашел призыв К. Минина по всей стране?

Книги для внеклассного чтения:

1. В. Костылев, Кузьма Минин, Детгиз, М., 1948.
2. А. Савельев, Сын крестьянский, М., 1956 (повесть об Иване Болотникове).

[1] З. Давыдов, Разоренный год, Детгиз, 1958, стр. 119—120.

[1] З. Давыдов, Разоренный год, Детгиз, 1958, стр. 165—169.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ. ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ.

Величественная эпопея борьбы украинского народа за независимость в середине XVII в. против шляхетской Польши описана во многих произведениях. Народ — главный герой романа П. Панча «Клокотала Украина». Плечом к плечу с украинскими казаками сражаются за свободу Украины представители великого русского народа: беглые крестьяне, донские казаки. Кровью своей скрепили они вековечную нерушимую дружбу. Взоры украинцев, борющихся против шляхетской Польши, обращены к России. В ожесточенной освободительной борьбе выделяются талантливые вожди украинского народа — Максим Кривонос и другие, ярко обрисованные на страницах романа.

В этом же плане рисуется и центральный образ романа — Богдан Хмельницкий. Его главная черта, обусловившая все то большое, героическое, что он совершил в ходе событий 1648—1654 гг., была любовь к родной земле, родному народу. Ради них он готов жертвовать самым дорогим.

Писатель отмечает незаурядный ум, организаторские способности, блестящее военное мастерство Б. Хмельницкого, но в романе почти забыты народные герои, воспетые в думах — Богун и Нечай. Некоторые герои только названы, но не показаны в действии.

В последующем отрывке романа автор рассказывает о режиме жестойчайшего угнетения украинских и белорусских крестьян в имении польского магната. Многочисленные поборы, многодневная барщина, нечеловеческие средства расправы с неугодными «холопами» — все это описано исторически точно и красочно. Текст производит глубокое впечатление и может быть использован для усиления эмоциональности изложения нового материала. Целесообразно организовать сообщения учащихся на основе этого отрывка. Можно включить этот отрывок в анализ иллюстрации «Расправа пана с украинскими крестьянами».

Познавательная задача: Назвать наиболее характерное в поведении пана Вишневецкого и украинских крестьян?

Князь Вишневецкий сидел перед шатром, раскинутым на берегу речки, откуда видно было местечко Голтву на холме, опоясанном с одной стороны Пслом, с другой — Хоролом.

...Мысли его прервал топот конских копыт и шарканье босых ног по сухой земле. Распаленный воспоминаниями, князь обернулся на шум. Перед ним остановилось человек десять связанных крестьян с веревками на шее, концы которых держали верховые. Крестьяне были черны от пыли, сквозь разодранные сорочки виднелось исхлестанное, истерзанное тело, но князь не увидел в их глазах ни намека на страх перед ним, на раскаяние или покорность. Князя вдруг охватила такая злоба, что он задрожал. Подскочив к стоявшему впереди, Вишневецкий уже занес руку, но парубок с большими глазами, над которыми сошлись черные брови, не зажмурился и не дрогнул, а только насмешливо прищурился. Князь опустил руку.

— Повешу... четвертую!.. Ты жег? — закричал он так исступленно, что даже захлебнулся слюной.

Парубок чуть усмехнулся.

— Не успел, князь!

— Что?

— Ходил, говорю, с фурой в ту ночь.

Руки у парубка были связаны за спиной, и от этого сильнее выпирали мускулы на груди. Вишневецкий казался рядом с ним еще меньше, чем был на самом деле. Может быть, это и придало смелости всем остальным.

— Доколе же терпеть? — отозвался другой, с синяком во всю щеку.— Дерете с живого и мертвого.

— Сам подыхай, а пану дай! — выкрикнул третий.

За ним зашумели и остальные, сердито сверкая на пана глазами и стараясь подступить поближе.

— Заграбастали наши земли, да и нас хотите в скот превратить? Еще не раз, пан, гореть будешь!

— Не то еще увидишь!

— Мы были вольные...

Гайдуки все чаще отдергивали людей назад за веревки. А князь, который никак не ожидал таких разговоров, от бешенства и страха только бегал перед связанными с перекошенным лицом и выпученными глазами. Вот такие же были и в войске Остряница... «А может, это Кривонос собирает новые ватаги... для новой Голтвы?». И князь уже истерически закричал:

— Четвертовать! Всех на виселицу! На кол! [1]

* * *

Роман Н. Рыбака «Переяславская Рада» посвящен трудной и полной драматизма борьбе украинского народа против польско-шляхетского ига, за воссоединение Украины с Россией (с 1649 г.).

В романе убедительно показано, как в жестокой борьбе с врагами росли силы украинского народа, зрело стремление к воссоединению с Россией, крепла вера в победу. Особенно интересна в этом отношении заключительная глава романа, где с большой силой и теплотой раскрывается искреннее стремление украинского трудового люда к объединению с русским народом для борьбы с общими врагами.

Обычно чтение текста сочетается с рассмотрением и анализом содержания картины М. И. Хмелько «Навеки с Москвой, навеки с русским народом». (Из серии картин по истории СССР для 9 классов.)

[1] П. Панч, Клокотала Украина, изд. «Известия», М., 1961, стр. 234—237.

Предварительно учащимся предлагается познавательная задача: Какие слои населения присутствовали на Раде и почему они так единодушно приняли предложение Б. Хмельницкого?

Переяславская Рада.

Хмельницкий сделал шаг вперед. Напряженная тишина легла на майдан. Медленно обвел гетман взглядом широкую площадь, море голов, детей на деревьях и на крышах. Мелькнула мысль: «Дети когда-нибудь расскажут...»

— Братья казаки, полковники, есаулы, сотники, все войско Запорожское, все православные!

Ведомо вам, как избавились мы от руки гонителей церкви нашей, озлобивших все христианство. Уже шесть лет живем в войнах непрестанных, без государя.

Православный царь, великий государь Алексей Михайлович, одного с нами благочестивого закона, одной веры православной. Великий государь, видя муки народа нашего, снизойдя к просьбам нашим, прислал к нам великое посольство, дабы оно, если Рада так приговорит, приняло нас под его высокую руку. Братья наши дружно идут к нам на помощь. Пускай знают Варшава, Стамбул, Бахчисарай, Вена, Рим и прочие столицы, где злое против нас умышляют, что в единении с народом русским мы неодолимы и неприступны будем.

А буде кто с нами тут на Раде не согласен, тому теперь, куда хочет: вольная дорога!..

— Волим под царя московского, православного! — раздался громовой голос...

И весь майдан, все люди, от мала до велика, увидели, как Богдан Хмельницкий вознес высоко над головой булаву, и в тот миг, когда торжественная тишина повисла над майданом, раздался зычный гетманов голос:

— Отныне и навеки с Москвою едины будем!

— Навеки! — грянул майдан.

— Навеки будем! — загремело тысячеголосо, и показалось людям, что само солнце радо: тысячи тысяч лучей его мгновенно раздвинули громаду туч, а степной ветер пришел ему на помощь, погнав их сильными ударами крыльев на запад.

Гетман, казалось, именно сейчас впервые хорошо разглядел все это обширное товарищество, которое собралось на Переяславскую Раду — представителей Украины от сотен и полков, от магистратских городов, от цехов и посольства, с далеких окраин великой страны. Между посполитыми стояли даже сухощавые рослые чабаны из непроходимых чащоб Белополья в своих кобеняках из грубой шерсти и в черных косматых бараньих шапках.

Тихо на майдане. Торжественно. Самые сокровенные мысли каждого высказал только что Хмельницкий [1].

Заканчивая изучение темы о воссоединении Украины с Россией, полезно подготовить литературный монтаж по стихотворению П. Тычины «На Переяславской Раде».

НА ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЕ.

П. Тычина

Звон несется колокольный,
топот ног и стук копыт,
Люди движутся на площадь —
Переяслав весь гудит...

*
* *

Вот Богдан из храма вышел
он народу бьет челом;
с ним боярин, тот, что прибыл
из Москвы к нему послом.
Бутурлин идет с Богданом,
все посольство — погляди!

*
* *

Вот колокола утихли, —
только дышат казаки:
будет вечной наша дружба
и объятия крепки.
И тогда Богдан Хмельницкий
гордо подняв булаву:
— Вижу, братья, как вы рады,
сам я радостью живу!
К нам приехал из России
верный друг, надежный друг.

*
* *

Что еще сказать вам, братья!
Много мы знавали бед...
Ближе русского народа
И роднее в мире нет!
Лишь в Москве надежды наши,
все пути в Москву ведут!
Наш язык и кровь — родные
перед нами — общий враг.
Час пришел объединиться
здесь, на Альты берегах!
И гремит повсюду «Слава!»
каждый счастлив, каждый рад.
— Дружба, верность и единство, —
люди всюду говорят.
А посол, лишь только стихло
руку к ним простер свою;
— Я от русского народа
вам поклон передаю!
И опять грохочет «Слава!»
И опять шумит народ:
— К нам в содружестве с Москвою
время новое придет.
И в словах его сердечных
столько света и тепла, —
был язык понятен русский,
речь понятной всем была.
Как одна, казачьи шапки
полетели в облака...
Пусть отныне наша дружба
будет прочной на века!

*
* *

Книги для домашнего чтения:

Л. Л. Дмитерко, Навеки вместе, М., 1955 (пьеса).
А. Корнейчук, Богдан Хмельницкий, М., 1950 (пьеса).
Т. Г. Шевченко, Иван Подкова; Тарасова Ночь; Кобзарь. Собрание сочинений, т. I, М., 1955.

ПОСЛОВИЦЫ.

Сам подыхай, а пану подай.
Мужик землю засевает, а пан хлеб поедает.
Высыпался хмель из меха, да и наделал ляхам лиха.

---

[1] Н. Рыбак, Переяславская Рада, изд. «Советский писатель», М., 1954, т. I, стр. 614—615, т. 2, стр. 7, 10.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVII В. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА.

Роман Злобина «Степан Разин» представляет собой удачное сочетание научного повествования, основанного на подлинных документах, с широким художественным вымыслом, правдивым и вполне отвечающим исторической действительности.

Автор интересно рассказывает о юности Разина, о его первых столкновениях в станице с казацкой верхушкой, о хождении на богомолье в Соловецкий монастырь, описывает совершенный им поджог барской усадьбы и др. Все это воспроизведено исторически правдиво, с большой достоверностью. Личный конфликт С. Разина с представителями господствующих классов перерастает в открытое вооруженное столкновение народа с господствующим крепостническим строем. Степан становится признанным и любимым вождем крестьянской войны. Ярко и правдиво описаны главные события этого времени: взятие Яицкого городка, поход на Каспий, разгром флота Менеды-хана, возвращение на Дон, подготовка к новому походу, взятие Царицына, Астрахани, бой у Симбирска и поражение у этого города крестьянского войска, предрешившее усиление феодально-крепостнического строя. Кроме С. Разина, надолго запоминаются образы его боевых друзей и соратников В. Уса, Алены и др. Однако в романе недостаточно раскрыта политическая и духовная жизнь России. Неточно описаны обстоятельства отъезда раненого С. Разина из-под Симбирска. Его увозят не агенты старшины, а верные ему казаки. По-иному следовало бы обрисовать образ мужественной и бесстрашной Алены. Роман перегружен несущественными эпизодами.

В первом отрывке характеризуется усиление крепостного гнета второй половины XVII в., безудержный произвол крепостников, принудительный труд крепостных крестьян.

Усиление крепостнического гнета.

Дружная и ранняя наступила весна в Нижегородчине. На озимых полях поднялись яркие, густые зеленя. С теплыми весенними днями из московских краев примчался в вотчину Одоевского Никитушка, сын боярина Якова Никитича. С гурьбою холопов проскакал он по влажной дороге, извивающейся среди хлебных крестьянских полей. Пахари на яровых полосах отпрукивали лошаденок, снимали заячьи и поярковые шапки. Робкие и смиренные, падали на колени прямо в рыхлую влажную землю.

Оставив холопью гурьбу на дороге, Никитушка подскакал к белоголовому старику на ближней полосе, который раньше других управился с пахотой и бороньбой и без шапки шагал уже с ситом на белом полотенце, перекинутом через плечо, разбрасывая горстью овес и шевеля губами, должно быть, шепча в напутствие зернам либо заговор, либо молитву.

— Свою пашню пашете, а боярский урок — как управили?! — крикнул Никита, выпятив неказистую, как у отца, бороденку, в злости кося левым глазом, нетерпеливой рукой похлестывая по сапогу концом плети.

— Вспашем, Никита Яковлич батюшка, вспашем, поспеем! Зима была добрая, снежная... Вспашем!..

— Кончай всю работу. Нынче шабаш! Кто сколь вспахал на себя — бог простит, а больше ни пяди, покуда с боярщиной не управитесь! — приказал молодой Одоевский.

— Князь, голубчик, уж ныне дозволь! Никита Яковлич! — взмолились крестьяне. — С утра пойдем на боярщину, а нынче денек на своей доработать! Кто сколь вспахал — позасеем!..

— Шаба-аш! — грозно крикнул Никита. — Не люди — собаки: вас корми калачом, так вы в спину кирпичом. Обожрались боярской милости, нет в вас стыда!..

Уже четвертый год, как Никита завел такой обычай: чтобы на боярских полях успевали вспахать и посеять вовремя, первой работой была для крестьян боярщина. Это заставляло их не лениться на боярских полях, работать споро и дружно. Если случались огрехи, Никита заставлял переделывать работу наново, но никого не пускал домой, и за чужой огрех вся деревня страдала. Так он добился хорошей работы крестьян на своей земле.

Поутру, когда собрались у дороги, Никонка вышел и сказал, что приедет «сам». И вот на дороге явился Одоевский в сопровождении толпы холопов и слуг.

— Как же, братцы, такое у вас воровство учинилось!— воскликнул Одоевский с укором. — Целые два десятка крестьянишек в лес убежали. Свое озимое позасеяли, да и прочь! Вам, миру, лишни труды на боярщине ныне за них!

— Да мы, князюшка-батюшка, все и без них покончили! Какие еще труды?! — отозвались крестьяне.

— А труды таковы: мне ржи не надобно больше. Кто убежал, на того полях я конопли стану сеять. Надо пашню пахать.

— Там ведь озими, батюшка-князь! Рожь у них поднялася.

— Мне ржи не надобно больше!— повторил князь Никита.— Зеленя покосить для скота, свезете ко мне во двор, а землю вспахать и конопли сеять станете... [1]

Вопрос: Что свидетельствует об усилении крепостнического гнета во второй половине XVII в.?

* * *

Последующий отрывок из романа С. Злобина используется учителем для конкретизации рассказа о решающем бое повстанцев с царскими войсками под Симбирском. В отрывке воссоз-

[1] С. Злобин, Степан Разин, кн. 2, М., 1953, стр. 5—6, 7—8, 10.

дается образ народа-борца, народного вождя С. Разина, смелого, решительного, идущего впереди, бьющегося в самых опасных местах. Автор сумел умело оттенить и слабые стороны восставших: отсутствие военной выучки, плохое вооружение и др.

С интересом воспринимаются краткие сообщения учащихся, подготовленные на основе данного отрывка.

Познавательная задача: Какие качества проявили восставшие и их вождь С. Разин в бою с царскими войсками и почему они потерпели поражение?

Сражение под Симбирском.

Серый осенний день уже перевалил за полдня, когда над дорогой за лесом и за холмом тучею встала пыль. Дворянское войско грозою двигалось к переправе через Свиягу.

В стане Разина все было твердо условлено. Все затаились и стихли.

И вот на большом полосатом поле из-за холма показались всадники. Они подвигались в молчанье, без воинских труб. Их молчаливое движение было размеренно, неторопливо, и тем грозней и тяжелее казалась поступь подобранных в масть коней.

Уничтожающей тяжелой лавиной неслось воеводское конное войско к Свияге, поспешая пройти через мост и ударить на разинцев раньше, чем там, за рекой, у острожка, как думал Барятинский, успеют построиться к обороне.

Новые и новые тысячи всадников выходили из-за холма, покрывая все поле и в грозном движенье, казалось, не зная преград своему стремлению.

Вот голова воеводской рати уже миновала лесок, где справа от них над Грязнушкой засела в оврагах конница Алеши Протакина. Вот поравнялись они с холмом, за которым в лесу затаился Митяй Еремеев с двумя полками. Они несутся на деревеньку, в которой стоят запорожцы, но им не дойти: ближе от них высятся два холма, покрытые репьяком и крапивой, а в репьяках скрыты пушки Сергея Кривого; в крапиве натыканы колья, которые будут пороть животы дворянских коней; за холмами, в овражках и буераках, лежит полк пехоты...

С крыш деревенской избы наблюдает Степан, как воевода поравнялся с холмами Сергея, вот он почти миновал их.

«Да что же Сережка молчит?» — нетерпеливо подумал Разин.

И в этот миг дрогнуло все от ударов пушек. Слышно, как взвизгнула дробь и затрещали пищальные выстрелы из буераков, выплевывая комочки белого дыма. Передние ряды дворянского войска смешались в нестройный табун.

Но сам воевода, сдержав встревоженного коня, без смущенья, спокойно взглянул на окутанный дымом холм, повернул, указал своей саблей в сторону пушек Сергея и что-то крикнул, отъезжая в сторону, к середине поля.

Отряд сотен в пять дворян устремился рысью на засаду Сергея. Их встретили снова удары пушек и треск пищалей. Уже побежали в стороны лишенные всадников кони. Передние всадники налетели на колья со скрытыми в бурьяне острыми концами. Отчаянно закричали, падая на землю, лошади, пропоровшие кольями животы.

Левее Сергея вылетел из лесу Еремеев и врезался под крыло воеводской рати. И там завязалась сеча.

Степан спрыгнул с крыши, сам вскочил на коня, и, вырвавшись из деревни, широкой лавой помчались казаки, с трех сторон схватывая врага: на правом крыле лавы — Наумов, на левом — Разин. Они обрушили разом свои сабли на головы драгун, те дрогнули и понеслись наутек.

И вдруг совершилось что-то нелепое, глупое... Как только было заранее не угадать?!

«Обманули!.. Пропал!» — про себя воскликнул Степан: за холмом, на который взлетели разинцы, перед ними в кустах стояли в ряд два десятка пушек, уставившись жерлами и дымя фитилями.

Степан хотел крикнуть: «назад!», но слово застряло в груди от досады и злобы и захватило дыханье.

Он только успел вдохнуть воздух, махнуть рукой, как дрогнули небо и поле, и лес от удара всех пушек сразу. Кругом засвистало... И на земле возле Разина уже бились кони и казаки.

«Пушечной дробью лупят!» — сразу понял Степан.

Ничто не могло удержать теперь казаков; не слыша уже никого, не способные слушать приказов, призывов, они понеслись назад, и новые выстрелы били теперь им в спины... Все войско Разина откатывалось назад к Свияге...

Разин помчался за есаулами, чтобы быстрее построить войско и вывести в бой.

Навстречу Степану скакал одинокий казак.

— Батька, пушки у нас отбиты.

У Разина защемило сердце.

Подъездчики сообщили также, что с верховьев Сельди к дворянам пришел еще один конный полк, который поставлен на левом крыле воеводской рати.

Над полем сгустился туман с осенним мелким дождем.

Объехав свое вновь построенное к бою войско, под прикрытием опустившейся мглы Степан Тимофеич двинул его снова в долину, навстречу наступающим полкам воеводы.

Было видно, что разинцы снова ломят дворян: поле битвы ползло от Свияги в гору, оставляя сзади холмы убитых и раненых.

Сотни дворян сшиблись с сотнями казаков. Скрестились пики. Уже в полумраке ударили сабли о сабли в бешеной стычке вокруг пушек.

Прежде других разинцев добрался до пушек сам атаман. Он саблей снес голову немецкому офицеру, конем затоптал одного пушкаря и заставил двоих пушкарей залезть под лафеты...

Степан оглянулся назад и увидел, что он с горсткой «лапотников» отрезан от всех своих, увидал, как на них налетают откуда-то взятые воеводой драгуны... «Сатана! Ведь еще он припас засаду!» — подумал Степан.

— Батька! На коня! На коня! — отчаянно завопил, пробиваясь к нему, Наумов.

Степан ухватился за холку коня, но раненая нога отяжелела и не поднималась в стремя...

Разин, подсаженный двоими мордовцами, вскочил, наконец, в седло, схватился за саблю, но не успел ее вырвать из ножен: драгунский клинок рубанул его по простоволосой голове. В глазах атамана перевернулось все — казаки и драгуны.

Какая лютая схватка закипела вдруг над поверженным атаманом! Откуда взялось у разноплеменных мятежников столько ратного жара, который пристал бы лучшему войску при защите отечества от нашествия иноземцев?! И казацкая сила вдруг вся навалилась на этом участке боя [1].

* * *

Стихотворение А. Навроцкого декламируется в конце урока одним из учащихся. Некоторые учителя используют это стихотворение как образно-эмоциональный зачин к изучению темы.

УТЕС СТЕНЬКИ РАЗИНА.

А. Навроцкий

Есть на Волге утес. Диким мохом оброс
Он с боков от подножья до края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.
На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет;
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.
Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался,
И утес человека того не забыл,
И с тех пор его именем звался.
И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.
...И поныне стоит тот утес и хранит
Он заветные думы Степана,
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.
Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался, —
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет [1].

[1] С. Злобин, Степан Разин, кн. 2, М., 1952, стр. 303, 310, 317, 318.

ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. СЕВЕРНАЯ ВОЙНА.

Роман Е. Федорова «Каменный пояс» содержит богатейший материал по истории русской мануфактуры. Автор разоблачает беспощадную эксплуатацию, произвол уральских горнопромышленников. Это помогает учителю показать ужасные условия, в которых жили и трудились работные люди Урала.

Роман охватывает события с 1695 и по 1861 г. и состоит из трех книг. Действие первой книги доводится до середины 40-х годов XVIII в. Можно взять материал о том, как тульский кузнец Никита Демидов, завоевав расположение Петра I, получает Невьянский завод, как потом и кровью крепостных крестьян и рабочих наживает огромные богатства.

Читатель получает правильное представление о нечеловечески тяжелых условиях, в которых живут и работают рудокопы.

Вторая книга охватывает события 1749—1788 гг. В ней рассказано о жизни и «деятельности» трех наследников сына Никиты Демидова, об их мотовстве, алчности, жестокости. Много места отводится описанию жизни народа, его участию в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева.

Отрывок из романа Е. Федорова «Каменный пояс» помогает воссоздать картину каторжного труда на строительстве Петербурга.

Отрывок используется как подтекстовка к репродукции с картины Г. А. Песиса «Постройка Петербурга».

Строительство Петербурга.

В ожидании сынка туляк расхаживал по Санкт-Петербурху и присматривался к поспешной стройке. Река Нева разбилась на множество рукавов и в устье разлилась широко. По лесам, болотам да топям стояли одинокие рыбачьи хижины. По буграм и холмам серели редкие мызы; в низинах народ боялся селиться: при моряне [2] вода в Неве-реке поднималась буйно и заливала хижины. Рыбаки — и те при буйном водополье спасались на лодчонках на Дудергофские горки.

На Заячьем острове, по-свейски именуемом Ениссари, новгородские плотники рубили крепость. Народу на постройке было

[1] Сб. «Лейся, песня, на просторе», изд. «Молодая гвардия», М., 1954, стр. 78—79. См. также М. Страхова, За волю, Детгиз, 1955.

[2] Моряна — ветер с моря.

много, согнали со всех концов отчизны. Работы шли спешно; на островке, как по щучьему велению, росли бастионы: государев, Трубецкого, Меншикова, Зотова и других царских сподручников. И бастионы те прозывались так потому, что за работой надзирали эти государственные мужи. В крепости строилась церковь во имя апостолов Петра и Павла, и церковь ту заложил сам царь.

Однако на крепостных работах не хватало ни плотничьего инструмента, ни землекопного, а того хуже — мало имелось тачек и телег, и люди таскали землю в полах своего кафтана, бревна тащили волоком, а землю рыли зачастую руками. Земля для крепостных валов нужна была сухая, а кругом простирались болотная тина да мох, поэтому таскали издалека.

Такая же работа шла и по другим местам. Тысячи людей рубили здесь городовое строение, рыли, гатили, крепили, мостили. Великое множество крестьян: дворовых, архиерейских, монастырских, помещичьих и просто беглых каторжных робили тут, ютясь в смрадных мазанках, землянках, бараках, а то и просто в шалашах. Гнали на работу беспощадно. По целым месяцам работные не видели хлеба, который и за деньги нельзя было добыть в этом пустынном краю. Мерзли в землянках, ели капусту да репу, страдали от поноса, пухли от голода, от цинги гноились десны. К тому же лихие начальники безмерно воровали, лихоимничали.

Не выдержав нечеловеческих тягот, многие убегали, но их ловили, били кнутом, ставили на еще более тяжелые работы, а когда и от этих работ убегали, снова ловили, рвали ноздри и ковали в цепи. Между тем болезни усиливались с каждым днем, лекарей не было, да и не до того было. Одно лекарство быстро шло в ход: аптекарь Леевкень пустил в ход водочную настойку на сосновых шишках; настойка была дорога, но расходилась быстро; народ пил от болезней и от горя.

По городским улицам-просекам часто тянулись дровни, груженные мертвецами, завернутыми в рогожу; их везли куда-либо на болотистое кладбище, как падаль, сбрасывали в общую яму.

Город вырастал на костях.

Прослышал Никита Демидов байку — может это и на самом деле была правда, больно все схоже с характером царя Петра Алексеевича. Позвал будто царь своего шута Ивана Балакирева и спрашивает:

— А ну-ка, поведай, что народ говорит про Питербурх?

— А бить не будешь государь?

— Говори!

Балакирев знал кипучий нрав царя и на всякий случай встал поближе к двери.

— Говорит народ такое, государь! — скороговоркой выпалил шут, размахивая колпаком. — С одной стороны — море, с другой — горе, с третьей — мох, а с четвертой — ох! — Вот оно как! [1].

Обсудить: Как выглядела новая столица в самом начале ее основания? Какие работы производились ее строителями? Почему строители Петербурга сложили поговорку: «С одной стороны — море, с другой — горе»?

* * *

На ход Северной войны решающее влияние оказала Полтавская битва, закончившаяся полным разгромом шведских захватчиков. В этом сражении проявились замечательные боевые и моральные качества русских солдат и офицеров, блестящее полководческое искусство Петра I, выдающихся русских военачальников.

Отрывок из повести Г. Шторма «Полтава» привлекается для конкретизации рассказа о Полтавской битве.

Вопрос: Почему в Полтавском сражении русские одержали победу над шведами?

Полтавская битва.

К девяти часам армии сошлись на орудийный выстрел.

Заговорили русские пушки. Картечь и ядра посыпались на шведов, но они шли, стойко выдерживая огонь.

Расстояние между войсками уменьшалось до двадцати пяти сажен, и началась ружейная подготовка атаки. В это время шведская пехота вытянулась в одну линию, а кавалерия построилась на флангах — в две.

Залп следовал за залпом. Но войска стояли, как неподвижные стены. Когда пальба затихала, были отчетливо слышны слова команды. И затем вновь гремели шведские мушкеты и длинные русские ружья — солдаты называли их «турками»; они били на пятьсот шагов.

Карл за несколько дней перед тем был ранен в ногу. Обложенный подушками, держа в одной руке пистолет, в другой — шпагу, он лежал на носилках, в открытой «качалке», запряженной двумя лошадьми.

В центре русской пехоты резко выделялся батальон Новгородского полка, одетый в серые мундиры. Карл, считая этот полк «новобранным», решил, что здесь будет легче всего сделать прорыв.

Новгородцы мужественно встретили натиск, но были не в силах устоять против двойного числа наступавших. Шведы «на штыках» прошли сквозь первую линию и уже грозили отрезать левое крыло.

---

[1] Е. Федоров, Каменный пояс, кн. 1, Демидовы, Свердловск, 1955, стр. 143—145.

Тогда в сумятице боя мелькнул и темно-зеленый мундир Петра, и его пробитая шведской пулей шляпа.

— За отечество принять смерть весьма похвально! — закричал он, потрясая шпагой.

И, взяв из второй линии батальон пехоты, бросился с ним навстречу шведам, сомкнул прорванный строй и начал теснить врагов. Гром семидесяти двух русских пушек сотрясал землю. Шведы отвечали только из четырех орудий. Остальная часть их артиллерии из-за недостатка боевых припасов вынуждена была молчать. Рукопашный бой завязался на всем пространстве поля. Зеленые мундиры перемешались с синими. Желтые и белые знамена переходили из рук в руки. Снова — в который раз! — сошлись грудь с грудью русский и швед.

В это самое время Гилленкрок увидел вне линии огня толпы шведской пехоты, в беспорядке рассеявшиеся по полю.

— Сомкнитесь, ребята! — сказал он, приблизившись. — Разве с вами нет командира?

— Мы ранены, а все наши командиры перебиты,— отвечали они.

А русская конница уже охватывала противника справа и слева. Прямо к королю прокладывал себе путь казацкий отряд.

Пушечным ядром были разбиты носилки Карла. Он велел посадить себя на скрещенные пики. Но его никто не слушал. Шведы уже бежали. Казаки прорывались к нему, и он явственно слышал голос, хотя значение слов и было ему непонятно.

— Хлопцы! За короля тысячу дукатов! Берите его живьем!..

Но Карла спасли. Его вынесли из гущи боя, посадили в генеральскую коляску — шесть пар лошадей цугом — и он помчался прочь, опережая бегущие свои войска.

Так закончилась битва, продолжавшаяся не более двух часов, ибо «непобедимые господа шведы скоро хребет показали», — битва, стоившая Швеции утраты ее могущества и поставившая Россию в ряд великих держав [1].

* * *

Отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» многими учителями успешно используется как эмоциональная концовка урока.

ПОЛТАВСКИЙ БОЙ.

...И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.
...Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! О славный вид!
Еще напор — и враг бежит.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи [1].

[1] Г. Шторм, Дети доброй надежды, Полтава, М., 1962, стр. 161—163.

РЕФОРМЫ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА.

Создавая регулярную армию, правительство Петра I вводит с конца XVII в. новую систему комплектования личного состава армии — набор рекрутов для постоянной военной службы в регулярных полках. Это нововведение, сыгравшее важную роль в повышении обороноспособности страны, легло новым бременем на плечи крестьян и посадского населения.

Роман А. Н. Толстого дает богатейший материал по истории СССР XVII — начала XVIII в. Описанные в романе события затрагивают самые различные социальные слои от крестьян и посадских людей до бояр и царского двора.

Из нищей деревушки читатель переносится в боярский двор и царские палаты, на поля сражений, на строительство новых городов, предприятий, каналов. Пафос созидательного труда особенно выразительно раскрыт в третьей книге романа. Запоминается напряженная трудовая деятельность народа. Юным читателям следует указать, что в этом романе личность Петра несколько приукрашена; в истолковании автора, царь если и бьет, то за дело, если губит, то во имя высоких идей и т. п. А между тем Петр I, жестокий крепостник, был участником диких забав и не щадил человеческих жизней даже в тех случаях, когда это не являлось необходимым.

В отрывке из романа А. Толстого «Петр I» хорошо передана суровая обстановка, в которой проводился набор новобранцев, описан жестокий военный режим, палочная дисциплина и муштра.

Текст используется для конкретизации рассказа учителя или для подготовки сообщений учащихся.

Рекрутчина.

Каждый день большие обозы со всех застав въезжали в Москву: везли людей для регулярного войска, иных связанных, как воров, но многие прибывали добровольно, от скудного житья. На московских площадях на столбах прибиты были писан-

[1] А. С. Пушкин, Полтава, 1936, стр. 51—56.

ные на жести грамоты о наборе охотников в прямое регулярное войско. Солдату обещали одиннадцать рублев в год, хлебные и кормовые запасы и винную порцию. Холопы, кабальная челядь, жившая впроголодь на многолюдных боярских дворах, поругавшись с домоправителем, а то и самому боярину кинув шапку под ноги, уходили в Преображенское. Туда ежедневно сгонялось до тысячи душ.

Люди иной раз до сумерек ожидали на морозе, покуда офицеры с крыльца не выкрикнут всех по именным спискам. Людей вели в дворцовые подклети. Усатые преображенцы сурово приказывали раздеться донага. Человек робел, разматывая онучи, оголяясь, шел в палату. Между горящими свечами сидели в поярковых шляпах длинноволосые офицеры, как ястреба, глядели на вошедшего: «Имя? Прозвище? Какой год от роду?» А кто ты таков — хоть беглый или вор — не спрашивали. Меряли рост, задирали губы. «Годен. В такой-то полк».

За дворцовым двором в снежные поля тянулись нововыстроенные солдатские слободы. Толпами годных разводили по избам. В них было тесно набито народу. При каждой — начальником — младший унтер-офицер с тростью. Новоприбывшим он говорил: «Слушать меня как бога, два раза повторять не стану, спущу шкуру. Я вам и бог, и царь, и отец». Кормили сытно, но воли не давали — не то что в прежние времена в стрелецких полках. Солдатчина!.. Будили барабаном. Гнали натощак на истоптанное поле. Ставили в ряд по черте. Первое учили — разбирать руки: какая левая, какая правая. Иной мужик сроду и не задумывался — какие у него такие руки. Память вгоняли тростью. Появлялся офицер, по большей части не русский и часто — сполупьяну. Став перед рядом, пучил мутные глаза на армяки, полушубки, лапти, валеные, бараньи шапки. Надув щеки, начинал орать по-иноземному. Требовал, чтобы понимали, замахивался тростью. От горя мало-помалу начинали понимать: «Маршируй»— иди. «Хальт» — остановись. «Швейна» или «русиш швейна» — значит ругает... После завтрака — опять на поле. Пообедали — в третий раз шагать с палками или мушкетами. Учили неразрывному строю, как в войсках у принца Савойского, ровному шагу, дружной стрельбе, натиску с примкнутыми багинетами. Виновных тут же перед строем, заголив штаны, на снегу секли без пощады.

Трудны были воинские артикулы: «Мушкет к заряду!» Помнить надо было по порядку: «Открой полку. Сыпь порох на полку. Закрой полку. Вынимай патрон. Скуси патрон. Клади в дуло. Вынь шомпол. Набивай мушкет. Взводи курки. Прикладывайся...» Стреляли плутонгами — один ряд с колена заряжал, другой, стоя, давал огонь; стреляли нидерфалами, когда все ряды, кроме одного, поочередно падали ничком.

Военным обучением руководил цезарец — бригадир Адам Иванович Вейде. Ему, генералу Артамону Михайловичу Голо-

вину и князю Аниките Ивановичу Репнину указано было устроить три дивизии по девяти полков в каждой[1].

Вопрос: Из кого набирали рекрут и как их учили?

* * *

Роман Ю. Германа «Россия молодая» справедливо может быть назван книгой о мужестве русского народа. Автор правдиво воссоздает обстановку ожесточенной борьбы между Россией старой и новой в начале XVIII в. Крестьяне, рыбаки, мореходы, ремесленники, солдаты, вынесшие на своих плечах всю тяжесть борьбы за молодую Россию, являются главными героями книги. Народ показан не только тружеником и созидателем, но и бесстрашным борцом против нещадной эксплуатации и самоуправства власть имущих и царских чиновников. Чаяния и надежды простых русских тружеников нашли выражение в образе беглого крестьянина Молчана и замечательного умельца Федосия-кузнеца. В книге удачно охарактеризованы образы Петра I и его ближайших сподвижников: Меншикова, Апраксина и др.

Ведущей линией романа является жизнь и борьба архангельского рыбака Ивана Рябова, мужественного патриота, замечательного удальца, повторившего в борьбе со шведами подвиг Ивана Сусанина.

Одним из недостатков романа является громоздкость и растянутость, наличие объемистых глав, воспроизводящих второстепенные события, не имеющих прямого отношения к основной теме. Важнейшие сражения первого периода Северной войны освещены наспех, кое-как.

В приведенном отрывке удачно описаны труд и тяжелая жизнь строителей первых кораблей русского военного флота.

Создание флота.

На рассвете Сильвестр Петрович приехал на Соломбальскую верфь[2] и велел тотчас же бить в барабан. Барабан отыскался не сразу. Было темно, мозгло, стоял такой плотный туман, что огни караульных костров казались бледными и совсем маленькими. Люди под барабанный бой поднимались с трудом, не понимали, куда им идти, чего от них хотят. Иноземец-надзиратель Швибер с кнутом в руке покрикивал в тумане:

— Ну, ну, быстрее, ну, ну...

Иевлев быстрым шагом обошел землянки, везде на два-три вершка стояла вода, спать люди тут не могли, эту ночь народ промучился у леса, назначенного к постройке второго эллинга,

---

[1] Алексей Толстой, Собрание сочинений, т. 7, Петр Первый, стр. 489—490.

[2] В Архангельске.

у стен верфи, у длинного низкого амбара, в котором сложена была пенька, смола, канаты, топоры, пилы, гвозди...

— Где избы для трударей? — странным голосом спросил Иевлев у надзирателя Швибера.

Тот испугался этого странного голоса, спрятал кнут за спину, сказал, что давеча господин Баженин лес для изб доставил многими подводами да сложить не поспели. Сильвестр Петрович тем же странным голосом велел послать за Осипом гонца, да со спехом.

На верфи, огороженной впрок не для одного, не для двух, не для трех кораблей — куда более, горели костры, варилась для трударей жидкая кашица. Водовозы возили колодезную воду; под мерное «раз-два взяли» народ разгружал лес из барок, только вчера пригнанных с баженинских пильных мельниц из Вавчуги. Работали вместе — рыбак с пономарем, беглый поп с кузнецом, землепашец с медником, калачник с лодейным кормщиком...

Многие люди на верфи в Соломбале занемогли цингою. Лекарь-иноземец, в коротком черном кожаном кафтане, подходил к недужному, смотрел десны, больно выворачивал веки, сгибал руку или ногу, потом длинным пальцем писал в воздухе крест. Надзиратель, немчин Швибер, пристроенный на верфь полковником Снивиным, спрашивал, чем помочь,— лекарь пожимал плечами.

Цинга валила с ног человека за человеком.

Да и как было ей не разгуляться на верфи?

Утром на всех варилась похлебка — бурдук из ячменной муки, в обед несли деревянные кадушки с заварухой — вареной репой с квасом, с солодом. Более ничем не кормили. Хлеб был мокрый, сырой, с корьем и щепками. На рождество дали саламату — толокно с вонючим нерпичьим жиром. От саламаты многих работных людей раздуло, дед Федор в тот же вечер помер. Помер тихий медник с Пробойной улицы, похоронили тяглеца Еремея.

На алой морозной заре Рябов вышел из избы — посмотреть корабли. Нынче нигде не работали, все было тихо на верфи. Кормщик медленно обошел закрытый эллинг. В сумерках раннего утра корабль казался огромным...

У пристани чернели «Святое пророчество», «Павел», «Петр» и еще новые суда.

— Во, сколь много!— тихо, с восторгом сказал Рябов.

— Флот!— шепнул рядом Митенька [1].

Обсудить: В каких условиях жили и трудились архангельские кораблестроители?

В ходе урока текст отрывка частично цитируется, частично пересказывается учителем.

[1] Ю. Герман, Россия молодая, 1952, стр. 299—300, 307—308, 328, 334.

Проблемно-познавательная задача: Представьте себе горный завод Урала начала XVIII в. Опишите труд и жизнь уральских рудокопщиков (шахтеров).

Ответ они дают в конце урока или на следующем уроке.

На шахтах Урала в начале XVIII в.

Сеньку Сокола и с десяток кабальных Никита Демидов отобрал в шахты для ломания руд.

...Отобранных к рудокопному делу выстроили перед заводской избой. Акинфий Демидов спустился с крыльца и узнал Сеньку. Сокол потупил глаза в землю, цепи звякнули...

...Сенькины товарищи стояли покорно, опустив руки, многие были в цепях.

С заводской площади рудокопщиков повели к горе. На ней шумели озолоченные солнцем сосны, над падью пели жаворонки, на пруду раздавались гулкие стуки валька: заводская баба стирала белье. Сенька жадно глотал свежий воздух и подставлял лицо солнцу: «Скоро ли увижу тебя, или больше меня не пригреешь?» — Мысли кружились черные, безнадежные...

Вот и горщицкая изба. К горе лепился крепкий сруб из свежих сосновых бревен; на них... янтарем блестит растопленная смола. Возле избы толпились кабальные, только что согнанные демидовскими приказчиками отовсюду. Сенька жадно приглядывался. Мужики угрюмо гудели: одежонка на них — одна рвань, лохматые, нечесаные бороды, у некоторых лица вымазаны сажей иль засохшей грязью. Сенька заметил: под сажей упрятаны выжженные каторжные клейма... в стоптанных лаптях, опустив на широкую грудь лохматую голову, на земле сидел кержак, бежавший под Коломной с демидовского струга.

...Сенька с кержаком первые вступили в узкий проход, в конце его — малая площадка. Кругом сдвинулась тьма, давили каменные своды. Надсмотрщик держал сальный фонарь, обтянутый пузырем. В мутном, неверном свете Сенька различил с краю площадки узкий лаз: пахло могилой. Надсмотрщик уверенно шагнул к черной дыре:— Тут лесенка, держись крепко, оступился — кости растеряешь, как не был.

Он проворно нагнулся, ухватился за скобы у краев ямы и опустил в нее ноги. Фонарь прополз книзу и затерялся в черной бездне. Сенька ухватился за края дудки и повис в бездне: долго ногами шарил лестницу. Наконец, нащупал шаткие перекладины и стал спускаться во мрак. Внизу тусклым глазом мелькал фонарь надсмотрщика, сверху из-под лаптей кержака сыпалась земля. Стенки узкой дудки были скользки от сырости, по камню сочились невидимые ручейки.

Люди, как тараканы, сползали в тьму.

...Вышли в штольню, по ней кой-где светились бродячие огоньки фонарей. Сенька еле успел прижаться к стенке: полу-

голые лохматые люди с тяжелым дыханием гнали груженные рудой тачки. При тусклом свете фонаря мимо Сеньки мелькнули темные жуткие глаза, темные грязные лица, и все растаяло, как морок. Где-то за навороченными камнями журчала вода и доносился слабый грохот разгружаемых тачек. Духота меж тем сгущалась, по Сенькиному лицу растекался обильный пот.

В штольне стало шире, надсмотрщик остановился:

— Ну, прибыли. Э-гей!..

Из-за угла блеснул слабый свет, в мутном освещенном круге на бородатом лице ворочались белки.

— Поруха! — крикнул надсмотрщик,— народу прибыло. К делу приставь!

...Сенька отобрал себе тачку, дед Поруха вытащил из-за камней молот. Надсмотрщик поднес фонарь.

— Ну, давай железа ручные... Их ты, горемычный! — Дед схватил Сенькины цепи и стал приковывать к ним тачку.

...Под землей дух тяжелый, теплынь; густая, гнетущая тьма; нет ни дня, ни ночи. Свет сального светильника неверен, то меркнет, то вспыхнет, на каменных сводах колеблются угловатые тени. Рудокопщики выбиваются из сил; работают тут бородатые кержаки, и посадские жильцы из Верхотурья, и беглые солдаты, и монахи расстриги, и башкиры: лишь бы руки кирку держали да в камень били. Сенька бил киркой до соленого пота, от него рубаха стояла коробом. В забоях надрывались артельно; направо от Сеньки — кержак-рудокопщик медвежьей силы, в его волосатых руках лом гудел, бряцали цепи, во тьме поблескивали кержачьи злые глаза. Словно конь в испарине, кержак дышал тяжело, на могучей спине дымился парок.

...Тишина грузным камнем давила темя; чтобы уйти от тоски, иногда пели песни, но они были тоскливы и темны, не прогоняли боль. Соколу мерещились зеленые перелески, небеса, дороги-перепутья. Мучила жажда; пили подземную загаженную воду.

Наломанную руду грузили в тачки и по штольне везли в рудоразборную светлицу. Сверху в колодец спукалась бадья, в нее ссыпали руду. Вверху маячил кусочек неба, и Сенька радовался ему.

Время шло немеренное, неизвестное; сколько отбыли, сколько отжили — никто не знал. В забоях крепи ставили ненадежные — хозяин жалел лес — часто грохотало и давило людей. По многу дней покойники лежали в забоях, крысы устремлялись к ним, шла грызня. Коваль, дед Поруха, сбивал с покойников кандалы и чинил поврежденные тачки.

Под землю спускали новых работников, и снова гремело железо: лохматый дед венчал кабальных с тачками [1].

[1] Е. Федоров, Каменный пояс, кн. 1, Демидовы, Свердловск, 1955, стр. 98—102.

Царская казна пощады не знает.

(Отрывок используется для конкретизации содержания картины «Сбор налогов с крестьян при Петре I»).

Приев и выпив кремлевские запасы, стрельцы разошлись по слободам, посадские — по посадам. И все пошло по-старому.

Над Москвой, над городами, над сотнями уездов, раскинутых по необъятной земле, кисли столетние сумерки — нищета, холопство, безделье.

Мужик с поротой задницей ковырял кое-как постылую землю. Посадский человек от нестерпимых даней и поборов выл на холодном дворе. Стонало всё мелкое купечество.

Стали бояре заводить дворню по сотне душ. А их обуть, одеть в гербовые кафтаны, прокормить ненасытную ораву — нужны не прежние деньги. В деревянных избах жить стало неприлично. Прежде боярин или боярыня въезжали со двора в санях на одной лошади, холоп сидел верхом, позади дуги. На хомут, на уздечку, на шлею навешивали лисьих хвостов, чтобы люди завидовали. Теперь выписывай из Данцига золоченую карету, запрягай ее четверней — иначе нет чести. А где деньги?

Царская казна пощады не знает. Что ни год — новый наказ, новые деньги — кормовые, дорожные, дани и оброки. Мужику одно только и оставалось: думать...

«Ну, ладно... Того подай, этого подай... Тому заплати, этому заплати... Но прорва — этакое государство!— разве ее напитаешь? От работы не бегаем, терпим. А в Москве бояре в золотых возках стали ездить. Подай ему и на возок, сытому дьяволу. Ну, ладно... Ты заставь, бери, что тебе надо, но не озорничай... А это, ребята, две шкуры драть — озорство. Государевых людей ныне — развелось — плюнь, и там дьяк, али подьячий, или целовальник — сидит, пишет... А мужик один... Ох, ребята, лучше я убегу, зверь меня в лесу заломает, смерть скорее, чем это озорство... Так вы долго на нас не прокормитесь» [1].

* * *

В повести А. М. Волкова «Два брата» описана судьба двух братьев Марковых, принимавших участие в самых крупных событиях первой четверти XVIII в., соприкасавшихся со многими сторонами бурной жизни того времени. Младшему из них, необычайно способному и одаренному, удалось попасть в цифирную, затем в навигацкую школы, хорошо изучить токарное дело и стать впоследствии «царским механиком».

[1] Алексей Толстой, Собрание сочинений, т. 7, Петр Первый, М., 1959, стр. 9—10, 57.

Читатели первой газеты «Ведомости».

Егорка Марков заканчивал «русскую школу» намного раньше положенного срока. Он назубок знал русскую грамматику, хорошо писал, прочитал от корки до корки Евангелие, молитвослов. Однажды учитель Федор Иваныч дал Егорке пачку листов небольного формата, напечатанных славянским шрифтом на плотной желтоватой бумаге.

— Полагаю, надоело тебе церковное долбить. Вот «Ведомости», читай да поучайся.

Первая русская газета «Ведомость» стала выходить со 2 января 1703 года примерно раз в девять-десять дней.

Вечером в доме Марковых собрались люди. Аграфена в порыве материнской гордости рассказала соседям, что ее сын Егорушка принес от учителя грамотки, в которых прописано обо всем, что делается на свете.

Номера газеты имели трехмесячную давность. Но слушатели были невзыскательны. Они привыкли получать вести с большим опозданием от странников, которых много скиталось по Руси.

Марковские гости приготовились слушать «Ведомости» с благоговейным вниманием. Русские люди питали величайшее уважение к письменному, а позднее к печатному слову. Русь всегда любила и ценила грамотеев, преклонялась перед их ученостью.

«Ученье — свет, неученье — тьма» — так говорил русский народ. Егор читал, а гости теснились к нему все ближе, старались не дышать, чтобы лучше слышать.

«Повелением его величества,— читал молодой грамотей,— московские школы умножатся... В математической школе больше трехсот человек учатся и добро науку приемлют...»

— Видим, сынок, видим,— заметил Семен Ракитин.— Истинная то правда...

— «Из Персиды пишут. Индийский царь послал в дар великому Государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем...»

— Слон? — удивленно переспросила Аграфена.— Что же это за зверь такой?

— Слон? — отозвался старый Ракитин.— Это дивный зверь, кума! Слыхивал я от захожих людей, что зверь этот водится в Индийском царстве, зело велик и с виду устрашителен, имеет сзади хвост, и спереди хвост...

Егорка, отыскав нужное место, читал:

— От царя индейского, который слон послан к Москве, приведен из Шемахи в Астрахань. Корму ему исходит на день по сорок калачей денежных[1] («Хо-хо-хо! — грохотали слушатели.— Вот брюхо, так брюхо»), а питья по два ведра чихирю[1] астраханского.

— Эх, вот кому райское житье! — вздыхал Семен Ракитин.

Из «Ведомостей» узнавали о морских и сухопутных битвах, о ценах на товары в заморских городах, о том, где найдены какие руды и сколько отлито на Москве пушек[2].

Обсудить: О чем узнавали читатели первой газеты «Ведомости»?

[1] Денежных — стоимостью по деньге, то есть по полкопейке.

Урок арифметики в цифирной школе.

Наконец, Егора перевели в цифирную школу. Осуществилась мечта — учить математику, «науку, потребную ко всякому мастерству».

Егору, как прилежному и неимущему ученику, был назначен «поденный корм» — по пяти алтын в день.

Егор попал под начало к учителю Василию Киприановичу. Здесь он встретился со своим старым «врагом», предводителем армии «немцев» — Кириллом Воскресенским. Кирилл начал учиться раньше, но Егор его догнал. Приятели сели за один стол.

Киприанов был составителем только что отпечатанной тогда «Арифметики-феорики, или зрительная»[3].

Егор ахнул, когда Киприанов развернул перед учениками огромный пестрый лист бумаги. Края листа окружала рамка из рисунков и портретов, в середине же были напечатаны математические правила и определения действий.

Когда новички вдоволь налюбовались «Арифметикой-феорикой», Киприанов повесил лист на стенку и начал спрашивать:

— Воскресенский Кирилл! Что есть вычитание?

— Вычитание есть вычитающее из большого малого числа и остаток объявляющее, оный же нарицается разность.

— Добро!.. Шаховский Андрей! Что есть умножение?

— Умножение есть умножающее большее меньшим числом, или равное равным, и умноженное число объявляющее, оное именуется произведение...

Егорка слушал, разинув рот.

Трудно было учить в те времена математику. Ни учебник, ни учителя не давали никаких объяснений. Ученики, например, изучают умножение целых чисел. Учитель перемножает на доске два многозначных числа и говорит ученикам:

«Делайте по сему!»

Ученик хватается за книгу, думает найти разъяснение. Но и

[1] Чихирь — виноградное вино.

[2] А. Волков, Два брата, Детгиз, 1961, стр. 72—74.

[3] Позднее Киприанов был помощником директора Московской типографии и издал ряд математических книг; в составлении некоторых из них он сам принимал участие.

там сделан пример, а за ним лаконичное приказание: «Делайте по сему».

Надо было иметь большие способности, чтобы при таком способе преподавания успешно подвигаться вперед[1].

Обсудить: В чем была трудность такого обучения арифметике?

Художественная литература для внеклассного чтения:

А. Волков, Два брата, М.—Л., Детгиз, 1951.

В. Шкловский, О мастерах старинных, М.—Л., Детгиз, 1951.

А. Г. Бармин, Руда. Исторический роман, Детгиз, 1955.

Н. А. Задонский, Смутная пора. Историческая хроника, М., 1959. (О событиях на Украине начала XVIII в., о предательстве Мазепы.)

В. Н. Иванов, Черные люди, М., 1963.

М. Рабинович, Судьбы вещей, Детгиз, 1963.

[1] А. Волков, Два брата, Детгиз, М., 1961, стр. 72—74, 75—77.

III. УТВЕРЖДЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ.

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

При изучении вопроса о противоречиях, которые назрели в послереволюционной Англии между пришедшими к власти наживалами из капиталистов, новыми землевладельцами и народом, совершившим революцию, учитель использует драму А. Луначарского «Оливер Кромвель». В ней убедительно раскрыта классовая сущность деятельности О. Кромвеля — выразителя интересов английской буржуазии и нового дворянства, дана характеристика левеллеров «уравнителей», требовавших отмены всяких привилегий, раздела земли между крестьянами и др. В целом всю драму не следует рекомендовать школьникам, так как автор чрезмерно «героизировал» О. Кромвеля и скрасил его жестокие поступки, не раскрыл социального смысла расправы Кромвеля с «уравнителями».

ДРАМА «ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ» А. ЛУНАЧАРСКОГО

(Картина шестая).

(У э р. Бивуак пуританских солдат. Они лежат на траве, сидят на барабанах и пушках. Между ними старый солдат Мафусаил, Роберт Хот, Варрава, Мартин и другие. Клейполь ораторствует.)

Мафусаил. Мы почти все левеллеры здесь.

Мартин. Что значит левеллер? Я не левеллер. Хотите знать я и не индепендент. Убей меня бог. Почему я воюю? Кромвель. Король. Манчестер. Убей их бог! Я хочу домой! Сгоняют народ. Портят ему шкуру... Все они, господа! Убей бог! Почему не оставить народ в покое? Надо начать войну солдат против всех командиров! Вот что! Переколоть всех командиров, всех, кроме солдат! Кромвель, король — все к черту, а потом разойтись по домам. Убей меня бог!

Мафусаил. К счастью, таких дураков, как ты, осталось мало. Пока их было много, нас били, но Кромвель очистил железом свое войско.

Варрава. Почему же не повоевать! Но я знаю, что такое истинное левеллерство. Это значит, что пора пожить бедняку. Имущий ненавидит бедняка за справедливую попытку его поделиться. Справедливость бедняка он называет грабежом. Третьего дня мы забрали у одного фермера всех гусей, кроме одного. Я сказал ему: так будет поровну. Раб божий, сказал я ему, стыдно иметь даже двух гусей, пока есть братья твои, не имущие ни одного. *(Некоторые солдаты смеются, другие неодобрительно покачивают головами.)*

Мафусаил. Ну, Варрава, а если я попрошу у тебя, левеллера, поделиться тем, чем набит твой мешок, потому что мой, ты видишь — тощ и пуст: что скажешь ты тогда?

Варрава. Что я скажу? Ничего не скажу. Но не советую никому пробовать совать нос в мой мешок.

Мафусаил. Левеллер! Когда наступит царство правды, — мы повесим такого, как ты, рядом с господами из Сити и с лендлордами! *(Многие солдаты смеются и одобряют.)*

Мартин. Толки, толки! А чем нас кормят? Кромвель — друг народа. Разве можно есть ту рыбу, которой генерал угощает нас, убей его бог!

Голоса. Это правда! Мы голодаем, правда...

Мартин. Оливер Голод — вот ему имя! Все они жрут досыта: короли, генералы, баре-монархисты, баре-республиканцы, убей их бог, а солдаты всюду голодают, во всех армиях, убей меня бог!

Роберт. Вот идет Сексби, истинный левеллер.

Клейполь (орет). Слушайте, слушайте его! Видите, как опечален капитан Сексби. Он словно выпил уксусу, вместо вина.

Сексби. Братья солдаты, верите ли вы мне?

Голоса. Верим, верим, все, все!

Сексби. Левеллеры, индепенденты, честные бедняки, нам изменили! Нам изменил тот, на кого мы возлагали все наши упования. Мы остались в пустыне без водителя. Мы думали, что нашли Моисея, но тот, кто назвался пророком бога, оказался волком в овечьей шкуре, или скорее лисицей в шкуре льва! Генерал Кромвель хочет вновь посадить короля на трон! По вашим спинам взобрался на вершину лестницы и теперь хочет столкнуть вас в пропасть.

Крики негодования, беспокойства, спор и суматоха.
Клейполь кричит громче всех: «Смерть изменнику!»

Мафусаил. Стой! Кто согласится убить героя Мортонских болот и Несби?

Сексби. Никто не говорит об убийстве Кромвеля. Но пусть полки пойдут потребовать отчета у него! Солдаты, вы защищаете не себя, а правду. Разве вы не воины царства божия на земле? В воинстве — голос истины! Вот я заготовил сотни грамот, пусть каждый честный солдат вложит такую грамоту в шляпу, и мы двинемся к генералу. Пусть предстанет перед судом нашим и даст ответ на наш вопрос.

Роберт. Читайте, капитан! *(Многие голоса поддерживают его.)*

Сексби. Вот вопросы солдата божия генералу Оливеру Кромвелю: — Первый — почему у короля Карла все еще на плечах его преступная голова?

Голоса. Верно, верно! Смерть Стюарту! Смерть Ахаву, паписту Агагу, Ироду!

Сексби. Второй — почему он даже не в Тоуэре, а живет среди роскоши?

Голоса. Верно, верно! В тюрьму, в Тоуэр! Долой врага народа!

Голоса. Так, так! Браво, Сексби! Генерал бывает у короля! Они породнились! Они покумились!

Сексби. Четвертый — почему лорды владеют лучшими землями Англии?

Голоса. Виват, Сексби! Земля безземельному! Хурра, Хурра!

Веди, столп огненный
Сквозь мрак!
Иди,
Иди, иди, бедняк!

Сексби. Пятый — почему народ беден, как Иов, а банкиры и купцы в Англии не обеднели на фартинг?

Голоса. Не в бровь, а в глаз! Долой золотых тельцов! Да здравствует равенство! Виват, Сексби, прямой левеллер!

Сексби. Шестой — почему созывают лишь совещания офицеров? Как будто мощь Англии не солдаты?

Сексби. Вот наши вопросы.

Мартин. Еще один, еще один, джентльмены, пиши, дружище: почему нам дают тухлую рыбу и гнилую капусту?

Голоса. Верно, верно, молодец, Мартин. Пишите, пишите.

Сексби. Я напишу и это.

(Шум. Солдаты расхватывают листки и прикрепляют их к своим шляпам. Вдруг, как лев, входит Кромвель, за ним Айртон и трое или четверо офицеров. Кромвель вскакивает на ящик, на котором стоял Сексби, и смотрит ему прямо в глаза. Сексби не опускает глаз.)

Кромвель. Уйди, Сексби! Уйди, заклинаю тебя богом, ибо я не хочу твоей смерти!

(Пауза.)

Я не хочу своей смерти, Сексби, за доблесть твою на полях битв. Ты не хочешь? — Айртон, схватить его и умчать за десять миль! Пусть проветрится!

(Прежде чем Сексби успел подвинуться, Айртон и другие офицеры хватают его и уводят.)

Р. Хог. Что же вы молчите, бараны? Бабы! Кто здесь левеллер, вперед за Сексби! (указывая на Кромвеля). Это гордец, изменник и насильник!

(Быстрее молнии Кромвель хватает пистолет и выстрелом укладывает Хога.)

Кромвель. Дураки! Вы хотите погибнуть! Что я без вас — единица, которую сломят паписты! Что вы без меня — нули! Вы забыли шестнадцать моих побед с вами! Если кто пикнет, — так уложу рядом с этим беднягой, а если вы не приведете десять каналий ко мне на двор, — клянусь небом и адом, — я расстреляю вас из орудий до последней собаки! [1]

Вопрос: Каковы были требования народа и почему против них так решительно выступил Кромвель?

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В АНГЛИИ.

В отрывке из романа английского писателя-просветителя XVIII в. Т. Смоллета «Путешествие Хемфри Клинкера» мастерски описана жизнь Лондона в 70-х годах XVIII в. Автору удалось показать разительные перемены в жизни Лондона в связи с начавшимся в стране промышленным переворотом.

Отрывок используется для конкретизации рассказа об изменениях в общественной жизни страны.

Задача: Подумайте и подготовьте ответ на вопрос: За счет каких групп населения столица Англии стала походить на разросшееся чудовище и почему?

Лондон в годы промышленного переворота.

Лондон в самом деле для меня новый город. Новы для меня улицы, дома, даже расположение его. Как говорят ирландцы: «Лондон выбрался за город».

Там, где я оставил поля и луга, теперь я нашел улицы и площади, дворцы и церкви. Из верного источника я узнал, что в течение семи лет в одной только части города, в Вестминстере, выстроено одиннадцать тысяч новых домов, да к сему надо еще прибавить те, которые ежедневно появляются в разных частях сей громоздкой столицы.

[1] А Луначарский, Избранные драмы, Оливер Кромвель, Госиздат, М., 1935, стр. 492—497.

Но, невзирая на сии улучшения, столица стала походить на разросшееся чудовище, которое со временем, словно распухшая от водянки голова, лишенная питания и поддержки, отделится от тела. Сия нелепость обнаружится в полной мере, если мы вспомним, что одна шестая из числа жителей нашего обширного государства скучена в одном месте. Можно ли удивляться тому, что наши деревни пустеют, а фермы нуждаются в батраках! Разрушение мелких ферм — всего лишь одна из причин уменьшения народонаселения. Ведь лошади и рогатый скот, который разводится в невероятном количестве, дабы удовлетворить потребность в роскоши, нуждаются в непомерных запасах сена и трав, но для их уборки не нужно много рабочих рук; однако в сих руках всегда будут нуждаться другие отрасли земледелия, невзирая на то, каковы фермы — крупные или мелкие.

Жажда роскоши, как морской прибой, унесла с собой жителей поместий; самый бедный сквайр, так же как и богатейший пэр, желает иметь дом в городе и изображать собой персону с огромным количеством домочадцев. Пахарей, пастухов и прочих батраков соблазняют и развращают вид и речи щеголей в ливреях, приезжающих летом в поместья. Они стараются бежать от грязи и черной работы и толпами устремляются в Лондон в надежде поступить там в услужение, жить в роскоши и наряжаться, не утруждая себя работой; леность свойственна человеческой природе. Очень многие из них, обманувшись в своих ожиданиях, становятся ворами и мошенниками, а Лондон, сия огромная дикая страна, где нет ни охраны, ни бдительного надзора, ни порядка, ни благочиния, представляет к их услугам вертепы, равно как и добычу.

Короче говоря, не осталось никаких отличий и никакой субординации. Все занятия перемешались: каменщик, мелкий ремесленник, трактирщик, слуга из пивной, лавочник, крючкотвор горожанин и придворный наступают друг другу на мозоли; их понукают демоны распутства и бесчинства, их можно видеть повсюду, они шляются, гарцуют, крутятся, рвутся вперед, толкаются, шумят, трещат, грохочут; все заквашено на гнусных дрожжах тупости и разгула; всюду сумятица и суетня. Можно подумать, что они одержимы каким-то сумасшествием, которое не позволяет им сохранять спокойствие. Пешеходы мчатся столь стремительно, словно их преследуют судебные приставы. Носильщики бегут со своей кладью. Те, у кого есть своя карета, мчатся по улицам во весь опор. Даже простой люд, лекари и аптекари мелькают, как молния, в своих двухколках. От лошадей наемных карет валит пар, и мостовая дрожит под ними, и я своими глазами видел, как фургон мчался по Пиккадили галопом. Словом, может показаться, что вся страна сходит с ума [1].

[1] Т. Смоллет, Путешествие Хэмфри Клинкера, М., 1953, стр. 114—116.

В годы промышленного переворота стал широко применяться детский труд. Каторжные условия, в которых работали на фабриках дети, удачно охарактеризованы в статье «Детский труд на фабриках Англии», в «Детской энциклопедии» (т. VII).

Детский труд на фабриках Англии.

В последние десятилетия XVIII в. в Англии впервые в мире начали широко применяться машины в промышленности.

Появление машин там принесло новые беды и страдания трудящимся.

Долгие годы рост английской промышленности происходил за счет жесточайшей эксплуатации труда не только взрослых рабочих, но и сотен тысяч детей.

Беспросветная нужда заставляла родителей посылать своих детей на фабричную каторгу. На фабриках работали дети семи, шести и даже пяти лет. Работа начиналась в половине шестого утра и продолжалась до 8—9 часов вечера, т. е. 14—15 часов в сутки. В дни промышленной горячки, когда возрастал спрос на товары, рабочий день еще удлинялся. Бывали случаи, когда работа начиналась в 3 часа ночи и заканчивалась в 10 часов вечера. С трудом поднимали по утрам родители своих детей, измученных непосильным трудом. Опаздывать было нельзя, за это надсмотрщики жестоко избивали малолетних рабочих.

В течение всего рабочего дня дети стояли у машин. Садиться строго воспрещалось. Нельзя было разговаривать, отвлекаться от работы.

На фабриках изготовлялись хлопчатобумажные ткани. В рабочих помещениях стоял удушливый запах смеси машинного масла, хлопковой пыли и чада от сальных свечей. Хлопковая пыль так насыщала воздух, что все казалось как в тумане. Вдоль длинных рядов машин копошились маленькие фигурки. К ногам малышей были подвязаны высокие деревянные колодки, чтобы они могли доставать до машин. Посторонним посетителям фабрик сразу бросался в глаза изнуренный вид детей: лица их были по-старчески сморщены или болезненно одутловаты, взоры безжизненны или полны тоски.

Два раза в день устраивались получасовые перерыва для еды. Но и в эти минуты дети работали: они смазывали остановленные машины. Принесенную с собой скудную пищу они проглатывали на ходу.

Мучения детей становились нестерпимыми к вечеру, когда особенно сказывались усталость и изнеможение. Невольная дремота смыкала их глаза. То и дело надсмотрщики пускали в ход плеть. Дети росли хилыми и слабыми, от долгого стояния за машиной у многих искривлялись ноги и позвоночник. Маленькие рабочие часто получали тяжелые увечья [1].

Вопрос: Что побуждало капиталистов так широко использовать детский труд и создавать для детей столь тяжелые условия?

[1] «Детская энциклопедия», т. 7, 1961, стр. 348.

ОБРАЗОВАНИЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ.

В книге современной американской писательницы Эстер Форбс дано описание жизни населения североамериканских колоний Англии накануне американской революции. Герой повести Джонни Тремейн — участник и свидетель событий, предшествовавших освободительной войне 1775—1783 гг. В отрывке рассказано о выступлении в 1773 г. жителей Бостона против нового налога на чай, установленного без согласия колонистов.

Отрывок используется для подготовки сообщения учащегося в целях углубления и конкретизации первого вопроса темы об угнетении колоний Англией.

«Бостонское чаепитие».

Все устремились к Гриффинской пристани.

Утром шел дождь, весь день в небе теснились тучи, но к тому времени, как мальчики достигли Гриффинской пристани, из облаков вывалилась полная белая луна. Три корабля и молчаливая толпа на пристани были залиты чистым белым сиянием. Толпа уже насчитывала тысячи, и каждый в этой толпе знал о предстоящем, и все как один одобряли эту затею.

Раздался боцманский свисток, и один из отрядов в полном молчании забрался на палубу «Дартмута»...

Загремели цепи, и один за другим появились тяжелые сундуки — всего пятьдесят штук. Кто работал в трюме, кто высыпал чай за борт. Встретилось непредвиденное затруднение: внутри сундуков чай был зашит в толстое полотно. Топоры с легкостью прорубали деревянные сундуки, но потом увязали в холстине. В жизни не приходилось Джонни работать с таким напряжением!

Всюду плавал чай, гуще, чем водоросли в бухте, и воздух полнился его ароматом.

Меньше чем в четверти мили от «Дартмута», четко вырисовываясь в лунном сиянии, стояли «Энергичный» и «Кингфишер». В любую минуту британские моряки могли прервать «чаепитие». Однако десанта не было. Мудрый губернатор Хатчинсон не решился прибегнуть к помощи британских солдат.

Отряды на «Дартмуте» и «Элеоноре» кончили работу почти одновременно.

[1] «Детская энциклопедия», т. 7, 1961, стр. 346.

К рассвету на всех трех судах работа была окончена. Мужчины, женщины и дети, молчаливой толпой запрудившие пристань, не расходились. Сойдя на берег, отряды выстроились в колонну по четыре. Все несли топоры на плечах. Раздалось громкое «ура» и заиграла флейта. Джонни показалось, что впервые за всю ночь было нарушено молчание — до сих пор, кроме треска топоров, врезающихся в морские сундуки, скрипа мачт да вполголоса произнесенных слов команды, он не слышал ни звука [1].

« К бою!»

Джонни, вспомнив навыки, приобретенные в мастерской, сделал форму для пуль. А ночью, запершись у себя на чердаке вдвоем, они отливали пули. До ушей их доносились беззаботный смех, пение, а иногда пьяные споры офицеров, расквартированных в «Черной королеве».

По всей Новой Англии люди готовили пули. Свинца не хватало. Женщины поснимали с полочек красивую оловянную посуду и героически следили за тем, как она плавилась в тиглях. Миски, кружки, ложки и чайники превращались в пули.

Тетушка Дженифер отдала Рэбу всю свою посуду. Большая часть этой посуды переходила из рода в род на протяжении по крайней мере ста лет. Она гордилась своей посудой, но глаза ее были сухи и смотрели сурово, когда Джонни всю ее опустил в тигель. Трудней было с порохом. Но все равно во всех уголках Новой Англии толкли селитру, серу и уголь, растирали в порошок, изготовляя порох. Скоро понадобится!

Каждый боец народного ополчения отливал пули сам и делал патроны, пригоняя их для своего оружия [2].

* * *

В «Книге для чтения по новой истории» (ч. 1) имеется описание последнего решающего сражения в войне за независимость.

Учитель использует этот отрывок, пересказывая его содержание и цитируя наиболее яркие места.

Сражение у Йорктауна.

Зима 1781 г. приближалась к концу. Вместе с ней кончалось и ставшее уже обычным зимнее затишье на фронтах. Обе стороны готовились к новым и, кто знает, может быть, последним боям.

Из северных и центральных штатов ускоренным маршем спешили на юг войска... идут они на войну сами, их никто не гонит. Они знают, за что они борются. У них будут по-настоящему

[1] Эстер Форбс, Джонни Тремейн, Детгиз, М., 1961, стр. 140—145.
[2] Там же, стр. 212.

демократические порядки, без королей и лордов, конгресс уже решил обеспечить каждого вступающего в армию земельным участком, правда, после окончания войны. Ну, да это не важно, во всяком случае есть за что воевать...

Солдаты месили ногами весеннюю грязь, помогали друг другу вытаскивать застрявшие пушки... День-другой отдыха, и дальше, дальше в поход, по 15—17 миль за день, в драной обуви и даже босые, с кровоточащими ранами на ногах... На юг! На юг!

Навстречу солдатам летели и добрые вести о бесстрашных действиях партизан. Небольшие конные отряды американских патриотов (в основном это были фермеры) совершали дерзкие налеты на английские войска и их союзников. У всех на устах было имя партизана капитана Джона Мак-Клюра. Храбрейший из храбрых, как называли его в народе, Мак-Клюр отбивал у врага обозы с продовольствием и снаряжением, освобождал пленных солдат, творил суровый, но справедливый суд над изменниками.

Смелые партизанские набеги, успешные операции отрядов Грина, движение войск на юг, все это вызвало подъем у населения. В обеих Каролинах, в Виргинии понесся клич:

— К оружию! К оружию!

Заработали кузнецы. Они ковали новые и чистили старые сабли, калили пики, точили топоры и вилы, делали оружие из плугов. Женщины отдавали на изготовление пуль оловянную посуду и всякие металлические предметы, шили солдатам рубашки и вязали носки. Население собирало для армии продукты, седла, лошадей. Повсюду только и слышалось: скоро конец проклятым британцам, конец! Говорят, на юг идет сам Вашингтон, со дня на день ожидают подхода большой французской эскадры...

Загоняя лошадей, покрывая по 60 миль в день, на юг, к Йорктауну, мчались Вашингтон и Рошамбо.

Обе стороны готовились к крупнейшей за всю войну схватке. На рассвете 7 октября с развевающимися знаменами, под грохот пушек и бой барабанов американцы перешли в наступление и в короткое время овладели английскими траншеями — первой линией укреплений. Начался второй, и более трудный, этап осады. Подготовка к нему потребовала несколько дней.

Через неделю, 14 октября, с наступлением темноты Вашингтон обратился к солдатам с краткой речью. Он призвал их не пожалеть сил для разгрома англичан, для освобождения своей страны. Предстояло взять два редута, служивших ключами ко второй и последней линии обороны Йорктауна. Когда командующий кончил речь, отряды были разведены по боевым участкам. Наступили последние томительные минуты ожидания. Но вот напряженную ночную тишину разорвали один за другим шесть пушечных выстрелов. Сигнал к атаке! Солдаты из Массачузетса и

Нью-Йорка бросились вперед, на штурм редута. Впереди бежали саперы и минеры, они взрывали частокол и завалы, расчищали путь пехоте. Но солдаты не ждали, пока препятствия будут убраны. С криком «ура» они бежали вслед за саперами. Вот и редут! Враг ведет ожесточенную стрельбу. Со всех сторон крики, стоны, пальба. Все окутано дымом. Солдаты лезут на редут, другие обходят его с тыла. Редут взят! Конец! Победа! Один за другим выходят из редута пленные британские солдаты [1].

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII в.

«Повесть о двух городах» Ч. Диккенса (написана на основе свидетельств очевидцев и книги буржуазного историка Англии Т. Карлейля «История французской революции») посвящена истории Франции накануне и в ходе революции XVIII века. Нищая, задавленная многочисленными поборами и жестоким произволом феодалов французская деревня за 10—15 лет до начала революции — таково содержание отрывка из книги Ч. Диккенса. Это исторически достоверная и наиболее сильная часть книги. Отрывок используется для подготовки сообщения.

Вопрос: Чем объяснить столь резкую противоположность между нищетой деревни и богатством феодалов?

Убогая деревня и роскошный замок.

А кругом было все то же — открытая местность, изрезанная оврагами и холмами, деревушка у подножия горы, широкая ложбина, — а затем дорога снова уходила вверх по склону холма, вдали виднелась церковь, ветряная мельница, еще дальше — лес, где охотились за дичью, — а надо всем этим — скалистый утес и на самой его вершине крепость, ныне служившая тюрьмой. Надвигались сумерки, и господин маркиз смотрел на все это спокойными глазами человека, который едет по хорошо знакомой ему дороге и видит, что он уже почти дома.

Деревушка была убогая, в одну улицу, на которой ютились убогая пивоварня, убогая сыромятная, убогий трактир и при нем конный двор для почтовых лошадей, убогий колодец с водоемом — словом, все, без чего нельзя обойтись и в самом убогом деревенском обиходе. И ютился здесь такой же убогий люд. Все в деревне были бедняки; многие из них сейчас сидели на порогах хижин и крошили себе на ужин луковицы или какие-нибудь коренья, другие толклись у водоема, мыли всякую съедобную зелень, которую породила земля. О причинах этой бедности нечего было спрашивать, о них красноречиво свидетельствовали развешенные по деревне указы с длинным перечнем налогов и податей — государственных, церковных, господских, местных, окружных, и за что только не взимали с этой маленькой деревушки, — право, можно было удивляться, как она до сих пор сама-то уцелела и ее еще не съели все эти поборы. Ребят в деревушке было мало, а собак и совсем не водилось. Взрослое население — мужчины и женщины — волей-неволей мирилось со своим уделом — так уж им было на роду написано жить в этой деревушке у мельницы, еле-еле перебиваясь со дня на день, пока душа в теле держится, или подыхать в тюрьме на скалистом утесе.

...Господин маркиз вышел из кареты и предшествуемый слугой с факелом поднялся по отлогой лестнице: свет факела спугнул темноту, и сова, ютившаяся под крышей просторной конюшни, за домом, среди деревьев, жалостно заухала. Только плач совы и нарушал тишину, кругом было так тихо, что факел, которым освещали лестницу, и другой факел у входа горели ровным пламенем, словно они горели в гостиной с наглухо закрытыми окнами и дверями, а не под открытым небом. Кроме уханья совы, слышно было только, как плещет вода в каменном бассейне фонтана; это была одна из тех темных бархатных ночей, которые, затаив дыханье, стоят не шелохнувшись, часами, потом медленно и глубоко вздохнут, — и опять притаятся и не дышат.

Тяжелая входная дверь с шумом захлопнулась за маркизом, он вошел в прихожую, увешанную всевозможным охотничьим оружием, страшными рогатинами, мечами, длинными ножами, кинжалами, кнутами, тяжесть коих не раз приходилось испытывать на себе беднякам крестьянам, прежде чем благодетельная смерть избавляла их от гневного господина.

Минуя погруженные во мрак гостиные и залы, уже закрытые на ночь, господин маркиз, предшествуемый слугой с факелом, поднялся по лестнице и, свернув в коридор, подошел к двери; дверь распахнулась, и маркиз вступил в собственные покои — это были три комнаты — спальня и две другие, с высокими сводчатыми потолками, с прохладным полом без ковров, с тяжелыми таганами в камине, где зимой полыхали дрова. Везде царило пышное великолепие, приличествующее и тому роскошному времени и сану маркиза в той стране [1].

* * *

Отрывок из книги А. Левандовского «Робеспьер» привлекается учителем в качестве подтекста к картине П. М. Толкача «Взятие Бастилии».

Перед чтением или после чтения, разбирая содержание картины, вниманию учащихся можно предложить вопрос: Почему взятию Бастилии придавалось такое большое значение?

---

[1] «Книга для чтения по новой истории», ч. 1, Учпедгиз, М., 1960, стр. 34—40.

[1] Чарльз Диккенс, Собрание сочинений, т. 22, Повесть о двух городах, М., 1960, стр. 138—139, 145.

Штурм Бастилии.

К утру 14 июля весь Париж был в руках революционного Народа. Только мрачная громада Бастилии нависала над Сент-Антуанским предместьем, напоминая о том, что победа еще не Завершена.

Страшная крепость-тюрьма, в которой томились сотни ни в чем не повинных людей, олицетворяла деспотизм и произвол абсолютной монархии. Это был грозный символ ненавистного прошлого, постоянная память о вековых цепях рабства.

Но Бастилия не только служила символом: она представляла прямую угрозу трудящемуся люду Парижа, являясь важным стратегическим пунктом в руках его врагов. В ночь на 13 июля наемные солдаты-швейцарцы перенесли в крепость большое количество пороха. Комендант Бастилии, преданный сторонник абсолютизма, приказал увеличить количество амбразур и направить дула орудий в сторону Сент-Антуанского предместья.

Эти приготовления не могли долго оставаться в тайне. Народ понимал сущность демаршей коменданта Делоне, надеявшегося на поддержку войск Безанваля, уже покинувших Париж. И тут же, стихийно, созрело решение: взять Бастилию.

Народ осадил Бастилию.

Дым окутал со всех сторон зловещие башни. Горят поваленные телеги и бревна. Грохот пушек разрывает накаленный воздух. Падают люди, их подхватывают и уносят. Но поток не редеет: могучий и непобедимый, он все теснее охватывает крепость. Уже разбиты ворота и взят первый двор, уже с лязгом рвутся цепи и подъемный мост падает, открывая проход через ров. Защитники Бастилии видят, что конец близок. Они не хотят умирать. Где белый флаг?

Делоне в смертельной тоске мечется по внутреннему двору. Его швейцарцы не стреляют больше, его офицеры рекомендуют капитулировать. Что же делать? Он бросается к пороховому складу. Взорвать Бастилию!.. Его в ужасе останавливают. Артиллерийские залпы дробят цепи второго моста. Осаждающие врываются в крепость. Бастилия пала!.. Распахивают двери казематов, освобождают узников. Слезы, объятия, крики радости.

...Толпа увлекает растерзанного Делоне на Гревскую площадь [1].

Вопрос: Кто сыграл решающую роль во взятии Бастилии? Умейте красочно описать это событие.

* * *

Во втором отрывке из романа Ч. Диккенса «Повесть о двух Городах» содержится интересный, блестяще изложенный материал об уничтожении восставшим народом дворянского замка как символа феодального произвола в стране.

[1] А. Левандовский, Робеспьер, изд. «Молодая гвардия», 1959, стр. 72—73.

Необъективность автора в освещении революционного террора, направленного якобы против невинных жертв, затрудняет использование этого произведения в целом для домашнего чтения.

Горят замки...

Постепенно в темноте стали выступать явственные очертания замка, пронизанные странным светом, точно он вдруг засветился изнутри. Внезапно за лепными украшениями фасада заметался в окнах тонкий язычок пламени, заиграл на стекле, побежал по карнизам, озаряя балюстрады, арки, ниши, двери. И вот он уже взвился вверх широкой огненной лентой, и вскоре из десятков окон вырвалось бушующее пламя...

В доме послышались испуганные голоса, кое-кто из слуг еще оставался там. Кто-то стремглав бросился седлать лошадь, и верховой сломя голову поскакал в ненастную тьму. У ворот... против водоема всадник осадил взмыленного коня. «На помощь! Все на помощь!» Ударили в набат, но как ни взывал колокол, никакой помощи так и не добились. Каменщик и все его двести пятьдесят закадычных приятелей стояли сложа руки у водоема и смотрели на огненный столб, поднявшийся высоко в небо. «Футов сорок в вышину, будет, пожалуй!» — мрачно поговаривали в толпе, и никто не двигался с места.

...Горящий замок оставили гореть. Яростный ветер с ревом кидался в огонь, вылетал, раскаленный, из огненного пекла и, как одержимый, бросался на стены замка, словно пытаясь сокрушить, снести их с лица земли. В мятущихся языках пламени каменные лица, казалось, судорожно дергались, искаженные адскими муками. А когда тяжелая балка обрушилась, увлекая за собой каменные своды, каменное лицо с впадинами на крыльях носа исчезло в дыму и пламени; но через минуту оно снова выглянуло из дыма, словно это было живое лицо бездушного маркиза, который корчась на костре, боролся с огнем.

...На сотни миль кругом пылали другие усадьбы, и не всем управляющим так посчастливилось в эту или в другие ночи. Многих рассвет заставал висящими вместо фонаря на проволоке, протянутой поперек улицы, мирной когда-то, деревенской улицы, где они родились и выросли. И не все деревенские жители и горожане отделались так счастливо, как каменщик и его закадычные приятели: там, где управляющие и солдаты взяли верх, понаставили виселиц и повесили зачинщиков и бунтовщиков. А четверо угрюмых путников двигались неуклонно на север, юг, запад и восток, и что бы там ни творилось, кто бы кого ни вешал, пожары не унимались, и усадьбы вспыхивали одна за другой. И ни один управляющий, как бы он ни был силен в арифме-

тике, не мог бы рассчитать, какой вышины нужно воздвигнуть виселицу, которая, превратившись в водяной столб, затушила бы эти пожары [1].

* * *

Летом 1792 г. революционным гимном Франции стала «Марсельеза», написанная Руже де Лилем. Ее призывы явились выражением патриотического подъема французского народа во время борьбы против контрреволюционной коалиции.

Отрывок из «Марсельезы» можно зачитать на уроке при изучении вопроса «Отечество в опасности».

МАРСЕЛЬЕЗА.

Вперед, сыны отчизны милой!
Мгновенье славы настает.
К нам тирания черной силой
С кровавым знаменем идет.
Вы слышите, уже в равнинах
Солдаты злобные ревут.
Они и к нам, и к нам придут,
Чтоб задушить детей невинных.
К оружию, граждане! Ровняй военный строй!
Вперед, вперед, чтоб вражья кровь была в земле сырой.
Как! Интервенции доступно
Хозяйничать в чужом краю?
Или наемники преступно
Над нами верх возьмут в бою?
Мы никогда не склоним выи
Под чужестранное ярмо.
Да и предательство само
Сердца не сломит огневые!
К оружию, граждане...
Дрожи, тиран! И ты, предатель,
Переползавший рубежи,
Ты подлых замыслов создатель,
Перед расплатою дрожи!
Любой из нас героем будет,
А если первые падут,
Французы смену им найдут,
Их голос родины разбудит.
К оружию, граждане...
Французы! Будьте в ратном поле
Великодушны и добры.
Пред вами жертвы поневоле,
Наемники чужой игры.
Но весь ваш правый гнев — тиранам,
Кровавым тиграм наших дней,
Кто тело родины своей
Обрек неисчислимым ранам.
К оружию граждане...

Вопрос: Против каких врагов родины и революции призывает «Марсельеза» бороться?

[1] Чарльз Диккенс, Собрание сочинений, т. 22, Повесть о двух городах, М., 1960, стр. 276—279.

Национальный Конвент.

Роман В. Гюго «Девяносто третий год» характеризует деятельность якобинского конвента 1793 г. В. Гюго с любовью описывает героическую борьбу революционных войск против контрреволюционного мятежа в Вандее. Среди выдающихся революционных деятелей наиболее видное место занимает Робеспьер, Марат, Дантон. Книга для семиклассников трудна, но отдельные небольшие отрывки цитируются учителем в классе при изучении темы «Национальный Конвент». Обычно в это время вывешивается картина Х. Лопеса «Народ в Конвенте».

Познавательная задача: Чем можно подтвердить, что конвент был органом революционной власти французского народа?

Конвент.

Конвент — перевоплощение народа. С Конвентом была открыта новая великая страница, с него началась летопись будущего.

Народ глядел на Конвент через свое собственное открытое окно — трибуны для публики, но когда это окно оказывалось слишком узким, он распахивал дверь, и в зал вливалась улица. Такие вторжения толпы в сенат — одна из самых примечательных минут истории. Обычно народ врывался в Конвент с дружелюбными намерениями. Курульное кресло браталось с уличным перекрестком. Но дружелюбие народа, который в один прекрасный день в течение трех часов захватил сорок тысяч карабинов и пушки, стоявшие у Дома инвалидов, — дружелюбие такого народа чревато угрозами. Каждую минуту какое-нибудь шествие прерывало ход заседания — являлись делегации с петициями, подношениями, адресами. То женщины Сент-Антуанского предместья подносили членам Конвента почетную пику. То англичане предлагали двадцать тысяч пар сапог, чтобы обуть наших босых солдат. «Гражданин Арну, — писала газета «Монитер», — обиньянский кюре, командир Дромского батальона, просит отправить его на границу, а также сохранить за ним его приход». То врывались делегаты секций и приносили на носилках церковную утварь: блюда, чаши, дискосы, ковчежцы, золото и серебро — дар родине от толпы оборванцев, — и в награду просили только одного — разрешения сплясать карманьолу перед Конвентом. Ненар, Нарбонн и Вальер приходили сюда спеть свои куплеты в честь Горы. Секция Монблан торжественно вручала Конвенту бюст Лепеллетье; какая-то женщина одела красный колпак на голову председателя, который тут же расцеловал дарительницу; «гражданки секции Майль» забрасывали «законодателей» цветами; «воспитанницы родины» с оркестром во главе

приходили поблагодарить Конвент за то, что он «подготовил благоденствие века»...

С этой трибуны произносились кружившие голову бурные речи, и иной раз в них без ведома самого оратора звучал вещий глас революций [1].

* * *

В книге А. Левандовского описана жизнь и деятельность великого вождя французской буржуазной революции XVIII в. Робеспьера.

Отрывки из книги с успехом используются при изучении темы, однако в целом книга является трудной для учащихся седьмых классов.

Вопрос-задача: Что было присуще Робеспьеру как революционному вождю?

Робеспьер на трибуне Конвента.

...Народ сказал свое слово о суде над королем и требовал ответа. Необходим был последний решительный удар, и победа в вопросе о короле осталась бы за монтаньярами и народом. И вот вождь монтаньяров нанес этот удар своею речью, произнесенной в Конвенте 3 декабря.

Людовика хотят упрятать за конституцию 1791 года, прикрывая его пресловутой неприкосновенностью, которую якобы ему гарантировала эта конституция.

Но как можно ссылаться на конституцию, желая защищать короля, если король сам эту конституцию уничтожил?

Для Робеспьера вопрос о полной мере виновности Людовика, о его осуждении самой революцией, самим народом не подлежит сомнению. Остается вопрос о наказании.

Оратор напоминает депутатам, что некогда, еще в Учредительном собрании, он сам требовал отмены и запрещения смертной казни. Но данный случай — случай совершенно особого рода. Даже если бы смертная казнь была отменена для всех, ее пришлось бы сохранить для тирана.

— Когда речь идет о короле, сброшенном с трона ураганом революции, которая далеко еще не упрочена справедливыми законами, о короле, одно имя которого навлекает бич войны на восставшую нацию, тогда ни тюрьма, ни изгнание не могут обезвредить его. И это жестокое исключение из обычных законов, которое допускается справедливостью, обусловливается самой природой его преступлений. С прискорбием высказываю роковую истину: пусть лучше погибнет Людовик, чем сто тысяч добродетельных граждан. Людовик должен умереть, потому что родина должна жить!..

Железная логика слов, спокойно и ровно идущих одно за другим, складывающихся в фразы, в мысли, создает непреложную истину, которая не оставляет места сомнениям, которая завораживает, заставляет разжаться напряженные кулаки и опустить ненавидящие глаза.

Что можно этому противопоставить?

Но вот оратор кончил. Он спокойно собирает листы речи, не спеша складывает их в папку, спускается с трибуны. Зал молчит как зачарованный.

И вдруг раздается гром рукоплесканий. Аплодируют все — и друзья и враги, аплодируют вожди жирондистов и «болотные жабы». Почему они с таким энтузиазмом бьют в ладоши? Неужели порыв так велик, что захватил и их вопреки тому, что именно они должны были почувствовать всю силу удара? Или, понимая, что их карта бита, они стремятся спасти себя лицемерием? Во всяком случае депутаты «брюха» теперь поостерегутся бездумно следовать за жирондистами.

Один современник Робеспьера отметил, что эта речь «склонила правосудие в сторону казни». Конечно, Конвент не мог принять сразу постановления о казни короля. Но Робеспьер знал, что он делает: требуя казни, он добился суда. Под непосредственным впечатлением от его речи немедленно принимается декрет: «Национальный Конвент будет судить Людовика XVI».

Это заседание стало поворотным пунктом как в истории процесса низложенного короля, так и в истории борьбы монтаньяров с жирондистами. В этот день жирондисты потеряли большинство в Конвенте [1].

* * *

В повести Ал. Алтаева, посвященной описанию событий французской буржуазной революции конца XVIII в., отводится немало места эпизодам, характеризующим роль народа в развитии революционных событий, в завоеваниях революции. Убедительным примером этого служит исход судебного дела над Маратом, возбужденного против него жирондистами и закончившегося по требованию народа полным его оправданием. День объявления приговора по делу Марата был днем его триумфа. В отрывке зафиксирован момент его выхода к народу. Отрывок выразительно зачитывается учителем или учащимися.

---

[1] Виктор Гюго, Девяносто третий год, М., 1960, стр. 145—147, 161, 162, 165.

[1] А. Левандовский, Робеспьер, изд. «Молодая гвардия», 1959, стр. 226—229.

Марат и народ.

Марат спускался с лестницы, кивая головой направо и налево.

В толпе он увидел знакомые лица. И вдруг она вся загудела, как один человек:

— Честь и слава монтаньярам!

К Марату тянулись бесчисленные руки; в него летели цветы... А вон еще кивают растрепанные головы малышей-газетчиков. У них в руках цветы. Они сплели целый венок. И этот венок уже на голове Марата.

В следующую минуту чьи-то руки подхватывают его, поднимают высоко над головами и несут, несут...

Окна открываются, из них летят цветы.

— Да здравствует Марат!

— Да здравствуют монтаньяры!..

Цветы летят с чердаков, с крыш — это простые, бедные цветы, выросшие без ухода.

Беднота опустошила все горшки своих каморок.

Какая-то женщина поднимает к Марату ребенка:

— Взгляни на него и пожелай ему быть защитником свободы!

Море голов, восторженные голоса. Рокот прибоя, журчание вешних ручьев, поющих песнь весне.

— К Конвенту!

С венком на голове Марат уже на трибуне, откуда изгнали его.

Тысячи людей ему рукоплещут.

Вперед выступает человек с длинной бородой. Проталкиваясь сквозь толпу, он становится перед решеткой Конвента. Его долго не пускают. Он готов был драться и громко требовал, чтобы ему дали высказаться. Он пришел с улицы и должен сказать, что думает улица.

— Мы привели славного Марата! Марат всегда был другом народа. И народ всегда будет стоять за Марата!..

У этого бородача широкая простодушная улыбка.

— Я сапер, который участвовал в свержении короля. Я был и на стенах Бастилии. Я иду всюду, куда меня ведет революция. Я честный солдат революции, и вот что я скажу вам: если нужно, чтобы свалилась голова Марата, то прежде свалится голова сапера[1].

---

[1] Ал. Алтаев, Повести, Когда разрушаются дворцы, Детгиз, М., 1957, стр. 305, 306.

Литература для внеклассного чтения, индивидуальных заданий и читательской конференции:

В. Скотт, Роб Рой, Детгиз, 1955. (О борьбе шотландских горных кланов за независимость.)

Фенимор Купер, Следопыт, Детгиз, 1956; Последний из могикан, М., 1954 (О борьбе индейских племен против колонизаторов 1745—1805 гг.); Шпион, 1947, Детгиз. (О событиях, связанных с войной за независимость США.)

С. Цвейг, Гений одной ночи. Избранные произведения, М., 1956.

Эркман-Шатриан, Тереза, Детгиз, 1963.

А. Шишко, Беспокойный век, М., 1936.

А. Франс, Боги жаждут, М.—Л., 1937.

Л. Фейхтвангер, Мудрость чудака или смерть и преображение Жан-Жака Руссо, М., 1956. (Революционные события описаны в III части книги «Жан-Жак и наследники».)

IV. РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ.

НАЧАЛО РАЗЛОЖЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА.

В романе Е. Федорова «Каменный пояс» имеются интересно написанные страницы, посвященные литейщикам уральских заводов Демидовых.

Величайшие трудности жизни и работы не сломили их достоинства.

Отрывок используется для подготовки краткого сообщения.

Познавательная задача: Какие трудности приходилось преодолевать уральским литейщикам во второй половине XVIII века?

На уральском заводе Демидова.

На другой день князь (Вяземский) пожелал осмотреть литейную.

В темном, закопченном цехе, как тени, бесшумно двигались горновые. Чумазые, обросшие, они напряженно смотрели на домну — поблескивали только белки. Впереди, с ломом в руке, стоял хмурый, с опаленными бровями и бородой старик-горновой.

Князь с тайной тревогой взирал на молчаливых работных: их угрюмые лица не предвещали ничего хорошего. Вяземский уловил тяжелый взгляд одного из рабочих, и ему стало не по себе.

«Такого и плетью и каторгой не сломишь!» — подумал он и вспомнил всех работных, с которыми ему довелось встречаться. Эти люди были особой статьи. Замученные на непосильной работе, всегда голодные, они не сдавались даже под плетью. Только лютая злоба росла и кипела в их груди. Они были по-своему горды, презрительно отворачивались от барских подачек.

Как только в «доменном дворе» появился князь Василий в старом мундирчике и без парика — предостерег Демидов, как бы при страшной жаре не вспыхнули локоны, — все притаилось. Хозяин зорко оглядел литейную, поманил к себе мастера Голубка — старейшего литейщика.

— Как, готово к пуску? — спросил его Никита Акинфиевич.

— Готово, батюшка, вас только и поджидаем, — поклонился старик.

В земляном полу шли канавки, тут же темнели вдавленные в землю формы для ядер. От домны струился нетерпимый зной. Слышно было, как там, за кирпичной кладкой, все клокотало, бурлило, словно в чреве чудовищного животного, готового испепелить своим жаром все окружающее. Свежим пятном на домне выделялась клетка, замазанная огнеупорной глиной.

Мастерко голосисто закричал:

— Э-гей! Начинай!

Хмурый горновой широко размахнулся ломом и со всей силой ударил в летку.

Глина порозовела и вдруг вспыхнула алым пожаром.

Старик ударил в последний раз и, бросив лом, отбежал прочь. Демидов, ухватив князя за рукава, крикнул:

— Поостерегитесь!

Из пролома вырвался сноп сокрушительного слепящего огня, вслед за ним хлынула струя тяжелого пламени. Гневно урча, разбрасывая мириады ярких звезд, раскаленный чугун поплыл из летки и устремился в канавку. Мастерко Голубок, ловко направляя струю, наполнял формы. Стреляя огненными брызгами, взрываясь там, где попала влага, лава покорялась маленькому тщедушному старичку, который как волшебник среди адского зноя, снопа искр, невозмутимо делал свое мудрое дело. Прошло немного времени, и расплавленный металл разлился по формам, слепящий отсвет перешел в багровый, и чугун, все еще поблескивая звездами, стал подергиваться сизой пленкой. Чад густым облаком плавал над формами.

Князь Вяземский, ошеломленный виденным, ослепленный багровым заревом, закрыв лицо руками, с досадой процедил:

— Поганое ремесло! Идем отсель, задыхаюсь от газов...

Демидов повел его на свежий воздух. На дворе сияло июньское солнце. У плотины в тростнике крякали утки. С гор понизью простроился свежий ветерок, обдал лица. Генерал вздохнул полной грудью и сказал Демидову:

— Вот так пекло!

Из-под навеса выбежал мастерко: он добрался до бадейки с водой, склонился и стал жадно пить. По его истощенному лицу струился грязный пот, и мокрая желтая бороденка походила на изжеванную мочалку.

Князь подошел к нему и, стараясь быть добродушным, крикнул:

— Дедушко, давно ты тут?

Старик оторвался от бадейки, утер бороденку, прищурился на генерала.

— Годков сорок проворю у домны. Поробил на своем веку! — весело отозвался он.

Поражаясь его неунывающему виду, князь осторожно спросил:

— А заработок-то велик?

— Все тут! — показал мастерко на прожженную рубаху и порты, покрытые старым кожаным фартуком. — Пятак на день![1]

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ.

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом по-побито,
Нагишом за плугом спотыкалися,
До пьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Что в Сибири перебывано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена...[2]

ПОСЛОВИЦЫ.

В нашей волости, да три болести: рекрутство, подати да земщина.

От крестьянской работы не будешь богат, а будешь горбат.

Хвали рожь в снопу, а барина в гробу.

Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку.

Господской работы не переработать.

Барин говорит горлом, мужик — горбом.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА.

Роман В. Шишкова «Емельян Пугачев» — одно из лучших произведений советской художественно-исторической литературы. В нем показаны классовые отношения и классовая борьба, внешняя и внутренняя политика царского правительства, крепостнический гнет. В центре романа крестьянская война, ее героика, сильные и слабые стороны.

Е. Пугачев по роману В. Шишкова — это пламенный агитатор и умный политик, выдающийся организатор, справедливый

[1] Е. Федоров, Каменный пояс, кн. 2, Свердловск, 1955, стр. 164—166.
[2] «Хрестоматия по истории СССР», т. 2, сост. С. С. Дмитриев и М. В. Нечкина, изд. 2, М., 1949, стр. 640.

судья. Писатель в образе Е. Пугачева отразил то творческое, созидательное начало, которое присуще русскому народу.

К сожалению, роман перегружен фактическим материалом. К тому же роман труден для учащихся седьмых классов. Для домашнего чтения обычно рекомендуют отдельные главы.

Отрывок из книги «Емельян Пугачев» поможет учителю образно рассказать о крестьянах-повстанцах, об их мужестве.

Особенно запоминаются страницы, посвященные описанию «мужичьего царства», чаяний крестьян о лучшей жизни.

Е. Пугачев — вождь восставших.

Густой сумрак окутал лес, всю Волгу, лишь цепь костров, поблескивая багрянцем, клубилась дымом. Вдруг справа на кургане, что недалече от костра бурлаков, забил барабан, затрубила труба и четыре смоляных факела разом осветили вершину кургана. Там, на той самой телеге, стоял во весь рост Емельян Иванович. Он был в парчовом полукафтанье, на голове высокая шапка с красным напуском, при бедре сабля, за поясом два пистолета, в руке медная, начищенная бузиной, зрительная труба.

— Гляньте — царь, сам царь! — закричала, позабыв о песне, Акулька.

Бурлаки ахнули, вскочили, побежали на призыв трубы и барабана. И все несметное людское скопище кругом зашевелилось. Многотысячная толпа, расположившаяся среди сосен, начала сгруживаться и, сминая все на своем пути, бурно устремилась через сутемень к пылавшему в огнях кургану.

— Детушки! — подал свой зычный голос Пугачев, зорко осматриваясь по сторонам: вот оно, истое кондовое мужичье царство — широкогрудые, бородатые, богатырь к богатырю, сыны Волги, нив, полей, вековечных лесов ее. — Детушки! Верное мое крестьянство! И вы, люди ратные. Положили себе огласить вам, пахарям, бурлакам, лесорубам, рыбакам и прочим всем труженикам, свой императорский манифест. Прислушайтесь!

...На телегу, к царю, заскочил ловкий кудреватый Дубровский, развернул лист бумаги и голосисто начал...

...И, как задушевную песню сердца, как зов к безмятежному будущему, истово и звонко, всей грудью — скорее пропел, чем проговорил Дубровский слова о светлой грядущей жизни, «коя до века продолжаться будет».

И все, кто был тут, позабыв себя, опьяневшие без хмеля, неукротимые в своем порыве, с орущими, разверстыми ртами, с глазами, в которых, казалось, кипела кровь, ринулись к телеге царя, подхватили, подняли ее, как скорлупу широкие волжские волны.

— Детушки! — выкрикивал Пугачев горячо и самоуверенно, как всегда в беседах с народом. — Вы теперь ведаете, детушки, мою цареву волю. Только восчувствуйте, что мне одному, без

помоги вашей, ничего сотворить не можно. Один в поле не воин...

— Чуем, отец!.. Поможем, постоим за тебя, батюшка наш!— шумел народ [1].

Вопросы: Почему крестьяне с таким ликованием приняли обращенный к ним указ Пугачева?

Какие чувства и мысли руководили действиями Пугачева?

Последующий отрывок характеризует Салавата Юлаева — вождя башкирского народа, башкир-повстанцев, сыгравших немаловажную роль в ходе крестьянской войны.

Отрывок используется для подготовки сообщений в ходе изучения крестьянской войны 1773—1775 гг.

Салават Юлаев.

Двадцатидвухлетний Салават, бронзовый, скуластый, краснощекий, с горящими задором глазами, в цветном полосатом халате, на голове зеленый тюрбан. Он молодецки сидел в серебряном с бирюзой седле, на быстрой степной кобылке. Башкирское население чтило своего героя: в селениях, чрез которые шли толпы башкирцев, Салавата встречали шумными криками, выносили в турсуках кумыс, мед, бишбармак, крут, салму, падали ниц.

...Салават то и дело оглядывался на провожавшую его толпу. По дороге и лугам тянулись конные башкирцы, иногда на одной лошаденке по два, по три, иные ехали о-двуконь, ведя запасного в поводу. В беспоясных рубахах, в бешметах из верблюжины, в разноцветных хилянах, похожих на халат, на бритых головах сверх тюбетейки — остроконечный войлочный тельпек, за плечами колчан со стрелами, лук, редко-редко самопал, у многих тесаки, кривые ножи, пики, тяжелые безмены, вокруг сиденья — спущенные с плеч овчинные тулупы. Кто в лаптях, кто в сафьяновых или суконных сапогах с загнутыми носами. Пеших мало, огромный обоз скрипучих двухколок с клажей и с народом, две чугунные пушки, но ни пороху, ни ядер. Толпа оживлена, воздух звенит хохотом, слышатся выкрики, взвивается под свирельную дудку песня, то веселая, то грустная. Молодежь взад-вперед носится на скакунах вперегонки· «Аля-аля-аля». Всюду раскатистый смех, визг, посвисты, гиканье, дружеская, с перцем, перебранка и снова хохот.

Тысячная толпа растянулась версты на две, было жарко, пыль клубилась от земли до неба, пахло лошадиным потом, свежевырезанным медом, кумысом в турсуках, дегтем. Со всех сторон подъезжали на взмыленных конях группы новых всадников.

[1] В. Шишков, Емельян Пугачев, кн. 3, М., 1955, стр. 303—306, 308.

* * *

В следующем отрывке из романа В. Шишкова описано сражение между повстанцами и царскими войсками у крепости Татищевой (март 1774 г.), решившее исход первого этапа крестьянской войны. Подобран интересный материал о мужестве и стойкости повстанцев. В кратком призыве: «Добывай землю», «Добывай волю» своеобразно выражена цель восставших.

Отрывок используется для усиления образности изложения нового материала.

Сражение у Татищевой.

Сражение постепенно разгоралось. Глубокие снега, местами коню по грудь, сильно мешали военным действиям. Но обе стороны дрались отчаянно.

И Голицын и Пугачев понимали, что участь Татищевой решается именно здесь, именно сейчас — под крепостными стенами.

Вот уже несколько часов шел вблизи крепости упорный бой с переменным успехом. То бежали вспять группы солдат, и тогда с крепостных стен кричали: «Наша берет!... Солдатня в бег ударилась! Ура!..» То под натиском кавалерии пятились пугачевцы, и тогда ликовали Голицын со штабом: «Побежала сволочь! Глядите, глядите-ка — солдаты на валу!»

Действительно, порядочная толпа смельчаков из голицынского стана, пробравшись к дальнему краю крепости, пыталась вскарабкаться по ледяному валу: обрывались, вперевертку скользили вниз, снова с азартом лезли, прорубали тесаками во льду ступеньки. Вот с криком «ура» солдаты достигли вершины, но притаившиеся за валом казаки быстро смели их пиками, а офицеру успели накинуть на шею аркан и, поддернув, снести ему голову.

А там, на главном фронте, сражение не ослабевало, и кто кого — неизвестно: боевое счастье переходит то к голицынцам, то к пугачевцам.

...Пушки с занятых Голицыным высот, из опасения нанести ущерб своим, пальбу по людям прекратили, лишь изредка стреляли в сторону опустевшей крепости. Место битвы подернуто пороховым дымом, всюду стоял гул от ружейной стрельбы, людского крика, звяка оружия. Башкирцы пускали из сайдаков стрелы, однако под напором вражеской кавалерии многие из них с гиком и визгом стремились наутек, и только некоторые хорошо рубились. Бросив ненужную теперь пушку, бежал на врага офицер Горбатов, увлекая за собой группу конных и пеших крестьян с забеглыми солдатами.

— Вперед, вперед! — кричал он. — Добывай землю! Добывай волю!..

И вот завязалась в сугробах, возле башкирцев, схватка. Подоспели казаки, набежали с топорами, с вилами мужики, а на

помощь чугуевцам спешили солдаты Томского полка. И когда пальба с картечью прекратилась, разгорелся не на живот, а на смерть рукопашный бой.

Всадников стаскивали за ноги с коней, валили наземь ударами вил. В драке, незаметно для самих себя, люди разбились на кучки. Бросались впятером на одного, били чем попало, топтали, вминали сапожищами в снег столь глубоко, что и человека не было видно. На победителей в свою очередь нападали со всех сторон, сшибали с ног, втаптывали в сугробы, бежали дальше... Уже было умершвлено или покалечено множество народа; чугуевцев, мужиков, башкирцев, солдат Томского полка.

...Емельян Пугачев... видел, что армия его, невзирая на всю свою отвагу, отходит к стенам крепости. Он знал, что многие из его воинства имели против вражеских ружей — топоры, против пистолетов и сабель — кулаки да палки. А когда враг докатится до крепости на пушечный выстрел, у него, Пугачева, пожалуй, не будет ни пороху, ни ядер.

Меж высоко вскинутыми бровями Емельяна Иваныча врубилась складка, и мучительно сжимается, не переставая ноет сердце [1].

Вопросы: Какие качества проявили повстанцы в ходе сражения?

Как вел себя в ходе сражения Е. Пугачев?

Почему повстанцы потерпели поражение?

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. ПОБЕДЫ А. В. СУВОРОВА И Ф. Ф. УШАКОВА.

В повести о А. В. Суворове [2] правдиво отображена жизнь русского народа того времени, на фоне которой увлекательно описана богатая событиями жизнь и полководческая деятельность знаменитого русского полководца А. В. Суворова.

Учитель найдет в повести конкретный и красочный материал о детстве и юности Суворова, о его последующей жизни, заполненной походами, сражениями.

А. В. Суворов показан как полководец-новатор в военном искусстве, человек изумительного дарования, требовательный к себе, внимательный к людям и особенно к солдатам.

Отрывок выразительно читается учителем или одним из учащихся.

Обсудить: Какие качества проявили русские солдаты и командиры при взятии крепости Измаил?

---

[1] В. Шишков, Емельян Пугачев, кн. 2, М., 1946, стр. 574—576, 580.
[2] С. Григорьев, А. Суворов, изд. «Молодая гвардия», 1951.

Штурм Измаила.

Все поняли, что штурм решен.

Измаил представлял собой важнейшую турецкую крепость на Дунае.

В Измаиле укрылась целая турецкая армия, включая остатки гарнизонов из других, взятых русскими крепостей.

Старый Измаил стоял над обрывом Килийского рукава Дуная, на левом его берегу. Крутая излучина Дуная прикрывала Измаил с тыла. Французские инженеры окружили старый Измаил новой оградой неприступных сооружений от берега до берега Дуная.

Зубчатым длинным треугольником простирались высокие валы с глубокими рвами, кое-где полными водой. Возвышались старые каменные бастионы, включенные искусной рукой в систему новой линии обороны. Местами валы одеты камнем.

Суворов назначил штурм в ночь на 11 декабря.

С рассветом 10 декабря началась сильнейшая бомбардировка крепости с фланговых батарей, с дунайской флотилии и с острова за рекой... Турки отвечали канонадой из всех орудий. Артиллерийская дуэль длилась весь день до ночи. Сотни орудий гремели с обеих сторон непрерывно, изрыгая дым и пламя.

В три часа ночи взвилась сигнальная ракета, русские войска поднялись, по второй ракете — заняли назначенные по диспозиции места, по третьей — задолго до рассвета в грозной тишине бросились на крепость со всех сторон одновременно.

Гребень измаильских валов опоясался линией ружейных огней. Загромыхали турецкие пушки, осыпая штурмующие колонны картечью. Русские стрелки били турок «по головам», целясь на вспышки ружейных выстрелов. Под прикрытием ружейного огня солдаты перешли рвы. Началось восхождение на крутые и высокие валы. К отвесным каменным стенам старых редутов приставляли лестницы. Цепкими муравьями карабкались люди по лестницам и крутым склонам валов, подталкивая слабых сзади, вытягивая спереди, с яростными криками взбирались солдаты все выше и выше. Передовые падали, сраженные выстрелами в упор и под ударами сабель, но снизу снова катилась прибойная волна. Еще в глубокой тьме штурмовые колонны зашли в нескольких местах на вал и разливались по нему в обе стороны, тесня турок.

Стальной обруч неудержимо стягивался вокруг Измаила. Сомкнуть его концы в венец победы предстояло шестой штурмовой колонне генерал-майора Кутузова.

Отпор янычар был яростным, жестоким. Батальон потерял почти три четверти людей. Командир с рассеченной ударом ятагана головой упал, но под руку ему попала брошенная сабля. Он схватил ее, вскочил и ринулся в бой; кровь, стекая из раны, застилала ему взор.

Положение на участке шестой штурмовой колонны сделалось критическим. Суворову сообщил об этом прискакавший от Кутузова казак.

— Скачи назад! Скажи генералу: «Приказ подписан!»

Казак замялся.

— А боле ничего?

— Не перепутай: «Приказ подписан!» — повторил Суворов.

Казак поскакал обратно и на скаку кричал, чтоб не забыть загадки: «Приказ подписан! Приказ подписан!» — и с этим криком подлетел к Кутузову.

Уже брезжил туманный рассвет. Кутузов сам с суздальцами пошел в атаку. Они бросились через ров с криком: «Приказ! Приказ!», хотя никто не знал и не мог знать, что за приказ подписан. Суздальцы знали, что у Суворова один приказ: Вперед![1]

* * *

В талантливой поэме К. Симонова «Альпийский поход» увлекательно и исторически правдиво описан знаменитый поход армии А. В. Суворова. В поэме имеется материал для проведения литературного монтажа.

Познавательная задача: какие трудности встретились русским солдатам в Альпах? Как они преодолели их?

«РУССКИЕ ВЕЗДЕ ПРОЙДУТ».

По черным скалам стлался дым.
Уж третий час, как батальоны
Вслед за фельдмаршалом своим
Карабкались по горным склонам.
Скользили ноги лошадей,
Вьюки и люди вниз летели.
Француз на выбор бил. Потери —
Давно за тысячу людей.
Темнело... А Багратион
Еще не обошел французов.
Фельдмаршал приказал хоть ночью
Быть в Сен-Готарде. Но когда
Последний заходящий луч
Уже сверкнул за облаками,
Все увидали: выше туч,
Край солнца зацепив штыками,
Там где ни тропок, ни следов,
От ветра, как орлы, крылаты,
Стоят на гребле синих льдов
Багратионовы солдаты.
Француз бежал. И, на вершину
Пешком взобравшись по горе,
У сен-готардских капуцинов
Заночевав в монастыре,
Суворов в первый раз за сутки
На полчаса сомкнул глаза.
Пять суток без сапог, без пищи,
По острым, как ножи камням,
Кто мог, обрывки голенища
Бечевкой прикрутил к ступням.
Где повалились, там и спали.
Иные, встав, уже с утра
Сырые корешки копали,
Сбирали ветки для костра.
И шкуру павшего вола
Штыками на куски делили
И, навернув на шомпола,
На угольях ее палили.
Последний горный перевал...
На Рингенкопфе пела вьюга,
Холодный ветер завывал.
Гуськом, хватаясь друг за друга,
Ползли солдаты. Ни кирки,
Ни альпенштока. Ветер в спину.
Перевернувши карабины,
Шли, опираясь на штыки.
Подряд, как волны в океане.
У ног катились облака.
Протянешь руку — и рука
Сейчас же пропадет в тумане
По сторонам тропы лежали
Обледеневшие тела.
Сегодня, заклепавши туго,
Швырнули пушки под откос.
Вся орудийная прислуга
Глядела вниз, давясь от слез,
А пушки падали, стуча,
Подпрыгивая на откосах,
Теряя в воздухе колеса
И медным голосом крича.
Суворов едет рядом с нами.
Он еле жив, два казака,
Вплотную съехавшись конями,
Под мышки держат старика.
Ни разу ни одни войска
Еще не шли по этим тропам.
На них взирает вся Европа.
Во всех углах материка
Гадают, спорят и судачат:
Пройдут они иль не пройдут?
Что ждет их — гибель или сдача?..
Пусть их гадают! Только тут,
Среди камней и снежных груд,
Солдаты знали без гаданья,
Что русские везде пройдут![1]

* * *

В книге Г. Шторма «Страницы морской славы» описаны победы великого русского флотоводца Ф. Ф. Ушакова и воинские подвиги русских моряков. Автор приводит интересные данные о жизни Радищева, Пугачева, об итальянском походе русской армии под руководством А. В. Суворова и др. Книга написана на

[1] Григорьев, Исторические повести, М., 1951, стр. 131.

[1] К. Симонов, Избранные стихотворения, Детгиз, 1951, стр. 49—64.

основе подлинных архивных материалов и отличается научной достоверностью.

В пособии приведен отрывок, в котором описана блестящая военно-морская операция — штурм Корфу.

Текст используется для подготовки кратких сообщений учащихся.

Познавательная задача: Каковы основные боевые операции, обеспечившие победу русского военного флота при Корфу?

Штурм Корфу.

Русская эскадра вся собралась. Осада велась с моря и суши. Под проливным дождем, обстреливаемые из всех крепостных орудий, отбивали моряки атаки французов. Крепость, стесненная с двух сторон, наступала, неприятель делал частые вылазки, но успеха не имел.

А голодали по-прежнему. То немногое, что доставлялось, было негодным, и матросы выбрасывали гнилой провиант в море. Федор Федорович долго терпел и наконец решился: послал верховному визирю Порты «малое количество сухарей и бобов» — чтобы попробовал сам.

Французы знали, что люди Ушакова голодают, что у него слишком мало войск для десанта и что одним флотом крепость взять невозможно. Уверенные в этом, они, смеясь, говорили: «Русские хотят въехать в бастионы на своих кораблях».

...Двенадцать кораблей и одиннадцать фрегатов были главной силой Ушакова.

Но войск было мало, вовсе отсутствовали осадные пушки.

И он решился на самое опасное дело — бросить на штурм флот. Морской устав разрешал «иногда, когда того необходимость потребует, подводить под крепостные стены даже линейные корабли». ...Утро 18 февраля[1] стало утром штурма. Ветер дул прямо на остров Видо. От небольшого волнения тонкая пена покрывала Корфиотский залив.

Двухдневный шторм уничтожил боны, преграждавшие подступ к островным бухтам: цепи разорвало, а бревна прибило к берегу, и теперь ничто не мешало высадить десант.

На рассвете Ушаков поднял сигнал: «Приготовиться идти атаковать остров!»

Он взмахнул рукой, и со «Св. Павла» ударила сигнальная пушка Мгновенно молнии блеснули на обеих русских батареях — огонь открылся против всех укреплений Корфу.

...Ушаков приблизился к первой батарее, осыпал ее градом ядер, затем подошел ко второй и также дал залп. Он стал против третьей на картечный выстрел, развернувшись к берегу бортом. Так же разворачивались и другие русские корабли, занимая места, которые назначил им адмирал.

...Канонада усилилась. Флот сразу же грозно возвысил голос. Не прошло минуты, и пространство над морем уже все стонало. Воздушные дуги летящих бомб устилались искрами, едва заметными в свете наставшего дня. «Сбивать стены и укрепления!» — взвился новый сигнал адмирала.

И зелень кустарников на берегу померкла, засыпанная вихрем щебня и пыли. Залпы кораблей ударили по батареям, сбивая с них камень, людей и пушки, обрушивая глыбы скал.

На «Св. Павле» перекликались боцманские дудки. Со всех трех палуб тянуло терпкой пороховою гарью. Люди привычно и быстро чистили стволы, закатывали ядра и наводили. Сизый туман стоял вокруг них. Тогда последовал сигнал о начале общей атаки крепости, и находившиеся на Корфу войска с лестницами и фашинами поднялись на штурм.

Теперь и жители приняли участие в деле. Сперва они колебались, напуганные приходом арнаутов. Но, узнав, что те отказались сражаться, и не видя их нигде поблизости, кинулись на французов, помогая завершить бой.

Корабли въезжали в бастионы.

Моряки и солдаты, усталые и голодные, утверждали бессмертную русскую славу, вступая в твердыню, которую никто еще никогда не брал.

...Пушки палили. Приближался рассвет, но еще было темно. Три французских офицера вышли из Старой крепости. Один из них держал факел, освещая дорогу, другой — белый флаг[1].

Дополнительная литература для внеклассного чтения:

К. Осипов, Граф Рымникский-Суворов. В книге К. Осипова. Избранное, М., 1957.

А. А. Субботин, Рассказы о Суворове, М., 1951.

Л. И. Раковский, Адмирал Ушаков, М., 1955.

А. П. Штейн, Флаг адмирала. В книге А. П. Штейн. Пьесы, М., 1956.

* * *

До присоединения к России Белоруссия пережила эпоху господства литовских, а затем польских магнатов, стремившихся лишить белорусский народ родного языка, превратить крестьян и ремесленников в «хлопов».

Классик белорусской литературы, выдающийся поэт Янко Купала в своем произведении «Курган» бичевал праздную раз-

[1] 1 марта 1799 года по новому стилю.

[1] Г. Шторм, Флотоводец Ушаков, Детгиз, 1946, стр. 191, 199, 205.

гульную жизнь польских магнатов, их насилия, издевательства над белорусскими крестьянами.

При изучении вопроса о присоединении Белоруссии к России это стихотворение можно зачитать в классе.

КУРГАН.

На горе, на крутой, на обвитой рекой,
Лет назад тому сотня иль боле,
Белый замок стоял неприступной стеной
Грозно, хмуро глядел на раздолье.
А в ногах у него расстилался простор,
Сосен стройных и пахоты черной.
Деревушек и хат обомшелый узор,
Где рабы властелину покорны.
Князь-владелец известен был миру всему,
Недоступен, как замок нагорный.
Кто хотел — не хотел, бил поклоны ему,
Спуску он не давал непокорным.
В замке княжеском свадьба однажды была:
Замуж дочку-княжну выдавали,
Вин заморских река разливалась, текла,
Звуки музыки даль оглашали.
Третий день наступил — князь придумал одну
Для дружины потеху-забаву:
Приказал он позвать гусляра-старину,
Гусляра с его громкою славой.
Из деревни глухой гусляра привели
Слуги княжьи в тот замок богатый,
На крыльце посадили меж кленов и лип,
На кирпичном пороге магната.
Домотканая свитка — наряд на плечах,
Борода — как снег белый — такая,
Необычный огонь в его грустных очах,
На коленях легли гусли-баи.
— Что ж молчишь ты, гусляр, нив, лесов песнобай,
Славой хат моих подданных славный,
Нам сегодня сыграй, нам своих песен дай,
И с тобой расплачусь я исправно.
Молча слушает, выслушал князя гусляр,
Заискрилися очи седые.
В старых сводах поплыл за ударом удар,
И заплакали струны живые:
— Гей ты, князь! Ты прославлен на весь белый свет!
Славен-грозен и ты, и твой замок-острог,
Льдом от стен его каменных веет,
Твое сердце, как этот кирпичный порог,
И душа, словно склеп, холодеет.
Посмотри ты, владыка, на поле свое:
Там соха за сохою плетется,
А послушал ли ты, о чем пахарь поет,
Где и как этим людям живется?
Глянь в подвалы свои, в подземелья глянь, князь,
Что под замком ты здесь понастроил:
Братья корчатся там, тобой брошены в грязь,
Черви точат их тело живое.
Разве золото все, что ты хочешь затмить?
Нет, червонцы всего не затмили:

Кровь на золоте этом людская горит,
Кровь, которой тебе не осилить.
На столе твоем яства, а что под столом?
Кости бедных, погибших в неволе.
Утешаешься белым и красным вином, —
Это слезы сиротской недоли...»
Князь стоит, князь молчит, злоба бьет из очей,
Звуки стихли — ни шуток, ни смеха.
— Платой княжеской я расплачусь с храбрецом,
Ты не хочешь дукатов, не надо!
Взять же старца и гусли — и в землю живьем,
Пусть панскую знает награду! [1]

Вопросы: Каковы были феодальные порядки в панской Польше?

О чем свидетельствует поступок польского магната?

КУЛЬТУРА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Повесть М. Муратова «Юность Ломоносова» написана доступным для учащихся языком.

В повести немало интересных описаний из жизни поморов: очень любопытны детали, характеризующие облик молодой столицы Петербурга, Москвы, некоторых немецких городов. В центре внимания автора — жизненный путь, многострадальный и трудный, великого русского ученого М. В. Ломоносова.

Большой интерес представляет описание борьбы с иностранным засильем в русской науке, которую пришлось вести Ломоносову.

В приведенном отрывке описываются годы учения М. В. Ломоносова в Славяно-греко-латинской академии.

Отрывок используется для подготовки сообщений о годах учения М. В. Ломоносова.

Годы учебы в Москве.

Для того чтобы попасть в школу, Михайло Ломоносов решил схитрить. Он назвался сыном дворянина из города Холмогор и сказал, что хочет учиться. Его провели к ректору.

Это был еще не старый монах в черной рясе, с большим золоченым крестом на груди. Считался он ученым потому, что многие годы изучал в Киеве латынь и богословие.

Ректор с удивлением взглянул на высокого широкоплечего юношу в нагольном тулупе, захотевшего поступить в школу, где обычно начинали учиться в двенадцать-тринадцать лет.

Прямо смотря в лицо ректору упорным взглядом больших серых глаз, Михайло Ломоносов спокойно и твердо заговорил о желании учиться.

---

[1] «Антология белорусской поэзии», Л., 1948, стр. 74—79.

Ректор задал ему несколько вопросов. Оказалось, что он хорошо читает и пишет, знает «Арифметику» Магницкого и немного славянскую грамматику.

— Уповаю, что премудрости наук не убоишься, — сказал ректор. Таких учеников в Славяно-греко-латинской академии было немного. Ректор не стал требовать от Ломоносова документов о происхождении и приказал записать его в школу.

На следующий день Ломоносов пришел в класс перед самым началом урока.

В большой, мрачной комнате с каменными сводами стояли в несколько рядов длинные столы и скамьи. Ученики в сермяжных кафтанах и стоптанных, заплатанных башмаках рассаживались по местам.

Учитель сразу заметил нового ученика.

— Ни единого латинского слова не ведаешь? — спросил он Ломоносова и добавил: — Ступай на заднюю скамью.

Учеников рассаживали по успехам: лучшие сидели на первой скамье, невежды и лентяи — на последней. Когда ученик начинал учиться лучше, его пересаживали вперед.

Школьники вскоре перестали посмеиваться над ним, и не только потому, что такие шутки могли кончиться плохо: Ломоносов начал учиться так, что удивил товарищей.

Основным предметом был латинский язык. Школьники изучали его неохотно. Учителя старались поощрять их обычным в то время способом — розгами. Даже в букварях печатались стихи:

Розга ум вострит, память возбуждает
И волю злую к благу прилагает.

...Новый ученик на задней скамье во время урока не обращал внимания на озорство соседей. Он вслушивался в каждое слово учителя.

Ломоносову приходилось уже слышать, что на латинском языке написаны книги, без которых тогда не мог обойтись ни один образованный человек.

К концу первого дня он уже знал несколько латинских слов, он повторял их про себя, как будто пересчитывая свое приобретение. А через несколько дней с торжеством составил первую маленькую латинскую фразу.

— ...Добре, — сказал учитель латыни, выслушав ответ Михайлы Ломоносова.

А затем велел ему пересесть с последней скамьи на предпоследнюю. И на ней Михайло просидел недолго.

Почти все учителя спасских школ были монахи. Они отращивали длинные бороды и ходили в черных рясах с большими серебряными крестами на груди.

...В каждом классе учились обычно год. А Михайло Ломоносов в один год прошел все три класса. Теперь он уже не так сильно отличался по возрасту от некоторых школьников.

— Михайло-то как шагнул! — говорили с завистью первые ученики младших классов, оставшиеся позади.

— Михайло напрямик идет. Трудом и напором берет, а не пролазом, — говорили те, кто его знал поближе.

Учение давалось ему легко, но жить приходилось впроголодь.

Раз в месяц ученики являлись к школьному казначею. Казначей доставал тяжелый мешок с медными деньгами и отсчитывал каждому девяносто копеек.

На эти деньги нужно было жить целый месяц, кормиться и одеваться. Многим приходилось платить и за квартиру.

Ученики, не имевшие семьи в Москве, нанимали обычно копеек за двадцать в месяц угол с тем, чтобы оказывать хозяевам кое-какие мелкие услуги: рубить дрова, приносить воду, убирать двор.

И Михайло Ломоносов тоже снял угол у одного подьячего, служившего в сыскном приказе.

«Имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше, как на денюжку хлеба и на денюжку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды», — вспоминал впоследствии Михайло Ломоносов[1].

Вопрос: Какие трудности пришлось испытать М. Ломоносову в школе, и как он их преодолел?

М. В. Ломоносов и Московский университет.

Он вдруг понял, в чем было спасение, и вспомнил о тех, кто должен был принять из его рук тяжесть одинокого знания, мыслей и опыта: отроки, вышедшие из всех слоев великого русского народа, молодежь, которой откроется, наконец, дорога к наукам, — вот кому надлежит передать свои знания и от кого ждать ответа на свои одинокие мысли!

Университет! Аудитория, полная молодых слушателей — от всех сословий и со всех концов страны, — вот будет награда за многие труды, понесенная ради просвещения отечества.

Недостаточно было изменить условия жизни Академической гимназии. Он должен добиться основания нового, большого университета в том городе, куда пришел некогда сам с великой жаждой познания в сердце.

Он вышел под утро из своей лаборатории с лицом уверенным, решительной и твердой походкой и с высоко поднятой головой. Он чувствовал себя помолодевшим и полной грудью вдыхал прохладный утренний воздух.

...Хорошо, Михайло Васильевич, даю в том тебе слово, — говорил вечером того же дня Шувалов, прохаживаясь с Ломоносовым по прямой, как стрела, дорожке своего сада на самом берегу Невы.

---

[1] М. Муратов, Юность Ломоносова, Детгиз, 1955, стр. 36—40.

— ...Менее двенадцати профессоров университету иметь нету возможности, — горячо говорил он. — Просчитайте сами; для медицинского факультета — трое надобны как хлеб насущный; таково же и для юридического. Философскому же менее как шестью не обойдиться.

— Тебе виднее, Михайло Васильевич, — покорно отозвался Шувалов. — Мне твой прожект по сердцу, и ежели в Москве у нас по сю пору высшего просвещения не учинили, то в том и я усматриваю великое небрежение. Только где мы столько профессоров наберем?

— Найдутся, — уверенно ответил Ломоносов. — И из моих учеников иные при моей помощи смогут лекции составлять, а там и новые появятся. Такому плану университетскому надлежит быть весьма обширным, и надлежит проставить — в прожекте — число профессоров более двенадцати. А те суммы, кои на них отпущены будут, до времени обратить на библиотеку и на все те учреждения, кои университету в подмогу надобны.

— Ну что ж, о всем подробную записку составь. А я тебе слово даю: это дело с твоей помощью продвигать и прожект обоснования университета в Москве представить в Сенат.

— Накрепко, Михайло Васильевич, — закончил Шувалов, пожав своей холеной рукой крепкую ломоносовскую руку.

И эта крепкая рука с таким упорством и неослабевающей волей двигала дело, проект которого Шувалов, действительно, не замедлил подать в Сенат, что через восемнадцать месяцев Иван Иванович Шувалов торжественно открыл в Москве первый университет России [1].

Вопрос: Какие основания были у Советского правительства назвать Московский университет Университетом имени М. В. Ломоносова и поставить ему памятник?

* * *

В повести Н. Харджиева и В. Тренина «Огненная машина» описана жизнь и деятельность И. И. Ползунова — выдающегося русского изобретателя. В данном отрывке речь идет об изготовлении и испытаниях изобретенной им паровой машины.

Рекомендуется включить этот отрывок в рассказ.

Можно использовать его также и для подготовки сообщений учащихся в целях активизации повторения программного материала.

Паровая машина И. И. Ползунова в действии.

20 мая 1765 года Ползунов уведомил начальство о том, что надеется через пять месяцев привести машину в движение.

Сто десять медных частей машины были уже отлиты.

[1] М. Сизова, Михайло Ломоносов, изд. «Молодая гвардия», 1951, стр. 385—387.

После отливки каждую часть тщательно шлифовали.

Ползунов сказал своим ученикам, что цилиндры должны быть совершенно одинаковы и весьма ровны, а внутри гладки, как стекло.

Некоторые из медных частей машины весили до 170 пудов.

Чтобы ускорить строение машины, механик приспособил вододействующие колеса для токарных работ.

Вододействующие токарные станки для обточки плющильных валов Ползунов некогда видел на Екатеринбургском заводе.

А канцеляристы не переставали злословить...

И не только канцеляристы, но и господа офицеры.

Завистники толковали о том, что Ползунов — механикус не настоящий и ему не избежать конфузии.

И все говорили о чудесных сооружениях гидравлика Кузьмы Фролова на реке Корбалихе, о двух рудотолчейных и двух рудопромывальных фабриках, построенных вдоль длинного напорного канала.

Один и тот же поток, мчавшийся от плотины по каналу, приводил в действие гидравлические колеса на всех новых фабриках.

Работным людям немало работы уменьшилось!

Работные люди только наблюдали за действием толчейных пестов и промывальных мешалок, чтобы они не работали впустую. Это был завод-автомат.

Даже ящики с рудой (их называли собачками) передвигались от толчейной фабрики до промывальной по двум рельсовым путям автоматически. Это было невиданно!

Строение четырехэтажного деревянного дома для огненной машины было закончено в последние дни октября 1765 года.

Механикус и его помощники собрали и соединили все части громадной машины.

При первом испытании, кроме своего изобретателя, присутствовали его помощники — крестьяне, два мастеровых и два ученика: Черницын и Левзин.

Мехи еще не были сделаны, и поэтому Ползунов приказал подвесить к балансирам тяжелые бревна.

Исполняя приказания механикуса, Левзин и Черницын проворно бегали по лестницам и лесенкам, соединявшим этажи вокруг машины.

В первом этаже крестьяне наполнили дровами печь под котлом. Вспыхнул в печи огонь. Крестьяне работали молчаливо и все думали об одном: неужели машина сама себя, без помощи рук в движении содержать будет, как сказывал господин механикус.

С помощью ручного насоса машину нужно было только пустить в действие.

И вот машина зашипела и как бы налилась жизненной силой.

Старый мастеровой Спиридон Бобровников опасливо перекрестился.

Поршни действовали равномерно.

Легко двигались навстречу друг другу большие бревна, подвешанные к балансирам.

И шарнирные цепи работали очень хорошо и без излишнего грохота, как предвидел механикус.

Черницын и Левзин бросились к Ползунову, обняли его.

— Рано еще радоваться, — усталым голосом сказал Ползунов. — Еще потребуется время, чтобы навыкнуть к ее действию. И при опытах разные еще откроются недостатки в движении машинных частей.

Жители Барнаула прозвали Ползунова колдуном.

Говорили, что нечистая сила, сидевшая в медном котле, иногда упрямилась и поэтому машина прекращала действие. Но упрямилась нечистая сила недолго. Механикус-чернокнижник своими страшными заклинаниями заставлял ее быть послушной...

7 августа 1766 года [1], в 6 часов утра, ученики Ползунова привели в действие первую в мире . . . огненную машину.

Машина непрерывно действовала два дня, расплавив 90 пудов серебряной руды.

Такой плавки на Барнаульском заводе еще не видывали! [2]

Вопросы: Кто сочувствовал и помогал И. И. Ползунову? Кто препятствовал осуществлению его замысла? Чем это объясняется?

* * *

В ниже приводимых отрывках из интересной книги Ж. Яновской «Кулибин» красочно и доступно описаны три наиболее известных изобретения Кулибина: диковинные часы, коляска-самокатка и мост. Эти отрывки привлекают для конкретизации нового материала, а также для подготовки небольших сообщений учащихся и организации беседы.

«Самокатка».

В 1791 году на улицах Васильевского острова появился странный экипаж. Он не был похож на карету. Он был значительно легче и всего на трех колесах: два больших — сзади и одно поменьше — спереди.

Но удивительнее всего было то, что экипаж этот ехал без лошади.

В экипаже сидело два человека, а третий стоял сзади. Ноги стоявшего сзади были вдеты в особые устройства, похожие на

[1] Уже после смерти И. И. Ползунова.

[2] Н. Харджиев, В. Тренин, Огненная машина, Детгиз, 1949, стр. 98 — 99, 121.

железные туфли. Он попеременно поднимал и опускал ноги вместе с туфлями, прикрепленными на тягах к коляске.

Коляска ехала довольно быстро, но на поворотах или там, где ей навстречу попадались другие экипажи, она замедляла ход.

Прохожие с удивлением оглядывались. Что это за чудо?

Коляска едет без лошади, да еще так быстро. И человек, передвигающий ее, видимо, нимало не устал. Уж не Кулибинская ли это опять затея?

Только он может придумать такие хитроумные диковины.

Действительно, это было новое творение Кулибина — коляска-самокатка.

Кулибин задумал построить ее давно, но все мешали всякие текущие задания и поручения...

Императрица приказала ему придумать какой-нибудь способ для более легкого открывания окон во дворце. Окна были такие высокие, что для открывания верхних переплетов и форточек приходилось каждый раз ставить лестницы, Кулибин сконструировал такой механизм, с помощью которого стоя на полу, без лестниц, можно было легко отпирать и открывать, а затем закрывать и запирать окна и форточки [1].

Вопрос: Как была устроена коляска-самокатка?

«Диковинные часы Кулибина».

Теперь можно было снова приняться за часы.

Прошло еще полгода. Часы были в основном закончены. Величиной и формой часы напоминали гусиное яйцо. Они били каждый час, полчаса и четверть часа. Каждый час, после боя, открывались маленькие створчатые дверцы. Внутри был виден золоченый чертог. Под церковную музыку днем начиналось представление из религиозной жизни. С восьми утра до четырех часов дня исполнялась одна музыка, в остальное время суток — другая. В полдень часы исполняли сочиненный Кулибиным гимн в честь Екатерины. С помощью особых стрелок можно было музыку перевести, то есть во всякое время заставить часы играть любую из этих вещей. Часы заводились на сутки. Они были заключены в золотую оправу с множеством завитушек и украшений.

В Нижний Новгород приехала императрица Екатерина. Желая развлечь Екатерину и показать ей, какие у него в Нижнем Новгороде имеются таланты, губернатор представил ей Кулибина с его замечательными творениями — микроскопом, телескопом, электрической машиной и необыкновенными часами.

Екатерина с интересом осмотрела диковины. Она была поражена искусством изобретателя. Вместе с тем Екатерина увидела удобный случай показать себя попечительницей народных та-

[1] Ж. Яновская, Кулибин, Детгиз, 1951, стр. 69, 70.

лантов. Поэтому она тут же велела директору Академии наук графу Орлову записать имя изобретателя и при случае вызвать его в Петербург[1].

Вопрос: Чем знамениты часы, изобретенные Кулибиным?

«Чудесный мост».

Восемь долгих лет методически, упорно, шаг за шагом, преодолевая трудности и улучшая конструкцию, работал Кулибин над мостом. За это время он построил три модели, сделал расчеты, провел массу опытов на приборах, им же самим сконструированных, составил окончательный проект моста и план работ по его сооружению.

Материалом для своего моста Кулибин выбрал дерево. Первую модель он сделал в 1771 году. Хотя она выдержала испытание, все же он нашел в ней недостатки.

...Свои расчеты, чертежи, описания вместе с моделью Кулибин представил в Академию наук. На этот раз его расчеты проверил Эйлер. Эйлер был поражен. Все расчеты оказались правильными. Позднее Эйлер в «Месяцеслове с наставлениями на 1776 год», изданном Академией наук, подтвердил правильность вычисления Кулибина.

Был назначен день испытания модели.

Собралась специальная комиссия из Академии. Среди них Леонард Эйлер, Крафт, Румовский, Котельников и другие. Кое-кто из академиков насмешливо посматривал на Кулибина. Хотя Эйлер сказал, что все вычислено правильно, все равно они не верили. Недавно были проведены испытания двух моделей мостов, представленных иностранцами. Тоже как будто бы казалось на первый взгляд правильным, а когда положили на модели груз, они обе рухнули.

— Что ж, два моста изъездили, давайте доезжать третий, — шутили академики.

— Этот Кулибин скоро построит нам лестницу на самое небо.

Кулибин молчал. По расчету модель должна была выдержать три тысячи триста пудов груза.

Рабочие стали носить железо. Академики продолжали шутить. Количество железа на модели росло.

Когда груз превысил три тысячи пудов, наступила тишина. Никто больше не улыбался и не шутил. Вот уже три тысячи сто пудов груза, три тысячи двести... Академики прислушиваются: не раздастся ли где-нибудь скрип или треск ломающейся части. Осматривают модель со всех сторон. Но модель стоит неколебимо. Наконец, три тысячи триста пудов!

— Кладите остальное железо, — спокойно говорит Кулибин рабочим.

[1] Ж. Яновская, Кулибин, Детгиз, 1951, стр. 23.

Перенесли оставшееся железо.

— Там в углу двора есть еще кирпичи.

Положили и кирпичи.

Теперь на модели было три тысячи восемьсот семьдесят пудов.

Больше класть было нечего.

Тогда Кулибин взошел сам на мост и пригласил всю комиссию. Один за другим академики поднимались на мост. Они поздравляли Кулибина.

— От всего сердца поздравляю Вас с желаемым успехом,— сказал Эйлер. — Теперь остается вам оправдать пророчество и сделать нам лестницу на небо.

Академия наук признала модель годной и доложила Екатерине о том, что по ней можно строить мост через Неву. Кулибин был счастлив. Модель принята! Все мучения остались позади.

Теперь столица получит первый постоянный мост через широкую быструю Неву. Как это будет удобно для пешеходов и судов! Сколько будет предотвращено несчастных случаев, когда люди пытались перейти реку по шаткому, уже подтаявшему льду и проваливались под лед!

Так думал Кулибин. И не только он один. Многие ожидали, что скоро начнутся работы по строительству моста.

Но правительство молчало. Видно, мост строить не собирались[1].

Вопрос: Каковы были преимущества моста Кулибина? Почему он не был построен?

А. Н. РАДИЩЕВ

О. Д. Форш посвятила три книги описанию жизни и деятельности великого русского писателя-просветителя и революционера А. Н. Радищева. В первой книге «Якобинский заквас» изложены события первого периода жизни А. Н. Радищева. Это были годы пребывания в Лейпциге, годы учебы, исканий. Во второй книге «Казанская помещица» дана запоминающаяся картина жизни России второй половины XVIII века. Здесь и роскошная жизнь правящей верхушки и нищая, полная лишений жизнь народных масс, их борьба против угнетателей-крепостников, жестокие расправы царских генералов, чиновников с повстанцами. В «Пагубной книге» описана жизнь и творчество Радищева во второй половине 80-х годов.

Трилогия О. Форш — важный источник знаний по истории России второй половины XVIII века, который учителя широко используют при подготовке к урокам. Наиболее выразительные отрывки зачитываются учителем в классе.

[1] Ж. Яновская, Кулибин, Детгиз, 1951, стр. 39, 40, 43, 45, 47.

Поездка А. Н. Радищева в Саратовскую губернию.

Радищеву удалось выбраться, наконец, из Петербурга ровно полугодом позднее, нежели он собирался. Он поехал в родовое имение Облязово, в Саратовскую губернию.

...Охваченный душевной мукой, близкий к отчаянию, ехал Радищев разоренными землями крестьян, где нищенское их хозяйство, описанное им самим с такой правдой в новиковском «Живописце», выступало сейчас в еще большем убожестве и разорении. На большой дороге то и дело встречались партии арестантов... сопровождаемые гарнизонными солдатами. Это последние остатки пугачевских бунтовщиков препровождались в ссылочные места. То тут, то там указывал кнутовищем ямщик на уцелевшие от панинского усмирения виселицы и глаголи.

Ужасен был вид смертельно изможденных людей: женщин, почерневших от муки, и голодных детей, по милосердию царицы, занятых рытьем огромных валов вокруг города и большого села. Заработок их был по приказу: «Удобная казне хлебная плата». Дома же они ели, почитай, один желудь да лебеду.

Возможно ли, нося в своей памяти сии расширенные голодом детские глаза и стариковски сморщенные личики, заниматься, как масоны, только «приведением себя самого в приближении к совершенному виду?»

Мучительства выше меры одних и жирное благополучие и благодушие других смогут ли выбраться из своего уродства одним просвещением умов? Мало ль знаем в истории просвещенных злодеев и деспотов?

Нет, обезвредить законами злую долю, не дать ей заедать чужой век, всех сравнять перед судом и в свободном владении землей — вот выход [1].

Вопрос: Что возмущало Радищева?

Революционные предвидения А. Н. Радищева.

— Александр, я тебе не помешаю...

— Прочти мне твою новую строфу, — сказала Аннет в сдержанном волнении, стоя рядом с Радищевым.

— И он ей прочел свое пророческое видение:

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит:
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя [2].

[1] О. Форш, Сочинения, Радищев, М., 1956, стр. 125.
[2] О. Форш, Сочинения, т. II, Радищев, М., 1956, стр. 186.

Вопрос: На какой путь уничтожения крепостничества и самодержавия звал А. Н. Радищев?

С большим интересом воспринимаются отрывки из выдающегося произведения А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Ниже приводится один из них, описывающий жизнь крестьян.

Отрывок зачитывается учителем (или одним из учащихся) как иллюстрация к рассказу о революционных взглядах А. Н. Радищева.

...Четыре стены, до половины покрытые, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; оконницы, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; горшка два или три (счастливая изба, коли в одном из них всякий день есть пустые щи!). Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода.

Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем, то, чего отнять не можем — воздух. Да, один воздух! Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъяти у него жизнь.

Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме [1].

Вопрос: Что свидетельствует о нищете крепостных крестьян и кто был ее виновником?

«Путешествие из Петербурга в Москву» — любимая книга передовой молодежи начала XIX века.

Над чем подумать: Что так волновало юных читателей в книге А. Н. Радищева?

В старом отцовском шкафу в Бакумовке Сережа отыскал заветную — очевидно, бережно хранимую — книгу в зеленом сафьянном переплете: «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. На титульном листе книги была дарственная надпись: «Любезному Ивану Матвеевичу Муравьеву. Да не зачерствеет сердце твое в суете светской! Александр Радищев. Санкт-Петербург, 1790 года, мая 20 дня». Эта надпись делала книгу особенно дорогой и близкой для обоих братьев. Сережа и Матвей читали ее по очереди вслух, в уединенной беседке на самом краю сада, и уже первые строки посвящения: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала» — так по-

[1] А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Л., 1938, стр. 313.

разили обоих, что они долго не в состоянии были произнести ни единого слова. В этих строках было все то, что они чувствовали сами.

Глава «Зайцово» ... Нет, это не выдумка — сама жизнь глядит из книги во всей своей жестокой правде. Некий асессор, нажившийся на взятках и получивший по чину дворянство, приобрел имение и, сделавшись помещиком, грабит и истязает крестьян. Один из его сыновей задумывает похитить крестьянскую девушку-невесту и для исполнения злодейского замысла призывает двоих своих братьев. Но жених этой девушки вместе со стариком отцом отбивают ее, хватив одного колом по спине, а другого по голове. Барин-асессор велит привести виновных к себе. «Как ты дерзнул поднять руку на твоего господина,— подбоченившись, кричит он на жениха. — А невеста твоя будет у меня судомойкой, ты ее больше не увидишь». И он отдал обоих — жениха и его старого отца —своим сыновьям на расправу. Они секут их, бьют палками. Жених мужественно терпит побои, но, увидев, что молодые господа уже тащат его невесту в барский дом, а она кричит, выхватывает ее из рук негодяев и бросается вместе с ней за ворота. За ними погоня. Их уже настигают. Жених выдергивает доску из забора, чтобы защищаться. На подмогу ему сбегаются крестьяне. Тогда выскакивает сам старый асессор с палкой и так ударяет одного из крестьян, что он падает без чувств на землю. Это служит сигналом. Крестьяне окружают всех четверых господ и забивают их до смерти. И такова ненависть крестьян к своим тиранам, что ни один не хочет быть в стороне от этого дела. А на суде они упорно стоят на том, что убили всей деревней.

— Такое убийство не убийство, — прерывая чтение говорит с волнением Сережа. — Такое убийство — подвиг самоотвержения. Ведь крестьяне знали, что их ждет!

Сережа закрывает медленно книгу и долго не может опомниться, как человек, только что вышедший из душной тюрьмы. Он глядит как на что-то новое для себя на все кругом: на поле, освещенное розовыми лучами заката, на дубовую рощу вдалеке, на синеющие излучины реки.

«Правда,— думает он,— в нашем краю не слыхать о подобных злодействиях, у нас на Украине еще не угасли предания вольности. Но язва рабства проникает и сюда...[1].

Литература для внеклассного чтения:

С. Алексеев, Исторические повести, Детгиз, 1961.
Т. Богданович, Горный завод Петра третьего, Детгиз, 1956.
М. Муратов, Жизнь Радищева, М.—Л., Детгиз, 1949.

[1] А. Слонимский, Черниговцы, Детгиз, 1961, стр. 52.

А. Вересов, Рассказы о старых мастерах, Л., Детгиз, 1956.
О. Гурьян, Мальчик из Холмогор, Детгиз, 1953.
А. Кузнецов, Крепостные мастера, Детгиз, 1953.
Н. И. Кочин, Иван Петрович Кулибин, М., 1957.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА.

В величайшей эпопее «Война и мир» Л. Н. Толстого гениально отражена жизнь русского общества первых двух десятилетий XIX века. Учитель может с успехом использовать блестяще написанные сцены Бородинского боя, совета в Филях, сражения под Малоярославцем, боевых действий партизан. Это поможет показать учащимся мужество и героизм русского народа в борьбе с иноземными захватчиками. «Слава «Войны и мира», — по словам Р. Роллана, — в воскрешении целого исторического века, народных движений, битвы наций. Его истинные герои —народы».

Из отрывков, которые используются на уроке, нужно назвать текст о переправе войска Наполеона через реку Неман.

Учитель использует этот текст в качестве эмоционального начала изложения темы. Рекомендуется одновременно использовать картины из «Альбома наглядных пособий, История СССР».

Переправа через Неман.

На другой день Наполеон, обогнав армию, в коляске подъехал к Неману и с тем, чтобы осмотреть местность переправы, переоделся в польский мундир и выехал на берег.

Увидав на той стороне казаков и расстилавшиеся степи, в середине которых была Москва, священный город, столица того, подобного скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский, — Наполеон, неожиданно для всех и противно как стратегическим, так и дипломатическим соображениям, приказал наступление, и на другой день войска его стали переходить Неман.

12-го числа рано утром он вышел из палатки, раскинутой в этот день на крутом левом берегу Немана, и смотрел в зрительную трубу на выплывающие из Вильковисского леса потоки своих войск, разливающихся по трем мостам, наведенным на Немане. Войска знали о присутствии императора, искали его глазами, и когда находили на горе перед палаткой отделившуюся от свиты фигуру в сюртуке и шляпе, они кидали вверх шапки и кричали: «Да здравствует император!» и один за другим, не истощаясь, вытекали, все вытекали из огромного, скрывавшего их доселе леса и, расстроясь, по трем мостам, переходили на ту сторону.

13-го июня Наполеону подали небольшую чистокровную арабскую лошадь, и он сел и поехал галопом к одному из мос-

тов через Неман, непрестанно оглушаемый восторженными криками, которые он, очевидно, переносил только потому, что нельзя было запретить им криками этими выражать свою любовь к нему; но крики эти, сопутствующие ему везде, тяготили его и отвлекали его от военной заботы, охватившей его с того времени, как он присоединился к войску. Он проехал по одному из качавшихся на лодках мостов... по направлению к Ковно, предшествуемый замиравшими от счастья восторженными гвардейскими конными егерями, которые, расчищая дорогу по войскам, скакали впереди его [1].

* * *

В книге С. Голубова «Багратион» мастерски описано сражение за Семеновские флеши. Запоминаются образы русских солдат и офицеров, мужественно принявших на себя многочисленные атаки врага, бесстрашно выстоявших в бою и сумевших нанести врагу такой урон, от которого он уже не мог оправиться. Героизм народа, его готовность жертвовать всем показаны в книге живо, образно.

Над чем подумать: Какие боевые и моральные качества проявили русские солдаты и командиры в Бородинском сражении?

Бой у Семеновских флешей.

Боевое поле потонуло в синей пучине дыма. У самой земли, мокрой от росы и потому притягивавшей к себе волны порохового дыма, эта завеса была особенно густа и непроницаема. Солнце уже не блистало. Оно превратилось в красный шар без лучей и фонарем повисло над битвой. Стопушечный оркестр то затихал, то снова гремел с ужасающей силой. Эта музыка артиллерийского боя была нестройна и дика. Но нет-нет да и прорывались в ней поразительные по неожиданности своей гармонические переливы. Что-то чудное, поэтическое слышалось в этом чудовищном нагромождении грохота. Было ровно шесть с половиной часов утра, когда гренадерская дивизия графа Воронцова была атакована во флешах войсками маршала Даву. Волна за волной перехлестывала через мелкий кустарник,— это шли линейные французские полки. Гренадеры Воронцова ударяли в штыки, опрокидывали наступающую колонну и возвращались назад, прикрываясь цепью стрелков. Воронцов сам водил их в эти кровавые схватки и возвращался с ними на место, не выпуская шпаги из рук и не переставая улыбаться холодно и строго. Но передышки были коротки. Снова прибивала волна атаки, цепь стрелков разрывалась, чтобы дать простор для встречи колонн, и гренадеры, с Воронцовым впереди, бежали со штыками наперевес, кололи, ломали, душили, падали сотнями и, опрокинув линейцев, отходили назад. Атакой командовал Даву. Воронцову бросились в глаза его круглые щеки и яростно выпученные глаза, когда при втором или третьем натиске французам удалось было вскочить в левую флешь. Но это был только момент. Штыки сверкнули. Лошадь Даву грянулась оземь,— маршала вынесли из свалки на плаще. Французы откатились. Потом замелькали другие генералы — Компан, Дессе, Рапп. Они сменяли друга друга, обливаясь кровью. Наконец унесли Раппа, высокого и черного, нещадно ругавшего свою двадцать вторую рану. Воронцов оглянулся. Боже, как мало оставалось у него гренадер! Сердце его сжалось. Он был бы изумлен, даже испуган, если бы ему сказали, что и в эту страшную минуту он все-таки улыбался.

От пятьдесят седьмого французского линейного полка, ворвавшегося в левую флешь, почти ничего не оставалось. Ней вел сюда дивизию генерала Ледрю, когда натолкнулся на слабые батальоны Неверовского. Вся двадцать седьмая дивизия бежала двумя колоннами к атаке, и колонны эти были так малочисленны, что Ней сказал себе: «Сейчас я раздавлю этот храбрый и несчастный полк!» Он сделал знак. Дивизия Ледрю раздалась и выпустила вперед пушки.

— Ложись! — успел прокричать Неверовский.

Пехота прилегла. Через нее с шумом пролетела картечь, так сильно ударяя в задние насыпи шанца, что пыль взвилась к небу черной тучей. Неверовского смело с коня при первом залпе. Второй и третий решили судьбу предприятия: левую флешь вернуть не удалось.

...Багратион вертелся посреди этого ада, шпоря лошадь и отыскивая взглядом источник спасения. Где взять свежих людей? Однако они еще были. Вот двигалась вперед скорым шагом и даже в ногу гренадерская бригада. Словно на параде, стройно и хладнокровно прошла она мимо батарей. Пушки взяли на передки, выскакали вперед и осыпали наступавших французов картечью.

...Атака длилась уже минут пятнадцать. В средней флеши почти не оставалось французов. Коновницын с успехом действовал слева и справа. Васильчиков вел кавалерию. Багратион видел, как засветились медные оклады кирасирских касок, слышал, как заиграли трубы. Лицо его было весело.

— Ура! — кричал он и махал шляпой, вздернутой на шпагу.

Полковые колонны конницы скакали поэскадронно, на больших дистанциях. Кирасиры сидели на лошадях вороной масти, и оттого лавина их, быстро мчавшаяся к флешам, казалась черной.

— Ура!

[1] Л. Толстой, Война и мир, т. 3—4, М., 1955, стр. 11—12.

Князь Петр Иванович уже почти не сомневался, что отчаянное предприятие его исправит, искупит, покроет славой победы, с лихвой возместит несчастную потерю флешей. Грудь его бурно и вольно дышала.

— Ура!

Страшный удар, подобный электрическому, поразил Багратиона в правую ногу. Он качнулся в седле и выронил шпагу со шляпой.

— Ваше сиятельство! — в ужасе крикнул Олферьев.— Ах, ваше сиятельство! Да что же это такое?..

Его рука обнимала Багратиона за пояс, и Олферьев чувствовал, как дрожит все тело князя и как неудержимо клонится оно с седла вниз.

— Ваше сиятельство!..

— Ни — ни, душа,— прошептал Багратион,— ничего! Главное, .. чтобы не заметили!..

Он обернулся к солдатам:

— Вперед, други мои! Вперед! Добивайте шельмецов!

...Никто не расслышал последней команды Багратиона. Однако многие из тех, кто находился поблизости, видели его внезапную бледность и кровь, хлеставшую из ноги, перебитой черенком снаряда. И хоть конь князя Петра еще плясал и прыгал, а черные кудри, знакомые каждому солдату русской армии, еще развевались по ветру над славной головой, но сокрушительная весть о бедствии вмиг облетела войска. И атака дрогнула и замялась...[1].

* * *

Стихотворение М. Ю. Лермонтова используется в процессе рассказа о Бородинском сражении. Некоторые учителя организуют литературный монтаж.

«БОРОДИНО».

...И только небо засветилось —
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И все на наш редут:
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами —
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.
Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!
Земля тряслась, как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...
Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...[1]

* * *

В исторической хронике Н. А. Задонского «Денис Давыдов» много места отведено Отечественной войне 1812 г., мужественным образам замечательных русских партизан и их героическим делам.

Отрывок о партизанке Василисе Кожиной используется в качестве иллюстрации рассказа учителя о действиях партизан.

Партизанка Василиса Кожина

В деревнях Сычевского уезда собирала свою дружину Василиса Кожина. Муж ее был сельским старостой. Его взяли на войну. А хату их сожгли французы. Василиса принимала под свою команду не только мужчин, но и женщин, которых насчитывалось в отряде не менее пятидесяти. Нападая на небольшие транспорты, дружина уничтожила и захватила в плен свыше четырехсот французов.

Однажды Василиса с тремя своими дружинницами конвоировала большую партию пленных. И когда по дороге один из них вздумал сопротивляться, стал подбивать своих товарищей на бунт, Василиса живо расправилась с ним и грозно прикрикнула на остальных:

— Всем вам, ворам, собакам, будет тоже, если вздумаете бунтовать! Уж я двадцати семи таким голубчикам сорвала головы! Марш в город!

Французскому Смоленскому губернатору действия партизан не давали покоя ни днем, ни ночью. Еще восьмого сентября он

[1] С. Голубов, Багратион, изд. «Советский писатель», М., 1947, стр. 291 — 292, 301—302, 305, 316—318.

[1] М. Ю. Лермонтов, Бородино, в книге «Лирика», М., 1958, стр. 47—52.

писал начальнику главного французского штаба маршалу Бертье: «Число и отвага вооруженных поселян, по-видимому, увеличиваются; в глубине области третьего сентября крестьяне деревни Клушино, что возле Гжатска, перехватили транспорт с понтонами, следовавший под командой капитана Мишеля. Поселяне режут отряды, которые мы вынуждены посылать для отыскания пищи»[1].

Л. Н. Толстой о народном характере Отечественной войны 1812 года.

Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, пожар Москвы, ловля мародеров, переимка транспортов, партизанская война — все это были отступления от правил.

Наполеон чувствовал это, и с самого того времени, когда он в правильной позе фехтования остановился в Москве и вместо шпаги противника увидал поднятую над собой дубину, он не переставал жаловаться Кутузову и императору Александру на то, что война велась противно всем правилам (как будто существуют какие-то правила для того, чтоб убивать людей).

Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил..., дубина народной войны поднялась со всею своей грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупою простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась, гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие...

Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск. Прежде чем партизанская война была официально принята нашим правительством, уже тысячи людей неприятельской армии — отсталые мародеры, фуражиры — были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этих людей так же бессознательно, как бессознательно собаки загрызают забеглую бешеную собаку. Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение этого страшного орудия, которое, не спрашивая правил военного искусства, уничтожало французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приема войны.

24 августа был учрежден первый партизанский отряд Давыдова, и вслед за его отрядом стали учреждаться другие. Чем дальше подвигалась кампания, тем больше увеличивалось число этих отрядов.

Партизаны уничтожали великую армию по частям. Они подбирали те опадавшие листья, которые сами собой сыпались с ис-

[1] Н. А. Задонский, Денис Давыдов, Куйбышев, 1952, стр. 292.

сохшего дерева — французского войска, и иногда трясли это дерево. В октябре, в то время как французы бежали к Смоленску, этих партий различных величин и характеров были сотни. Были партии, перенимавшие все приемы армии с пехотой, артиллерией, штабами, с удобствами жизни; были одни казачьи, кавалерийские; были мелкие, сборные, пешие и конные, были мужицкие и помещичьи, никому не известные. Был начальником партии дьячок, взявший в месяц несколько сот пленных. Была старостиха Василиса, побившая сотни французов.

Последние числа октября было время самого разгара партизанской войны[1].

Вопросы: Какие особенности войны 1812 года раскрывает Л. Н. Толстой? Как вы понимаете слова Л. Н. Толстого «дубина народной войны ... гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие...»?

* * *

Отрывок из стихотворения И. С. Никитина «Русь» используется в качестве своеобразной эмоциональной концовки изложения.

1812 ГОД.

Давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?
Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася.
И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь,
Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.
И в глухих степях
Под сугробами
Улеглися спать
Гости навеки.
Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури Севера
О них плакали[2].

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА.

Приехал Кутузов бить французов.
На француза и вилы ружье.
Француз боек, да русский стоек.
Отогрелся в Москве, а замерз на Березине.

Литература для внеклассного чтения:

Л. В. Никулин, России верные сыны. Исторический роман, М., 1958 (О заграничном походе русской армии в 1813—1814 гг.).

[1] Л. Н. Толстой, Война и мир, М., 1955, стр. 548—549, 552.
[2] И. С. Никитин, Русь, в кн. Сочинения, М., 1955, стр. 6—7.

Я. С. Рыкачев, Надежда Дурова (Повесть о подвигах героини Отечественной войны 1812 г.), М., 1960.

К. Осипов, Смерть фельдмаршала (Повесть о деятельности М. И. Кутузова), М., 1956.

И. А. Крылов, Волк на псарне, Ворона и Курица (басни).

С. Алексеев, Птица-слава. Рассказы об Отечественной войне 1812 г. (для младшего школьного возраста), Детгиз, 1962.

ДЕКАБРИСТЫ.

Стихотворение К. Ф. Рылеева «К временщику», разоблачающее «аракчеевщину», используется как образная характеристика Аракчеева и аракчеевщины.

«К ВРЕМЕНЩИКУ» (АРАКЧЕЕВУ).

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами, злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец,
Из уст твоих хула достойных хвал венец!
...О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
...Как не притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь:
Твои дела тебя изобличат народу:
Познает он, что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя, —
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство! [1]

Вопросы: Назовите характерные черты Аракчеева? Каковы последствия аракчеевщины?

АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ.

Ах, тошно мне
И в родной стороне,
Все в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать?
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?
...По две шкуры с нас дерут:
Мы посеем, они жнут,
И свобода
У народа
Силой бар задушена.
А что силой отнято,
Силой выручим мы то
И в приволье,
На раздолье,
Стариною заживем.
...А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде, —
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.
Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь,
То дороги,
То налоги
Разорили нас вконец.
...Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев,
Аракчеев,
И всему тому виной.
...А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
ведь с усами,
Так мотай себе на ус [1].

* * *

Революционная программа декабристов выражена в стихотворении декабриста Ф. Ф. Вадковского «Желания».

Желания.

(Вот за что хотели мы нашу кровь пролить):
Чтобы кровию той волюшку тебе купить,
Чтобы на Руси цепь народа разорвать,
Чтоб солдатушкам в службе век не вековать;
Чтоб везде и всем одинаковый был суд
И чтобы никто больше не слыхал про кнут,
Чтоб судили вслух, а не тайно, не тишком,
И чтоб каждому воздавалось поделом;
Чтобы всякий мог смело мыслить и писать,
Правду-матушку на весь мир провозглашать;
Чтобы твой народ сам собою управлял,

Чтобы на Руси повсюду школы основать,
С тем, чтобы мужичков не могли бы надувать;
Чтобы не было ни вельможей, ни дворян,
Дармоедов тех, что живут на счет крестьян [2].

Обсудить: Каковы были революционные цели борьбы декабристов?

* * *

В книге А. Слонимского «Черниговцы» освещается деятельность декабристов.

Запоминаются образы Пестеля, братьев Муравьевых-Апостолов, Рылеева, Бестужева-Рюмина, солдат Черниговского полка — Шутова, Шурмы и др.

В отрывке, приведенном в пособии, описывается выступление декабристов на Сенатской площади в Петербурге.

---

[1] К. Ф. Рылеев, Русские поэты XVIII—XIX вв., т. 1, М.—Л., 1940, стр. 703—704.

[1] К. Ф. Рылеев, Агитационные песни, Русские поэты XVIII—XIX вв., т. 1, Детгиз, М.—Л., 1940, стр. 703—704.

[2] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т, 3, Госполитиздат, 1951, стр. 11—13.

Рекомендуется подготовить драматизированный пересказ этого отрывка. Практикуются также сообщения учащихся.

Обсудить: В чем сильные и слабые стороны движения декабристов?

Восстание на Сенатской площади.

Пять рот Московского полка с барабанным боем и развернутыми знаменами маршировали быстрым шагом по Гороховой улице с криком:

— Ура, Константин!

— Ура, Константин! — отвечала толпа, наполнявшая тротуары с обеих сторон.

— Старайтесь, ребята! — раздавались голоса.— Крепко стойте за правду!

Все — и солдаты и народ — как-то чувствовали, что за именем Константина кроется что-то другое.

Впереди шествовали Александр Бестужев в блестящем адъютантском мундире, Михаил Бестужев и с обнаженной саблей князь Щепин-Ростовский. Эти мундиры, эти знамена, этот барабанный бой, эти стремительно марширующие ряды солдат — все это производило впечатление грозной силы. Все понимали, что совершается что-то небывалое.

...Сенатская площадь была пуста, когда подошел Московский полк. Не было никого из других частей, которые должны были присоединиться к восставшим. Не показывалось никакое войско и со стороны Зимнего дворца, где находился Николай.

В глубине площади забором огорожено было место постройки Исаакиевского собора. На набережной, между Исаакиевским мостом и Адмиралтейским бульваром, сложены были приготовленные для собора камни. За забором и около камней суетились плотники и каменщики. Услышав барабанный бой, они мигом высыпали на площадь. Иные влезли на забор.

Было девять часов. Над Невой и над площадью стоял утренний туман, как всегда бывает в Петербурге в это время года.

Перед фронтом и в рядах стояли члены тайного общества в штатском: Пущин в енотовой шубе, Кюхельбекер с длинным пистолетом, который торчал из-за пазухи, Каховский тоже с пистолетом.

Между тем кругом собралась тысячная толпа — большинство из простого народа, но были и одеты по-господски. Из толпы слышались возгласы:

— Ура, Константин!

— Держитесь, ребята!

— Гренадеры! — послышались вдруг радостные голоса.— Гренадеры! Ура!

В самом деле, с Адмиралтейского бульвара бежали гренадеры, продираясь сквозь правительственные войска, которые их не

трогали. Впереди с обнаженными саблями бежали Сутгоф и Панов. Громовое «ура» огласило площадь. Солдаты целовали и обнимали друг друга.

Через некоторое время из-под арки Галерной улицы показались моряки гвардейского экипажа, стройно маршировавшие под командой Николая Бестужева и лейтенанта Арбузова. Раздалась команда, и моряки — их было больше тысячи человек,— заходя справа налево, мимо расступавшегося перед ними народа, заняли при криках «ура» место позади гренадер и московской колонны, ближе к собору.

Был уже первый час. Войска были собраны все. Больше неоткуда было ждать подмоги. Надо было действовать. Но куда направить удар?

Николай отлично умел владеть собой. Он скрыл свой страх, почти ужас, перед тем, что совершалось в этот день. Его лицо было как холодная маска. Он всегда презирал человеческую мысль. Но теперь эта мысль распоряжалась войсками — говорила ружейными выстрелами и буйными криками «черни».

...Он постепенно окружал площадь войсками со всех сторон и, по мере того, как послушно исполнялись его приказания, чувствовал себя все более уверенно.

Однако исход борьбы был все-таки под сомнением. Любая случайность могла дать перевес восставшим. Обе стороны выжидали, не решаясь первыми перейти в наступление.

...С Невы дул холодный ветер. Небо заволакивалось тучами. Шел мелкий снег. Солдаты переминались с ноги на ногу. Они были без шинелей, мерзли и проголодались.

Три часа. По зимнему времени уже смеркалось. Над Невой и площадью стоял мглистый туман.

Николай скомандовал громким голосом:

— Пальба орудиями по порядку: первый фланг, начинай! Первая! ... Бакунин повторил команду, но фейерверкер как будто не слышал и стоял неподвижно с пальником в руке.

— Что же ты не стреляешь? — закричал Бакунин.

— Свои, ваше высокоблагородие,— еле слышно прошептал солдат. Бакунин в бешенстве соскочил с лошади и ударил солдата в лицо.

— Ежели бы я сам стоял перед дулом,— закричал он,— ты должен был бы исполнить команду!

И он, вырвав пальник, сам вложил его в затравку. Однако наводка взята было слишком высоко. Картечь градом застучала по стенам сената, почти не затронув солдат. Они отвечали беглым ружейным огнем. Второй залп ударил ниже, в самую середину колонны. Солдаты дрогнули и побежали. На площади раздавались стоны раненых[1].

---

[1] А. Слонимский, Черниговцы, Детгиз, 1961, стр. 167—173, 177—178, 180—181.

* * *

Чтобы донести до сознания учащихся симпатии народа, присутствовавшего на Сенатской площади, к восставшим, можно зачитать небольшой отрывок из книги Ольги Форш «Первенцы свободы».

Народ на Сенатской площади.

Огромная толпа народа была истинным участником событий на площади. С самого того дня, когда пришло известие о смерти Александра, улицы и площади стали многолюднее. Особенное оживление вызвала в городе весть о том, что первая присяга недействительна, а состоится вторая присяга — уже не Константину, а Николаю. Носились упорные слухи: в момент исполнения вторичной присяги объявлены будут всяческие льготы и сокращение срока солдатской службы.

К полудню все три площади — Адмиралтейская, Дворцовая, Петровская и прилегающие к ним улицы были забиты людьми. Народу, казалось, было больше, чем солдат.

Исаакиевский собор строился. У его подножия лежали груды бревен, гранитные плиты. Народ взбирался на камни, на штабеля бревен, зорко наблюдая за необычным поведением войска, и очень скоро понял сущность происходящего на площади.

Оболенского заинтересовало, из кого состоит толпа... Он обвел глазами нестройные, бурлящие ряды: много было рабочих, строивших собор, много дворовых, ремесленников. Немало было и крепостных, пришедших в город на заработки, простых женщин с ребятишками на руках.

И все они стояли вовсе не праздными зрителями, они были полны волнения и сочувствия.

Орлов приказал первым двум рядам конников ударить в атаку. Рейтеры рванулись вперед, но люди из толпы бесстрашно бросились к конникам, хватали лошадей под уздцы... Четыре раза эскадрон шел в атаку и четыре раза был остановлен выстрелами восставших и живой лавиной людей.

Николай подскакал к углу бульвара, хотел сам скомандовать. Из толпы ему крикнули с грубой руганью:

— Подойди-ка сюда, самозванец... Мы тебе покажем!

Николай поворотил коня.

И всякий раз, когда царь пытался приблизиться к монументу Петра, из толпы летели камни и поленья. Сломав палисадник, напротив собора, люди вооружились копьями, смерзшимися комьями земли и снега.

— Доброе дело... Кабы вы нам ружья,— помогли бы и мы одним духом переворотили бы! [1]

[1] О. Форш, Сочинения, т. III. Романы. Первенцы свободы, М., 1956, стр. 432—434.

Обсудить: Как народ относился к выступлению декабристов? Почему декабристы не привлекли его к восстанию?

Расправа с декабристами.

Пушкин в Тригорском развертывал свежеполученный номер «Северной пчелы». За последнее время полевые работы мешали поездкам в столицу, и новости к ним приходили лишь через газеты. И вот глаза его пали на манифест Николая: «...преступники восприняли достойную их казнь».—«Отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди его таившейся».— «Приговор Верховного Уголовного Суда, состоявшийся 11-го сего месяца о пятерых государственных преступниках, коих оным решено повесить, исполнен сего Июля 13-го дня поутру в 5-м часу всенародно, на валу кронверка Санкт-Петербургской крепости»

— Прасковья... Прасковья Александровна...— И он ничего не мог более выговорить, лист выпал из рук.

Прасковья Александровна тотчас подбежала, а через минуту рыдала уже, упав на диван: Сергей Иванович Муравьев-Апостол, за здоровье которого пили еще так недавно, в числе пятерых был повешен. Она откинулась на спинку дивана, прижав руки к глазам, но слезы сочились и между пальцами. Пушкин не видел ее и ничего не видел вокруг. Он большими шагами ходил от угла к углу, как зверь, которого захлопнули в клетке.

Так наступила и это развязка, томившая ожиданием несколько месяцев. И какая развязка! Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол, Каховский, Бестужев-Рюмин: всех пятерых он знавал! А Пущин? — Смертная казнь и по смягченью — Сибирь! Кюхельбекер? — Сибирь! И сколько еще: Александр Бестужев, и муж Марии Раевской — Волконский, и Якубович, Якушкин и много, много других! Первый его пароксизм быстро прошел. Но все ж он собою плохо владел. Он не ждал приговора такого сурового: пятеро были повешены, нескольких схватили за горло, да и только ли этих, не всех ли, кто мыслил и говорил — по своему разумению — на благо страны [1].

* * *

В заключение в качестве эмоциональной концовки читается одним из учеников стихотворение неизвестного автора:

ДЕКАБРИСТАМ.

Но вы погибли не напрасно:
Все, что посеяли, взойдет,
Чего желали вы так страстно,
Все в блеске радостном прийдет.

[1] И. А. Новиков, Избранные сочинения, т. 2, Пушкин в изгнании, кн. 2, М., 1955, стр. 351, 352.

Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род:
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ.
В победный день, в день славной тризны,
Свершится роковая месть,
И снова пред лицом отчизны
Заблещет ярко ваша честь [1].

Литература для внеклассного чтения, читательской конференции:

А. Гессен, Во глубине Сибирских руд, М., 1963.

М. Марич, Северное сияние, М., 1952. (О движении декабристов, о восстании на Сенатской площади и Черниговского полка на Украине.)

С. Н. Голубов, Из искры — пламя. Роман, М., Детгиз, 1950.

Ю. Калугин, Жена декабриста, Киев, 1963.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАКАВКАЗЬЯ К РОССИИ.

Присоединение Закавказья к России имело большое прогрессивное значение для развития производительных сил, просвещения, науки и искусства. Но вместе с тем оно открыло новые возможности для колонизаторских действий царизма.

«Раны Армении» — первый армянский роман Х. Абовяна на родном языке.

Х. Абовян повествует о тяжких страданиях армян под властью персов. Не было никаких писаных законов, деспотическая воля персидского правителя — сардара, его прихоти были законом.

Армянский народ, верный своим героическим традициям, привыкший мечом и созидательным трудом противостоять разрушительным нашествиям своих многочисленных врагов, не был сломлен персидским игом, не примирился со своей участью. В душе народа — ненависть к поработителям, и Абовян показал в «Ранах Армении», как разгоралось пламя освободительной борьбы.

Время действия романа — канун русско-персидской войны 1826—1828 гг. и присоединения Армении к России.

Хачатур Абовян пророчески предсказал вечность и нерушимость дружбы между русским и армянским народами. Абовян страстно любил русский народ, носителей его передовых идеалов, великую и могучую русскую литературу, формировавшуюся в тот период под идейным воздействием великого В. Г. Белинского. Имя Хачатура Абовяна — это символ вековой русско-армянской дружбы.

---

[1] «Героизм революции». Историко-литературная хрестоматия XIX и XX вв., сост. Л. Н. Войтоловский, т. 1, М., 1927, стр. 133.

Из приведенных двух отрывков первый используется на уроке для подготовки небольшого сообщения, второй — выразительно зачитывается учителем или учащимися.

В первом отрывке из романа «Раны Армении» описываются бедствия армянского народа под властью персидского правителя, во втором — свержение ига жестоких угнетателей и установление мирных дружеских отношений с русским народом.

Отрывки дают материал для конкретизации изложения.

Насилия персидских правителей.

А если бы вы знали, что враги нашей веры с нами творят, вы бы все на свете забыли. Каждый бек, каждый хан, когда приезжает к святому престолу, ставит нас на огонь, вроде как на вертеле поджаривает. Сколько их ни корми, ни пои, никак их утробы не насытишь: ни почестями, ни подарками взора их не умилостивишь. Неделями, случается, сидят у нас. Все им даем, чего ни потребуют, а они все недовольны. А когда сардар или Гасан-хан приезжают, так словно небеса над нами разверзаются, — такая поднимается суматоха, что уж никто ничего разобрать не может, уж больно много волков сразу наваливается. Ведь непременно по четыреста, а то и по пятьсот человек с собой приводят, без стеснения лезут прямо в дом, — разве их остановишь?

Сердца сардара и ханов мы еще кое-как подарками да деньгами задабриваем, — и католикос, и епископы и днем и ночью вокруг них хлопочут. Но что творят с несчастными простыми монахами и служанками, врагу своему не пожелаю! Грозят палкой, шашкой, ругают их целый день так и сяк, бьют — и чего только ни требуют! То коней не туда поставили да не так корму им задали. Поднесешь им самое их любимое, а они говорят: не годится. Наших коней и скотину вон выгоняют. А уж свиней — так беда! Как увидят, так и давай разрубать шашкой пополам — ведь они, известно, враги свинины. Хлеб, нами испеченный, кушанье, нами сваренное, мясо нашего убоя, даже вещь, к которой мы прикоснулись, — все у них считается поганым. В амбары лезут, в погреба, — все сами — двери высаживают, хватают, что хотят, и непременно собственными руками, сколько при этом повысыплют! Топчут, ломают, крушат, портят — заберут и вынесут, изготовят сами по своему вкусу и опять к нам пристают.

Персы заполнили церковь. У отправлявших литургию язык отнялся. Тут уж не смотрели, кто стар, кто мал. У кого достало в ногах проворства, в теле силы, те все вылетели стремглав и скрылись, кто куда. А кто не мог, те остались на месте и стояли как вкопанные, окаменев, застыв. Куда ни глянь, везде раскраивались черепа, крошились зубы. Не знающие совести персы не щадили ни храма божьего, ни людей. Ружейными прикладами они притиснули всех к стене, набросились на лепту церковную —

утварь всякую, кресты, евангелия, все, что было в храме, разгромили, разбросали, где видели ризы, кадильницы, что-либо похожее на серебро, — все срывали, ломали, хватали и швыряли под ноги.

Плач детей, молодых женщин и девушек на улицах мог бы камни растрогать, исторгнуть у них слезы. Многие испускали дух под копытами лошадей, иные от страха и ужаса тут же падали мертвыми; иных ничком тащили по земле или, схватив за волосы, волокли за конем, по камням, — да сгинет тот день и не вернется! Что только творилось в Ереване! [1]

Вопрос: Какие насилия терпел армянский народ?

«Взор армянина не увидит больше слез».

Всем известно, что когда Карабах был освобожден от врага, Абаран и Ереван стали поприщем подвигов и мужества храброго русского сердца.

Персы умели только разрушать, — теперь мы увидели созидание и мир.

Другим сперва отдавали мы свою кровь, потом свой город, своих жен; русским — наоборот; сначала подносили ключи от города, потом вверяли им дом и семью.

Бог внял слезным мольбам армян, денно и нощно просившим, чтобы он послал им увидеть когда-нибудь воочию русских и лишь тогда сойти в могилу, чтобы исполнил их просьбу.

Сила русского человеколюбия смягчили и самые скалы, — пустынные, безлюдные поля Армении заселились людьми, пользующимися ныне попечением русского народа, восстанавливающими вновь свою священную страну.

Тоскующий взор армянина не увидит более слез; он видит свою родину, — на лоне ее возрастет армянское племя, насладится ее любовью и слепым завистникам делами своими покажет, что армянский народ не денег ради и не из-за выгоды преклоняется перед именем русской державы, но стремится исполнить обет своего сердца — для защитника веры его и народа не жалеть ни крови, ни жизни, ни родных детей!

Ереван почувствовал крылья, когда русское войско в него вступило. Звон колоколов Эчмиадзина, благоухание его ладана и свечей донеслись до самого неба.

Сотни разных песен — армянских и тюркских — распевались в кварталах и ущельях Еревана, и ныне еще пятилетний мальчик, когда ему весело, прикладывает ко рту руку и поет именно их.

Русские показали ныне врагу своему, даже столь презренному, что, куда бы ни ступала их нога, везде должны быть счастье и мир [2].

[1] Х. Абовян, Избранное, М., 1948, стр. 68—70.
[2] Там же, стр. 135, 137.

Вопрос: Что несли русские люди, по мнению писателя-современника, в села и города Армении?

Царская Россия в середине XIX века.

В повести В. Ковалевского «Хозяин трех гор» изложена история семьи московских промышленников Прохоровых с конца XVIII века и до 30-х годов XIX в. Автор рассказывает о развитии текстильной промышленности и ее техническом перевооружении, о возникновении фабрик и формировании пролетариата.

Фабрики идут на смену мануфактурам.

Неожиданно в Москве появился в продаже ситец машинного производства. Фабрикацию этого товара начали владельцы вновь отстроенного ситценабивного заведения Вебер и Бетипаж. Они привезли из-за границы несколько медных цилиндров с выгравированным на них узором. При помощи конного привода цилиндры вращались наподобие каландры, вращаясь, цилиндры нажимали на проползавшую под ними дорожку миткаля и отпечатывали на ней свой рисунок.

Набойщиков взяла оторопь. То, что требовало от них несколько дней сосредоточенного труда, машина успевала сделать в несколько минут. Одна машина заменяла 100 набойщиков.

...И вот, через несколько месяцев после смерти отца, Тимоша Прохоров в 1816 году пустил в ход свою собственную ткацкую фабрику.

Прохорова с новой силой охватил зуд к расширению дела.

Пора ставить цилиндры на Трех Горах. Надо снижать цены на свои товары, иначе новых рынков не получить и не удержать старые. И не только цилиндры, пора думать об английском механическом ткацком станке, — ведь станок вплетает 100 ниток в одну минуту, а лучший ткач только 60. Если такими станками оснастить свой корпус, то половину ткачей можно будет прогнать, они станут лишними. Еще больше обещает выгоды применение к станкам жаккардовой машинки для узорного тканья. Вместо трех-четырех ткачей, считающих по команде старшего нитки основы, чтобы пропустить челнок сообразно рисунку узора, жаккардова машинка приподнимает нужные нитки сама!

«Пора, пора! — ободрил себя Прохоров. Аббат Осовецкий уже в 1805 году применил в Санкт-Петербурге первый в России паровой двигатель, а жаккардова машинка появилась в 1823 году и в Москве. Особенно радовало Прохорова, что благодаря Жаккарду фабриканты во Франции «сбили спесь» с ткачей и снизили их заработок в течение немногих лет с двадцати франков до шести!

Нет, не зарастут Три Горы крапивою! Скоро и здесь зашипит паровой котел, застучат машины, и подгоняемые этими машина-

ми тысячи мастеровых будут обогащать еще несколько поколений жадных стяжателей [1]:

Вопросы: Что побуждало промышленников заменять ручной труд машинами? В каких условиях работали и жили московские текстильщики?

* * *

Промышленный переворот, начавшийся в 30-е годы XIX века, распространился и на транспорт. В 1833—1834 гг. отец и сын Черепановы, крепостные механики, построили на Нижне-Тагильском заводе первую в России железную дорогу и изобрели паровоз.

Жизни и деятельности Черепановых, этих талантливых механиков-самоучек, посвящена повесть А. Бармина «Тагильские мастера». В отрывке, взятом из этой повести, дается описание испытания «сухопутного парохода» (паровоза), созданного Черепановыми для доставки медной руды на Выйский завод. Этот отрывок используется учащимися для подготовки сообщения-миниатюры.

Паровоз.

Он решил построить паровую телегу.

Мысль эта пришла ему в голову, когда он наблюдал доставку медной руды от рудника на Выйский завод. В год перевозилось больше миллиона пудов, а доставка производилась на конных двухколесных тележках. В холод и в распутицу по разъезженной ухабистой дороге, рассыпая драгоценную руду, тянулись вереницы тележек. Одна паровая телега может тянуть целый обоз тележек с рудой или металлом. Мирон начал работать над своей «паровой телегой» в 1829 году.

Рельсовые пути, или, как их называли, «колесопроводы» Мирону не было надобности изобретать. На уральских рудниках рельсы применялись с давних пор для откатки тележек с рудой.

Никогда не работали Черепановы с таким увлечением и так успешно, как в 1834 году. Трудясь над «сухопутным пароходом», они успевали изготовить в своем заведении оборудование для других демидовских промыслов. Строили золотопромывальные машины, доменные мехи, готовили проект лесопильной мельницы с круглой пилой и с паровым двигателем. Еще минута ожидания, и в рамке ворот появился сухопутный пароход — машина невиданная, ни на что не похожая, с высокой дымящейся трубой, сверкающая начищенными бронзовыми частями. На площадочке у рукояток стоял Мирон Черепанов.

Пыхая паром, мелькая спицами колес, пароход прокатил мимо молчаливой толпы. На Мирона смотрели с восторгом как

[1] В. Ковалевский, Хозяин трех гор, изд. «Московский рабочий», 1947, стр. 114—117, 119—121, 251.

на храбреца, усмирившего Змея-Горыныча, и с жалостью, как на обреченного человека.

Миновав толпу, Мирон передвинул какую-то рукоятку, клуб пара вылетел из трубы, машина ускорила ход.

Мирон довел машину до тупика и дал задний ход. Обратно машина летела очень быстро. Площадочка механика теперь была впереди, и Мирон стоял спиной к котлу, лицом вперед, подставив ветру свою курчавую рыжеватую бороду, радуясь быстроте. Он словно забыл о рукоятках управления, доверился вполне своей чудесной машине. Полоски колесопроводов убегали ему под ноги.

Народ поразила больше всего эта неподвижная фигура механика на катящемся пароходе. И верно, самокат. Уральцы редко выражают свои чувства, — особенно когда они удивлены необычайностью зрелища. Не было и теперь ни криков одобрения, ни бросания шапок о землю. Только женщины дружно закрестились, да учитель Катетов, обернувшись к соседу и подняв вверх палец, сказал с восхищением.

— Четыре атмосферы.

Следующий рейс пароход сделал с прицепной повозкой пудов на двести груза [1].

Обсудить: Как тагильские рабочие встретили изобретение Черепанова? Какое значение имело изобретение паровоза в России?

* * *

О строительстве железнодорожной магистрали, соединившей Петербург и Москву, рассказывается в книге А. Августынюка «Дорога на Москву».

В книге правдиво описываются величайшие трудности, которые пришлось преодолеть, каторжный труд крестьян на строительстве железной дороги.

Учитель использует этот текст в сочетании с отрывками из поэмы А. Некрасова «Железная дорога».

Познавательная задача: В каких условиях жили и работали строители железной дороги?

«А по бокам-то все косточки русские...»

Величайшую в мире железнодорожную магистраль Петербург — Москва строили под руководством инженеров сотни тысяч крепостных крестьян. Тяжел был их труд и горька была их доля. Недаром говорят, что железная дорога Петербург — Москва построена на крестьянских костях.

Замечательный русский поэт Николай Алексеевич Некрасов в стихотворении «Железная дорога» показал великий героизм

[1] А. Бармин, Тагильские мастера, изд. «Молодая гвардия», Л., 1949, стр. 75—77, 110, 120—122.

русских крестьян, которые построили прекрасную железную дорогу.

...Стараясь для богатого хозяина, надсмотрщики и приказчики заставляли крестьян работать день и ночь. Они обирали крепостных на каждом шагу в пользу подрядчика и, конечно, в свою пользу.

Покупая крестьян у помещика, вербовщик, посланный подрядчиком, обещал хорошие жилища, сытное питание, одежду, медицинское обслуживание и плату от 17 до 35 рублей серебром за 6 месяцев работы.

Крестьяне слушали сладкие речи вербовщика и думали, что за 35 рублей можно немного поправить свое хозяйство и приобрести кое-какие обновы ребятишкам. И стоит из-за этих денег помучиться, пойти пешком за сотни верст по грязи и слякоти. Ведь там, на месте работ, их ждут просторные светлые дома и сытная пища.

Помещик смеялся. Попробуй скажи крестьянам сейчас правду, чего доброго, сбегут прямо из деревни. Там, на стройке, от нагаек надсмотрщиков никуда не убежишь... А с нагайками крестьяне познакомились еще в пути.

«Ничего, — думали они, вынося побои. — Придем, пожалуемся начальству. Оно разберет, кого бить, а кого жаловать надо».

И только придя на место работы, крестьяне поняли, что пришли на страшную каторгу.

Больших, светлых домов, конечно, не было. Крестьяне сами строили для себя шалаши из ивовых прутьев или из бересты, рыли землянки.

В шалашах и землянках было грязно, холодно, в них всегда стояла вода и кишели насекомые.

Рабочую одежду нужно было покупать за свой счет.

Питание состояло из хлеба, испеченного пополам с мякиной, гнилой нечищеной картошки и гнилого мяса, по которому ползали черви.

Но даже и эту «пищу» давали не всегда. В «постные» дни, когда по церковным правилам запрещалось есть мясо, выдавали горсть конопляного семени.

Бывали дни, кода подрядчик не присылал продуктов. И тогда крестьяне варили траву — лебеду и крапиву, ели кору. А пили сырую ржавую болотную воду.

Работать заставляли от зари до зари, чтобы выполнить непосильные нормы.

...Облепленные глиной доски тянулись наверх будущей насыпи. Тяжело дыша, люди толкали вперед нагруженные тачки. Остановиться нельзя было: сзади напирали другие тачечники.

Обливаясь потом, медленно толкали они тачку кверху, а крючники зацепляли их крюком и втаскивали на гору.

Не выдержат руки голодного человека страшного напряжения, и падает он вниз вместе с тачкой, увлекая за собою сбитых с ног товарищей [1].

* * *

В условиях углубления кризиса феодально-крепостнического строя усилились антикрепостнические выступления крестьян. Одной из распространенных форм борьбы крестьян против помещиков в середине XIX века являлись поджоги помещичьих усадеб и убийства жестоких крепостников. Мужественная борьба крестьян воспета в стихотворении И. С. Никитина «Мщение» и народной песне о Кармелюке. Отрывок из песни о Кармелюке поможет раскрыть основные цели и формы борьбы крестьян против помещиков-крепостников.

Вопросы: Что побуждало крестьян подниматься на борьбу с крепостниками?

В каких формах велась эта борьба?

МЩЕНИЕ.

Поднялась, шумит
Непогодушка
Низко бор сырой
Наклоняется.
Ходят, плавают
Тучи по небу,
Ночь осенняя
Черней ворона.
В зипуне мужик
К дому барскому
Через сад густой
Тихо крадется.
Он идет, глядит
Во все стороны,
Про себя один
Молча думает:
«Вот теперь с тобой,
Барин-батюшка,
Мужик-лапотник
Посчитается,
Хорошо ты мне
Вчера вечером
Вплоть до плеч спустил
Кожу бедную
...Знаю, ты у нас
Сам большой-старшой,
И судить-рядить
Тебя некому
Подошел мужик
К дому барскому,
Тихо выломил
Раму старую.
Поднялся, вскочил
В спальню темную,—
Не вставать теперь
Утром барину...
Через сад домой
Мужик крадется,
У него лицо
Словно белый снег.
Он дрожит, как лист,
Озирается,
А господский дом
Загорается [2].

ПЕСНЯ О КАРМЕЛЮКЕ.

В Головчинцах на базаре
Есаул гуляет
И крестьян всех на барщину
Палкой загоняет.
Стонут люди, плачут дети,
Пана проклиная;
«Наказал бы его бог,
Горя б мы не знали».

---

[1] А. Августынюк, Дорога на Москву, Детгиз, 1951, стр. 73—76.

[2] И. С. Никитин, Собрание произведений, изд. «Советский писатель», 1947, стр. 44—45.

Кармелюк же встал на возе,
Бедных призывает
И за волю, против панов,
Биться приглашает:
«Эй, крестьяне подневольны,
Хватит жизнь губить,
Вилы, косы вы берите,
Панов будем бить!
Все подымемся, восстанем,
Господ будем бить
Что б от них Украйну милу
Нам освободить».
И восстали все крестьяне,
Косы в руки взяли,
Перетрусили тут баре,
С земли убежали [1].

В книге Т. Ивановой «Юность Лермонтова» описаны студенческие годы Белинского, показаны его идейные взгляды, общественно-политическая борьба, раскрыто идейное содержание драмы «Дмитрий Калинин».

Материал используется для конкретизации рассказа.

Белинский во главе студенческого общества.

Белинский — типичный представитель московской передовой молодежи тридцатых годов. «Мученик своих сомнений и мыслей, энтузиаст, поэт в диалектике, оскорбленный всем, что его окружало, он таял в муках. Этот человек трепетал от негодования и содрогался от бешенства при бесконечном зрелище русского самодержавия». Его натура бойца разгоралась в спорах. Казалось, он готов был вызвать на битву всех, кто противоречил его убеждениям. Со свойственной ему горячностью, Белинский мог вспыхнуть и прослезиться от всякой прекрасной мысли и благородного поступка. Кипя негодованием, своим трепещущим, прерывающимся, судорожным голосом он громил пошлость, фальшь, умственное ничтожество. «Увлекаясь пылкостью, — вспоминает товарищ Белинского по общежитию, — он едко и беспощадно преследовал все пошлое и фальшивое, был жестоким гонителем всего, что отзывалось риторикою и литературным староверством». В «11-м нумере», где он жил, споры были особенно бурные и молодежь, населявшая эту комнату общежития, была особенно непокорной, так что университетское начальство прозвало ее «зверинцем».

Осенью и зимой 1830 года, во время холеры, в «11-м нумере» было организовано «литературное общество». Его инициатором был Белинский. Здесь на заседаниях он читал свою романтическую лирическую драму «Дмитрий Калинин». Она вызвала резкое столкновение Белинского с университетским начальством. Сочинение было признано безнравственным, бесчестящим университет. За Белинским был установлен особый надзор, а некоторое время спустя последовало исключение.

[1] Сб. «Народ про Кармелюка», Киев, 1961, стр. 111.

Драма юного Белинского содержит резкий протест против социального гнета. Равенство людей во имя высокого имени человека, вне зависимости от прав рождения и богатства, — вот основной идейный стержень драмы. С защитой прав человеческой личности выступает на ее страницах главный герой — сын крепостной крестьянки Дмитрий Калинин. Его устами говорит сам автор [1].

Обсудить: Что было присуще В. Г. Белинскому как представителю передовой молодежи?

* * *

В своей книге «Воспоминания» писательница А. Я. Панаева, рассказывая о писателях России, которых ей пришлось видеть в своем доме в сороковые годы XIX в., много внимания уделяет В. Г. Белинскому. Несмотря на отдельные неточности в ее книге имеется множество интересных эпизодов из жизни выдающихся деятелей того времени.

Крепостное право — злокачественный нарыв.

В нашем кружке все считали крепостное право бесчеловечным, но относились к помещичьей власти пассивно, так как большинство состояло из помещиков... Встречались и такие помещики в кружке, которые из гуманности своих воззрений считали долгом иметь непосредственные сношения с своими крепостными мужиками и жили в своих имениях, наезжая только зимой в Петербург...

Раз гуманный помещик долго ораторствовал о своей борьбе с чиновниками и сказал:

— Меня утешает одно, что на меня мои мужики смотрят как на родного отца их.

— А я не верю в возможность человеческих отношений раба с рабовладельцем! — возразил Белинский. — Рабство такая бесчеловечная и безобразная вещь и такое имеет развращающее влияние на людей, что смешно слушать тех, кто идеальничает, стоя лицом к лицу с ним. Этот злокачественный нарыв в России похищает все лучшие силы для ее развития. Поверьте мне, как ни невежествен русский народ, но он отлично понимает, что для того, чтобы прекратить его страдания, нужно вскрыть этот нарыв, очистить заражающий, скопившийся в нем гной. Конечно, может, наши внуки или правнуки будут свидетелями, как исчезнет этот злокачественный нарыв: или сам народ грубо проткнет

[1] Т. Иванова, Юность Лермонтова, изд. «Советский писатель», М., 1957, стр. 138, 140, 143, 144, 146, 147.

его, или умелая рука сделает эту операцию. Когда это совершится, мои кости в земле от радости зашевелятся!

Лицо Белинского имело при этом какое-то вдохновенное выражение.

Гуманный помещик заметил ему:

— Вы говорите о будущем, а я — о настоящем...

— А вы не высасываете пот и кровь из своих крепостных? Да что об этом толковать! Позорное рабство никакими красками не прикрасишь.

Гуманный помещик разгорячился и возразил:

— Без подготовки нельзя дать свободу русскому мужику, это все равно, что дать нож в руки ребенку, который едва умеет стоять на ногах, он сам себя порежет.

— Пусть его порежется сам, лишь бы его не пытали другие, вырезывая по куску мяса из его тела да еще хвастая, что эту пытку делают для его же блага.

Гуманный помещик быстро встал... Затем он взял шляпу, простился со всеми и ушел. По его уходу все набросились на Белинского, обвиняя его в резкости.

Белинский расхаживал по комнате и вдруг, остановившись, произнес:

А глядишь, наш Лафайет,
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей!

— Давно меня мутило слушать этого краснобая помещика, и я вовсе не сожалею, что оборвал его нахальное хвастовство. Пусть знает, что не всех можно дурачить!

* * *

Стихотворение Н. А. Некрасова «Памяти Белинского» используется на уроке как эмоциональное обобщение материала об общественной деятельности В. Г. Белинского.

ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО.

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет[1].

Вопрос: Почему поэт считает, что подвиг Белинского надолго сохранится в памяти людей?

[1] Н. А. Некрасов, Детиздат, М.—Л., 1938, стр. 63.

* * *

Одним из первых произведений А. И. Герцена, напечатанных Вольной русской типографией (организована им в Лондоне в 1853 г.), была статья «Крещеная собственность».

Безграничная любовь автора к России, к русскому народу, разоблачение грабительской сущности крепостничества, гневный протест против насилий и жестокостей помещиков-крепостников — таково основное содержание этой статьи.

А. И. Герцен о крепостном праве.

С детских лет я бесконечно люблю наши села и деревни, и готов был целые часы, лежа где-нибудь под березой или липой, смотреть на почернелый ряд скромных, бревенчатых изб, тесно прислоненных друг к другу, лучше готовых вместе сгореть, нежели распасться, слушать заунывные песни, раздающиеся во всякое время дня, вблизи, вдали... С полей несет сытным дымом овинов, свежим сеном, из лесу веет смолистой хвоей и скрипит запущенный колодезь, опуская бадью, и гремит по мосту порожняя телега, подгоняемая молодецким окриком...

В нашей бедной, северной, долинной природе есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему сердцу. Сельские виды наши не задвинулись в моей памяти ни видом Сорренто, ни Римской Кампаньей, ни насупившимися Альпами, ни богато возделанными фермами Англии. Наши бесконечные луга, покрытые ровной зеленью, успокоительно хороши, в нашей стелющейся природе что-то мирное, доверчивое, раскрытое, беззащитное и кротко грустное. Что-то такое, что поется в русской песне, что кровно отзывается в русском сердце. И какой славный народ живет в этих селах! Мне не случалось еще встречать таких крестьян, как наши великорусы и украинцы.

...При всем том половина нашего сельского населения гораздо несчастнее западного, мы встречаем в деревнях людей сумрачных, печальных, людей, которые тяжело и невесело пьют зеленое вино, у которых подавлен разгульный славянский нрав, — на их сердце лежит, очевидно, тяжкое горе.

Это горе, это несчастье — крепостное состояние.

Сельский пролетарий и крепостной мужик — два страшные обличителя двух страшных неправд нашего времени...

...Две России с начала XVIII столетия стали враждебно друг против друга. С одной стороны, была Россия правительственная, императорская, дворянская, богатая деньгами, вооруженная не только штыками, но всеми приказными и полицейскими уловками, взятыми из Германии.

С другой — Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая врасплох, побежденная, собственно, без боя. Что же тут удивительно, что императоры отдали на раздробление своей России, придворной, воен-

ной, одетой по-немецки, образованной снаружи, — Русь мужицкую, бородатую, не способную оценить привозное образование и заморские нравы, к которым она питала глубокое отвращение. Чего им было ее жалеть? [1]

Вопрос: За что Герцен любил Россию и почему выступил в защиту трудового народа?

* * *

В отрывке из повести А. Слонимского «Черниговцы» приведен широко известный эпизод из жизни юных А. И. Герцена и Н. П. Огарева. На Воробьевых горах, «в виду всей Москвы» они поклялись посвятить свою жизнь революционной борьбе. Эту, по словам А. И. Герцена, «Аннибалову клятву» они свято выполнили.

Подумать: Какова была основная идея их клятвы?

Клятва на Воробьевых горах.

Саша уже стоял на ногах. Ник вскочил тоже. Оба были взволнованы. Им нужно было двигаться, что-то делать. — Туда, наверх! — крикнул Саша, и оба помчались на гребень Воробьевых гор...

Садилось солнце, купола блестели, облитый вечерним заревом город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок обдувал их разгоряченные лица.

— Как грустно смотреть на закат солнца... — задумчиво промолвил Ник. — Кажется, что оно уходит навсегда...

— Нет, Ник, — возразил Саша, — солнце вновь взойдет завтра и вновь озарит и поля, и леса, и эту реку... «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» — звонко провозгласил он слова Пушкина.

Последний краешек солнца исчез за дальними полями. Окрестность пылала в красных лучах заката. Юноши поглядели друг на друга. Что-то разом закипело в груди: одна мысль, один порыв... — Ник... — Саша...

— Поклянемся сейчас, вот в эту прекрасную минуту, отдать жизнь на избранную нами борьбу! Хочешь, да?

Они подняли правую руку, как для присяги, и, отчеканивая каждое слово, повторяли вместе в каком-то торжествующем восторге:

— Клянемся именем мученников — героев Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина, Петра Каховского посвятить жизнь на завоевание свободы для несчастного отечества! Мы поднимем знамя, выпавшее из ваших рук, мученики-герои, и понесем его в потомство. Ваши святые имена будут сиять нам путеводной звездой. Клянемся идти по вашим стопам и пребудем верны нашей клятве. Погибнем, но не изменим? Клянемся, клянемся, клянемся! [1]

* * *

Отрывки из книги Н. Богословского «Жизнь Чернышевского» позволяют наиболее полно раскрыть образ Н. Г. Чернышевского — великого революционера-демократа, понять силу его личного обаяния, разносторонность и глубину его интересов, силу его революционных убеждений. Отрывок можно зачитать в классе

Н. Г. Чернышевский — учитель.

Первые же уроки Николая Гавриловича поразили учеников своей новизной и необычностью. В затхлую атмосферу казенщины, муштры и формализма ворвался свежий ветер. Устаревший учебник Чернышевский заменил живой, увлекательной беседой, подробным разбором лучших произведений русской литературы.

Молодой учитель читал и разбирал с учениками сочинения Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Об этих писателях тогдашние гимназисты имели самое смутное представление или вовсе ничего не знали. Детальный разбор их произведений позволял Чернышевскому касаться в беседах с учениками и тех язв, которые разъедали тогда русское общество. Крепостное право, суд, система воспитания и т. п.; «запретные» темы становились предметом обсуждения в классах Чернышевского.

Чернышевский стремился пробудить в слушателях и сознание гражданского долга, и чувство сострадания к угнетенным.

Разбирая стихотворение Лермонтова «Три пальмы», Николай Гаврилович хотел показать ученикам, что прекрасна не только его форма, но и смысл его благороден и трогателен. Пересказав сюжет этого стихотворения, он закончил разбор так:

— Пальмы погибли...
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

Жаль этих прекрасных пальм, не правда ли? Но что ж, ведь не век было расти и цвести им — не ныне, так завтра... и умерли бы они... смерти не избежит никто. Так не лучше ли умереть для пользы людей, нежели бесполезно? Да, когда хорошенько подумаешь обо всем этом, невольно скажешь: хороша жизнь, но самое лучшее счастье — не пожалеть, если надобно, и самой жизни своей для блага людей!..[2]

---

[1] А. И. Герцен, Сочинения, Крещеная собственность, т. 12, изд. АН СССР, М., 1957, стр. 97—98.

[1] А. Слонимский, Черниговцы, Детгиз, 1961, стр. 257.
[2] Н. Богословский, Жизнь Чернышевского, Детгиз, М., 1958, стр. 11.

* * *

Книга С. Заречной «Предшественник» посвящена описанию деятельности революционеров-демократов 60-х годов XIX века, во главе которых стоял Н. Г. Чернышевский.

Приведенный отрывок из книги раскрывает подготовку к крестьянской революции и планы преобразования России, разработанные революционерами-демократами 60-х годов XIX века.

Суд истории.

«Подымается и растет на свет новая Россия, крепко подкованная на трудный путь, закаленная в нужде, горе и унижении, тесно связанная жизнью с народом, образованием, с наукой».

Так восторженно приветствовал Герцен рождение новой России. Так горячо призывал лучших сынов ее следовать по славному пути, предначертанному их вождем и учителем Чернышевским. Этот скорбный, полный самоотречения, но единственно победоносный путь Чернышевский избрал еще в юности.

«У нас скоро будет бунт, а если он будет, я непременно буду участвовать в нем»,— предостерегал он свою невесту.

И уже в те ранние годы Чернышевский отмежевывался от либералов. «Меня не испугают ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня», — говорил он уже тогда. Эти слова он пронес через всю свою жизнь, через бурные... годы. Он провозглашал их на вершинах успеха и славы, в разговоре революционной борьбы. Он остался им верен и на эшафоте, у позорного столба.

Эти пророческие слова стали программой действий для всех тех, которые откликнулись на его призыв и пошли за ним. И, отрекаясь от былых либеральных заблуждений, сам Герцен последовал за своим бывшим учеником.

«Средь ужасов нас окружающих, средь боли и унижения нам хочется еще и еще раз повторить, что мы с ними, — писал великий изгнанник, — что мы живы духом и не хотим больше ни исправлять неисправных, ни лечить неизлечимых».

Его уже не останавливали неизбежные жертвы на тернистом революционном пути.

«Зерна царского посева не пропадают на каторге, — писал он. — Они прорастают толстые тюремные стены и снегом покрытые рудники» [1].

* * *

Н. А. НЕКРАСОВ «ЧЕРНЫШЕВСКИЙ».

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.
Но любит он возвышенней и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»
Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...
Его еще покамест не распяли,
Но час прийдет — он будет на кресте...[1]

[1] С. Заречная, Предшественник, М., 1952, стр. 385—386.

Обсудить: Каким путем революционеры-демократы во главе с Н. Г. Чернышевским предполагали преобразовать Россию?

Чем их деятельность отличалась от деятельности декабристов и А. И. Герцена?

На чем была основана их глубочайшая вера в неизбежность революции в России?

Почему Н. Г. Чернышевский считается вождем второго поколения русских революционеров?

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853—1855 гг.

О героических и незабываемых буднях обороны Севастополя проникновенно и образно рассказано в книгах С. Сергеева-Ценского («Севастопольская страда»), Б. Могилевского («Жизнь Пирогова»), С. Григорьева («Малахов курган»), Л. Н. Толстого («Севастопольские рассказы»). Отрывки из этих книг конкретизируют и оживляют изучение темы. Используя эти книги, учитель сможет донести до сознания каждого из учащихся массовый героизм русских солдат, матросов, энтузиазм и выдающиеся способности адмиралов Корнилова, Нахимова и других руководителей обороны.

Отрывки цитируются при рассказе об обороне Севастополя. Два из них (о Корнилове и Нахимове) можно с успехом использовать для подготовки сообщений-миниатюр.

Над чем подумать: Какие моральные качества были проявлены солдатами, матросами и их выдающимися руководителями при защите Севастополя? Почему Россия, несмотря на героизм солдат, матросов, потерпела поражение в Крымской войне?

Желательно так организовать работу, чтобы ответы учащихся были подтверждены конкретными примерами из текстов.

«Умрем за родной город».

В неописуемо трудных условиях воздвигали героические защитники Севастополя грозные для врага бастионы.

По вине беспечного главнокомандующего Меншикова в городе не оказалось даже железных лопат и кирок. Защитникам ба-

[1] Н. А. Некрасов, Стихотворения, Детиздат, М.—Л., 1938, стр. 233.

стионов приходилось копать каменистую севастопольскую землю деревянными лопатами!

В 6 часов утра 5 октября началась ожесточенная бомбардировка. В несколько минут все было затянуто таким густым дымом, что солнце едва просвечивало сквозь мглу. В городе начались пожары. Севастопольцы бросились тушить очаги огня. Нахимов постоянно бывал на бастионах. Он учил молодых солдат точнее наводить орудия на цель. Не раз раздавалась команда стрелять реже: в пылу боя артиллеристы не давали отдыха орудиям. Для охлаждения стволов приходилось поливать их водой. Раздался адский грохот на французских батареях — и темный столб дыма поднялся в небо: это взорвался пороховой погреб, за ним вскоре — второй. Огонь с французских батарей стал понемногу стихать. Но тут англичане усилили бомбардировку Корабельной стороны.

Защитники Севастополя не дрогнули в этот день страшного испытания. Они знали, что с ними их славные боевые командиры — Корнилов и Нахимов. Все помнили появление адмирала Корнилова перед гарнизоном Севастополя, когда в наступившей тишине на площади, где выстроились севастопольцы, раздался его голос:

— Товарищи! (да, именно это дорогое слово «товарищи» произнес адмирал). На нас лежит честь защиты Севастополя, защиты родного нам флота! Будем драться до последнего! Отступать нам некуда, сзади нас море. Всем начальникам частей я запрещаю бить отбой, барабанщики должны забыть этот бой! Если кто из начальников прикажет бить отбой, заколите, братцы, такого начальника, заколите и барабанщика, который осмелился бить позорный отбой! Товарищи, если бы я приказал ударить отбой, не слушайте! И тот из вас будет подлец, кто не убьет меня!

— Умрем за родной город! — отвечали моряки на речь Корнилова.

«Стоило взглянуть на эти лица, чтобы убедиться, что меж ними не было малодушных», — писал один из свидетелей героической обороны Севастополя [1].

Подвиги матроса Кошки.

...И первым их этих храбрецов был матрос Кошка. Никто не подозревал в этом неказистом с виду матросе такого удальца, каким он проявил себя вдруг, когда убили в одной из первых вылазок бывшего рядом с ним, его товарища, а на другой день тело его враги выставили с наружной стороны бруствера, подперев, чтобы держалось стоя.

[1] Б. Могилевский, Жизнь Пирогова, Ростов, 1953, стр. 216—217.

...Труп матроса продолжал, однако, торчать на прежнем месте весь этот день, и всем уже, не только Кошке, стало казаться возмутительным такое издевательство над павшим.

Но вечером, когда как следует стемнело, раздалась вдруг весьма оживленная и мало понятная по своим причинам и целям ружейная пальба со стороны англичан, и вдруг на батарее появился усталый, запыхавшийся, но довольный Кошка, притащивший на спине тело товарища.

Оказалось, по его рассказу, что он дождался, когда у англичан в траншеях началась смена людей, тогда-то и пополз он к трупу, подставил под него спину, прижал к себе его руки и проворно побежал к своей батарее. Он рассчитывал на то, что занятые сменой англичане не обратят на него внимания, и действительно успел пробежать полдороги, когда в него начали стрелять. Но тут же его ноша послужила ему надежным прикрытием, приняв в себя пули, которые иначе были бы смертельны для Кошки.

Панфилов представил его за отвагу к георгию [1].

Штурм 5 июня.

С рассвета 5 июня началась канонада. Это было четвертое по счету бомбардирование Севастополя, и по силе своей оно не уступало первым трем. Неприятель целые сутки громил оборонительные линии, Корабельную слободку и город. В ночь на 6 июня бомбардирование продолжалось. Неприятельские пароходы подошли к входу на рейд и стреляли залпами по городу, береговым батареям и продольным огнем по кораблям в бухте. На Городской стороне всюду падали зажигательные снаряды и ракеты. В городе начались пожары.

Севастополь отвечал на канонаду слабо, приберегая порох к штурму. Все усилия населения Корабельной слободки, моряков и солдат были устремлены на то, чтобы исправлять пораженные укрепления.

...Французы с трех сторон двинулись к Малахову кургану. Англичане атаковали Третий бастион.

Ужасным картечным и ружейным огнем встретили французов защитники Малахова кургана. Поле перед курганом усеялось павшими. Разгромленные колонны французов превратились в нестройную толпу. Она все же достигла рвов левой куртины Малахова кургана: приставив к валу штурмовые лестницы, французы полезли на вал. Здесь находился Нахимов. Он скомандовал «в штыки». Французов встретили выстрелами в упор, штыками, бросали в них камни и осколки бомб. Французы отхлынули и повторили безуспешно еще два раза атаку левой стороны кургана. При отбитии последней атаки здесь пал, простреленный не-

[1] С. Сергеев-Ценский, Севастопольская страда, ч. 4, изд. «Советский писатель», М., 1950, стр. 94—98.

сколькими пулями, сверхсрочный унтер-офицер 36-го экипажа Андрей Могучий.

В центре две атаки на Корниловский бастион были отбиты картечью и ружейным огнем с большим уроном для французов.

Вправо от кургана они имели временный успех. Овладев батареей Жерве, французы достигли западного ската Малахова кургана.

Генерал Хрулев подоспел на батарею Жерве с батальоном Севского полка в то время, когда французы поворачивали орудия батарей против второй внутренней линии укреплений Корабельной стороны. Хрулевцы сбросили французов с батареи и преследовали их из орудий картечью. Французы, проникшие перед тем в слободку, оказались отрезанными. Они засели в домах и сараях и открыли оттуда ружейный огонь. Пришлось брать штурмом каждый домишко. Солдаты Севского и Полтавского полков вместе с матросами 36-го экипажа с большим трудом выбили неприятеля из домиков и захватили в плен несколько десятков солдат. ...За блистательную победу 6 июня было много наград — чинами, орденами и деньгами. Солдатам выдали по два рубля на брата и по три георгиевских креста на роту [1].

«Героем был народ русский».

...Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идете назад, почему-то не обращая никакого внимания на ядра и пули, продолжающие свистать по всей дороге до разрушенного театра, — идете с спокойным, возвысившимся духом. Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, это — убеждение в невозможности взять Севастополь, и не голько взять Севастополь, но и поколебать где бы то ни было силу русского народа, — и эту возможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитро сплетенных траншей, мин и орудий, один на других, из которых вы ничего не поняли, но видели ее в их глазах, речах, приемах, в том, что они делают, делают они так просто, так мало напряженно и усиленно, что вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они все могут сделать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, более властное, которое сделало из них людей, так же спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди беспрерывного труда, бдения и грязи. Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя, когда в нем не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его, и все-таки не было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, — о временах, когда этот герой, достойный древней Греции, — Корнилов, объезжая войска, говорил: «умрем, ребята, а не отдадим Севастополя», и наши русские, неспособные к фразерству, отвечали: «умрем! ура!» — только теперь рассказы про эти времена перестали быть для вас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом. Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину... Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский... [1].

[1] С. Григорьев, Исторические повести, Малахов курган, «Молодая гвардия», М., 1951, стр. 364—366.

КУЛЬТУРА РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.

В книге «Пушкин в изгнании» Иван Новиков на основе многолетнего тщательного изучения различных источников правдиво и ярко показал общественно-политические отношения, жизнь и творчество молодого Пушкина.

В пособии приведены отрывки, освещающие мечты А. С. Пушкина о будущем России, характеризующие его близость к революционным тайным обществам декабристов, общение с простым народом, умение понять и выразить его заветные чаяния.

Эти отрывки привлекаются для подготовки сообщений учащихся на уроке либо включаются в рассказ учителя.

«ВЗОЙДЕТ ОНА — ЗАРЯ ПЛЕНИТЕЛЬНОГО СЧАСТЬЯ».

Пушкин долго стоял и глядел на синее море невдалеке, на такое же синее небо над головою, на мощную спокойную зелень вокруг, на каменистую древнюю землю. Он тут был совершенно один — наедине разве только с глубокою той тишиной, в которой тонет и самое время.

Пушкин присел на одинокий камень, сильно за день прогретый горячим... солнцем. Он задумался и ушел весь в себя.

Мы ждем в томленьи упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

[1] Л. Н. Толстой, Избранные повести и рассказы, т. 1, М., 1946, стр. 160, 161.

Товарищ, верь: взойдет она —
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

Пушкин припомнил сейчас эти стихи, написанные им Чаадаеву еще так недавно, и перед ним, живые, воскресли восторженные их ночные беседы, чтения, споры.

Вопрос: К чему призывал юный Пушкин своих друзей?

Пушкин среди декабристов.

Беседа не выходила поначалу за пределы обычного разговора о положении вещей в «любезном отечестве», но Пушкин сразу насторожился, когда тот же Орлов с задумчивым видом, пустив новое облако дыма, задал вопрос:

— А не полезно ли было б в России учреждение тайного общества?

«Вот... начинается...», — подумал с волнением Пушкин.

— Так кому же угодно взять первое слово?

Пушкин быстро поднялся с дивана и выступил на середину комнаты, как бы готовясь держать ответ за свои слова. Николай Николаевич, не останавливая, внимательно и немного задумчиво глядел на него.

— Я хочу сказать, что все спасение наше в том-то и есть, чтобы все честные люди объединились в борьбе против правительства. Тайное общество необходимо! Что же мы можем сделать открыто? Тут говорилось, что все свободные общества вскоре будут у нас запрещены,— так тем более: не значит ли это, что надо спешить и не откладывать нашего дела?

Председатель спросил:

— Какого же именно дела?...

— Первое дело — освобождение крестьян!

Николай Николаевич! Полгода тому назад мы с вами вместе были в Екатеринославе, восстание там было ведь поголовное, и землепашцы жаждут свободы. Якушкин дал волю своим музыкантам. Что ж, хорошо: музыканту не надо земли. Но что делать пахарю? [1]

Обсудить: какое место среди передовых людей своего времени занимал поэт в борьбе за свободу и счастье народа?

* * *

Отрывки из книг Ивановой «Юность Лермонтова» и Гаецкого «К далекому утру» характеризуют среду, в которой находился М. Ю. Лермонтов, будучи студентом Московского государственного университета, чувства и мысли, которые руководили им.

[1] И. А. Новиков, Избранные сочинения, т. 1, Пушкин в изгнании, М., 1955, стр. 111—112, 174—177.

Эти отрывки помогут конкретизировать изложение, организовать оживленную беседу, подготовить сообщения учащихся.

«Вера в людей вдохновляла поэта».

Белинский с тревогой взглянул на Лермонтова.

Этот молодой человек, почти юноша, этот гусарский поручик был теперь, когда нет уже Пушкина и Гоголь молчит, единственная надежда русской литературы. И вот в словах его о черкесском клинке почудился вдруг Виссариону Григорьевичу какой-то глубоко скрытый, трагический смысл. Словно дыханием смерти повеяло в комнате.

— Упаси бог, Михаил Юрьевич! — прошептал Белинский — Вам надо жить...

— «Жить»? Для чего? — перебил Белинского Лермонтов.

Он поднялся со стула и подошел к окну. Сквозь оконную решетку был виден кусок хмурого неба и двор; внизу во дворе, с ружьем на плечах ходил часовой. И по-прежнему сыпался с неба мелкий, брызгами, теплый дождь.

— Жить в тюрьме, за решеткой! — вдруг с глубокой болью сказал Лермонтов. — Какая, помилуйте, радость? Все сникло вокруг, притихло, смирилось. Что делать поэту в этой несносной тишине, Белинский? Чирикать в альбомах кузин? Писать романсы о девах для итальянцев-шарманщиков?

В тяжелом раздумье, подперев рукою свою крупную голову, сидел устало Белинский. «Все сникло, притихло, смирилось...» Да, поэт прав, и это о нем он сказал, о критике Белинском, вот уже более двух лет засоряющем сердце и ум читателей мыслью о примирении с жизнью, о законности дикого русского самодержавия и азиатского деспотизма... Он, он, Белинский, ничуть не менее прочих виновен в том, что все вокруг сникло, притихло, смирилось... — Вашу руку, Михаил Юрьевич! — сказал он, вскочил со стула и подойдя к Лермонтову. — Поверьте, теперь вы можете подать ее мне, как другу.

Пожатие поэта было твердым, горячим и искренним.

— Я теперь часто читаю, Михаил Юрьевич, ваше давнее стихотворение «Поэт», — сказал, возвращаясь к столу Белинский. — Не все еще мне ясно в нем — не стыжусь в том признаться, — но знаю и чувствую: не презрение к людям, не ненависть к жизни водили пером вашим. Нет! Вера в достоинство и людей и жизнь, ту жизнь, что должна же быть, наконец, на земле, — вот что вдохновляло вас, Михаил Юрьевич! Вы сетуете, что ныне поэт, подобно забытому кинжалу, бесславному и безвредному, покрытому ржавчиной, уже не годен к борьбе... А ваши собственные стихи? Они волнуют, они жгут, они много сделали. О, если бы вы знали, как много-много добра они сделали!

Лермонтов по-прежнему стоял у окна, опершись спиною о подоконник. Солнце, внезапно прорвавшись сквозь тучи, на мину-

ту залило каземат теплым, золотым светом и мягко тронуло лицо поэта. Оно было грустным, задумчивым, это смуглое, простое и мужественное лицо. Печальная усмешка кривила по-детски пухлые губы поэта [1].

Вопрос: Как относился М. Ю. Лермонтов к самодержавно-крепостническим порядкам в стране? Какие чувства и мысли руководили им при написании его замечательных произведений?

* * *

Научно-популярная книга Л. Хинкулова «Шевченко» обстоятельно раскрывает основные идеи революционного мировоззрения Т. Г. Шевченко.

Ту часть текста, в которой выясняется отношение поэта к декабристам, учитель цитирует.

Призыв Т. Г. Шевченко к вооруженному восстанию зачитывает учащийся.

«Выточить топор острее».

Когда третьего ноября 1857 года Шевченко впервые увидел сборники Герцена «Полярная звезда» с литографированными портретами пяти повешенных Николаем декабристов — Пестеля, Рылеева, Бестужева-Рюмина, Муравьева-Апостола и Каховского — над изображением плахи и топора, как символов народного отмщения,— Шевченко не мог сдержать горячего волнения.

Обертка, то есть портреты первых наших апостолов-мучеников, меня так тяжело грустно поразили, что я до сих пор еще не могу отдохнуть от этого мрачного впечатления. Как бы хорошо было, если бы выбить медаль в память этого гнусного события! С одной стороны — портреты этих великомучеников с надписью «первые русские благовестители свободы». А на другой стороне медали — портрет неудобозабываемого Тормоза с надписью: «не первый русский коронованный палач».

В Нижнем Новгороде начал Шевченко героическую эпопею о декабристах, которой предполагал дать заглавие «Сатрап и дервиш». В нее должны были войти сатирические образы из поэмы, задуманной еще в Новопетровском укреплении. Эта поэма не была написана, сохранилось лишь начало ее, известное под названием «Юродивый». Здесь вновь (как когда-то в сатире «Сон») на контрастном противопоставлении построен рассказ о борцах за благо народа:

Да чур проклятым тем Неронам!
Пусть тешатся кандальным звоном,—
Я думой полечу в Сибирь,

[1] Ю. Гаецкий, К далекому утру. Повесть о Белинском, Детгиз, М., 1961, стр. 245—246.

Я за Байкалом гляну в горы,
В пещеры темные и в норы,
Без дна глубокие, и вас,
Поборники священной воли,
Из тьмы и смрада, из неволи
Царям и людям на показ
Вперед вас выведу, суровых
Рядами длинными, в оковах...

Шевченко проклинает и бога, покровительствующего царям:

Безбожный царь, источник зла,
Гонитель истины жестокий
Что натворил ты на земле!
А ты, всевидящее око!
Ты видело ли издалека,
Как сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых?
Когда терзали, распинали
И вешали? А ты не знало?
Ты видело мучения их
И не ослепло?..

Известное стихотворение Шевченко «Я, что б не сглазить, не хвораю...» написано 22 ноября 1858 года. В то время, когда либеральная печать всячески превозносила деятельность «крестьянских комитетов» и возлагала все надежды на Александра II, поэт-революционер снова решительно утверждал, что народу не на что рассчитывать, кроме собственного топора:

...Доброго не жди,—
Напрасно воли поджидаем,—
Она заснула. Николаем
Усыплена. Что б разбудить
Беднягу, надо поскорее
Обух всем миром закалить,
Да выточить топор острее,
И вот тогда уже будить.
А то, пожалуй, так случится —
До страшного суда заспится. —
Паны помогут крепко спать,
Все будут храмы воздвигать,
Да все царя, пьянчугу злого,
Да Византийство прославлять,
И не дождемся мы другого.

Революционный пафос народного поэта ни на минуту не приглушается официальными словословиями отовсюду, раздававшимися по адресу царя.

Для Шевченко нет «добрых» царей; царь всегда деспот и тиран, друг господ и враг трудящихся [1].

Обсудить: Какие чувства и революционные идеи определяли деятельность Т. Г. Шевченко?

[1] Л. Хинкулов, Шевченко, изд. «Молодая гвардия», 1957, стр. 301—302, 336.

* * *

М. В. Алпатов и Н. Н. Ростовцев в книге «Искусство» предприняли попытку дать характеристику того нового, что внес П. А. Федотов в развитие русской живописи 30—40-х годов XIX века, показать его как основоположника реализма в русском изобразительном искусстве.

Выдержки из этой книги сделают рассказ учителя более запоминающимся и образным. Та часть текста, которая раскрывает содержание картины «Сватовство майора», цитируется в сочетании с рассматриванием репродукции этой картины.

Образовательно-познавательная задача: В чем сущность того нового, что внес П. А. Федотов в развитие русской живописи?

Новое слово в искусстве.

Федотов является перед нами как подлинный новатор и даже пионер. Исходной точкой его работы была неутолимая жажда наблюдений: «моего труда в мастерской,— говорил он,— только десятая доля: главная моя работа на улицах и в чужих домах. Я учусь жизнью, я тружусь, глядя в оба глаза; мои сюжеты рассыпаны по всему городу, и я сам должен их разыскивать».

Ничто не могло укрыться от его лукавого и всепроницающего взора. Среди рисунков Федотова мы находим небольшие наброски — плоды его мимолетных, но тем не менее острых впечатлений. Это разные фигуры, которые по тем или иным причинам просились под федотовский карандаш. Эти зарисовки — подчас настоящие шедевры лаконических, но необыкновенно метких и широких характеристик.

Таков, например, этюд молодого человека с бутербродом. Жеманный светский франт в кокетливо надетом набок цилиндре захвачен художником врасплох — в тот момент, когда он закусывает бутербродом, набив полный рот. Фигура получилась необыкновенно комичная. При этом в отличие от ранних карикатур, где неумелому еще карандашу помогают и подпись, и близкое личное знакомство зрителей с персонажем рисунка (карикатуры эти ходили среди товарищей по полку), здесь вся выразительность наброска зависит лишь от живо схваченных мимики, жеста, позы, одежды молодого человека.

Иногда беглые наблюдения Федотова приобретают особую значимость сильных социальных характеристик. Особенно замечательны листы с целым рядом зарисовок на тему: «Как люди садятся». Рисунки эти, очевидно, сделаны по памяти и представляют собой настоящий психологический этюд, в котором выразительность движений и положение фигур должны служить уяснению их внутренней сущности. Иногда лишь несколькими штрихами намечен внешний рисунок позы, но перед вами человек как живой.

Кисейная барышня садится легко и кокетливо. Толстая барыня, крепко усевшись в кресло, приглашает садиться завитого светского любовника. Усатый дородный офицер развалился в кресле вольготно и независимо. Молодой проситель «У старших», как гласит подпись, — сидит скромно, на кончике стула, положив руки на коленки, как пай-мальчик. При входе этих старших торопливо вскакивает, изгибается в подобострастии со сладчайшей, заискивающей улыбкой на лице. Это все уже не просто случайное наблюдение, это темы для композиции...

На картине изображена внутренность парадной комнаты в купеческом доме. Комната убрана богато, но безвкусно. В доме переполох. Сам хозяин, длиннобородый купец, старается застегнуть непривычный сюртук, очевидно, готовясь принять какого-то необыкновенного гостя. В середине сцены всполошившаяся жеманящаяся дочка пытается убежать из комнаты. Мать удерживает ее в комнате, хватая за оборки платья. Сзади суетятся слуги и приживалки, накрывая на стол. На самом переднем плане— кошка, тоже по-своему ждущая гостя: она умывается лапкой, как говорят, «намывает гостей».

За дверьми справа дожидается и виновник всего переполоха — бравый майор. В парадном мундире, лихо подбоченясь, он крутит длинный ус.

Картина называется «Сватовство майора». Этот сюжет для того времени был весьма актуален. Купец-богач решил ради чванства породниться с дворянином. Родовитый дворянин, блестящий офицер, промотавший, однако, имение, тоже не прочь от этого брака. Для него это «поправка обстоятельств». Он женится на деньгах купца, идущих в приданое за его дочерью. Такая брачная сделка выгодна для обеих сторон. При помощи свахи, которая стоит в дверях комнаты, спрашивая, не пора ли войти майору, дело сделано — майор явился свататься.

Успех «Сватовства» был более громким, чем успех предыдущих картин. На академической выставке 1848 года около нее теснились толпы зрителей. Это было настоящее новое слово в искусстве, свежее и смелое своею искренностью, правдивостью, глубиною мысли, серьезным критическим направлением. Федотов был избран академиком. Имя его гремело по Петербургу [1].

* * *

Книга А. Н. Новикова «Ты взойдешь, моя заря» — продолжение известного романа «Рождение музыканта». На фоне культурной жизни России (1825—1837 гг.) воссоздан образ великого русского музыканта и композитора М. И. Глинки в окружении его выдающихся современников: А. С. Пушкина, декабристов, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и др. Книга содержит богатый ма-

[1] «Искусство», книга для чтения по истории живописи, скульптуры, архитектуры, сост. М. В. Алпатов и Н. Н. Ростовцев, Учпедгиз, М., 1961, стр. 366, 367, 369.

териал по истории культуры России в первой половине XIX в., читается с большим интересом.

В приведенном отрывке интересно рассказывается о том огромном впечатлении, которое произвела на современников премьера оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин».

Рассказ учителя о развитии русской музыки в первой половине XIX в. благодаря использованию приведенных в пособии ярких отрывков из книги А. Н. Новикова произведет сильное впечатление на учащихся.

«Родилась народная опера в России».

После короткого музыкального вступления занавес снова раздвинулся. Дремучий заснеженный лес. Здесь примет Сусанин смерть за родину. Здесь бесславно погибнут ее враги. Уже провел Сусанин наедине с собой последний час. Музыка еще раз совершала чудо, одно из многих в этот вечер. В напевах до конца раскрылся характер русского человека, его светлая стойкая душа. В этих напевах явственно звучал голос русского человека, никогда не склонявшего головы пред вражьей силой. Эти напевы сложил для Сусанина тот народ, которого не могли одолеть никакие насильники. Недаром же и в последнюю, предсмертную минуту жизни Сусанина музыка откликнулась герою не скорбью и отчаянием, но призывным напевом непокоримой русской вольницы.

И тогда настроение, накапливавшееся в театре, наконец, прорвалось. Едва Пушкин вышел в фойе, его обступили знакомые и незнакомые.

— Свершилось, Александр Сергеевич, — сказал Одоевский. — Родилась народная опера в России!

— Взошла заря! — горячо откликнулся чей-то голос.

Пушкин не успел ответить, как люди заговорили наперебой:

— И что за музыка! Как надобно любить и знать Россию, чтобы так выявить сокровища ее духа!

— Все ново, все свежо...

— И все, от первого до последнего звука, выражено по-русски! Кто этого не поймет?..

Пушкин стоял, окруженный тесным кругом. Люди все еще прибывали. Шум увеличивался.

В театрах императора Николая Первого давно не было никаких партий. Никакие изъявления общего мнения давно не имели здесь места. И то, что совершалось сегодня в тесном кругу, в центре которого стоял Пушкин, было похоже на демонстрацию. Но таков был этот необыкновенный спектакль, что многие, спустившись с верхних ярусов, спешили присоединить свой голос.

— Все знали, что песни наши таят в себе клад. Но кто еще вчера мог сказать, что мы обладаем оперой, превосходящей самые смелые надежды?

— Господа! Скажем прямо: гений Глинки открывает новые страны в искусстве, и какие страны!

Глинка был сам потрясен, когда увидел созданную им картину народного торжества на Красной площади. Настало время пропеть гимн народу Сусаниных. Песня собрала все свои голоса. И те, что родились вместе с народом, и те, что были неразлучны с ним в боевых походах, и те, которым доверил народ свои заветные думы. Не к прошлому, а к будущему были обращены эти голоса. Как светоносно будущее народа, так светел был крылатый напев. Голоса неслись вольной могучей стаей. Казалось, что тесно этим стремительным звукам в императорском петербургском театре. Казалось, что слышит эту славу вся Русь[1].

Обсудить: Почему великие современники Глинки так высоко оценили оперу «Иван Сусанин»?

* * *

Интересная книга И. Заботина «Лобачевский» облегчит раскрытие внутреннего мира выдающегося русского математика, поможет показать учащимся его привязанность и великую любовь к творческому труду, охарактеризовать его вклад в развитие геометрии и связанных с ней отраслей науки.

О великом математике Н. И. Лобачевском.

День одиннадцатого февраля 1826 года выдался пасмурный. Николай Иванович, проснувшись, первым делом взглянул в окно. Еще накануне небо плотно заволокло тяжелыми серыми облаками, лениво пошел снежок, потом подуло, стало крутить, завихривать с крыш, и Казань потонула в снежном буране.

Никогда до этого Лобачевский не чувствовал себя таким взволнованным, как в это хмурое утро. Кончал он работы и прежде, написал две книги по геометрии, учебник алгебры, статьи и испытывал только радость преодоления. Такую радость, наверное, ощущает и пахарь, когда он смотрит на вспаханную и засеянную полосу, и строитель, когда он любуется законченным зданием, и жницы, когда, разогнув уставшие спины, из-под ладони смотрят на поле с золотыми копнами. Это радость преодоления, любования сделанным, за которым следует отдых, отдых без скуки, потому что заслужен и надобен. Но Николай Иванович ощущал не только радость преодоления, и преодоления необычайного, потому что то, что он сделал, необычайно и ново, что не могли решить до него. То новое, которое он доложит сегодня ученым мужам, так расходится с общепринятым, простым и привычным, с тем, что двадцать два века почиталось незыблемым, проверенным практикой, что оно, естественно, должно вызвать недоумение. Больше того: он чувствовал — его творение может

[1] А. Новиков, Ты взойдешь, моя заря!, изд. «Советский писатель», М., 1953, стр. 561—563.

вызвать снисходительную улыбку, с которой относятся к умному, доброму чудаку, либо гнев и насмешку, либо, как все-таки надеялся он, восхищение. Он надеялся, что созданное им не только необычайно и ново, но и является началом новой эпохи в области геометрии. И он сказал об этом Ивану Михайловичу.

— Ты знаешь мое мнение о заслугах. Каждый должен оставить в жизни свой след, украсить делами своими ту землю, на которой родился. То, что я сделал и что до этого было известно тебе в отрывках, сейчас приведено в систему, положено начало новой науке о пространстве и связи геометрии с физикой. И это главное для меня. Не щурься, не усмехайся. Главное содержание моей жизни — в науке. Суди, как важно для меня опубликование этой работы.

— Сочувствую, — ответил Симонов, — но я далек от отвлеченных, абстрактных математических понятий.

— В математике не существует ни одной ветви абсолютно абстрактной, которая рано или поздно не найдет реального применения,— строго сказал Лобачевский [1].

Обсудить: В чем видел Лобачевский главное назначение человека?

Литература для внеклассного чтения:

В. И. Воеводин, Повесть о Пушкине, Л., 1956.

Л. Г. Бать и А. И. Дейч, Тарас Шевченко. Биографическая повесть, Детгиз, 1954.

О. Иваненко, Пути Тараса, Детгиз, М., 1955.

Е. А. Ильченко, Петербургская осень, М., 1954. (Повесть о жизни Т. Г. Шевченко в Петербурге в 1858 г. и о его дружбе с Н. Г. Чернышевским.)

Н. М. Чернышевская, Саратовский мальчик, Саратов, 1962.

Б. О. Могилевский, Жизнь Пирогова (Повесть о великом хирурге и педагоге), М., 1953.

Н. И. Харджиев, Судьба художника (Повесть о художнике П. А. Федотове), М., 1954.

Л. Г. Бать, Великое призвание (Повесть о великом русском актере М. С. Щепкине), Детгиз, М., 1958.

«Сороковые годы XIX в. в мемуарах современников, документах эпохи и художественных произведениях», М., Детгиз, 1959.

«Юному художнику». Книга для чтения по истории искусства, М., 1963 (стр. 325—364).

[1] И. Заботин, Лобачевский, изд. «Молодая гвардия», М., 1954, стр. 362—363.

V. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА. ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИЗМА.

В 1-й книге трилогии Г. Серебряковой описана юность К. Маркса, начиная с 30-х годов XIX в. и до середины 40-х.

В книге освещены основные события из истории рабочего движения того времени: лионское восстание во Франции, выступления луддитов и чартистское движение в Англии, восстание силезских ткачей в Германии и др.

Приводимый отрывок характеризует выступление луддитов. Отрывок используется для подготовки сообщения — миниатюры.

Обдумать: Что побудило рабочих Англии выступить против машин?

«Машина — исчадие ада».

Джон впервые попал на большую, оборудованную паровыми машинами, фабрику. Впервые он услыхал стройный гул больших машин. Люди этих фабрик были еще более несчастны, чем невольники Джорджа Б. Страйса. Что-то странное творилось с ними.

— Прежде, — говорили рабочие, — знали наши отцы, что однажды ставши к станку, подле него и помрут. Умение ценилось хозяевами, умение и знание дела. Но потом не стало нужно ни силы, ни умения. Желторотые дети заменили опытных, умелых людей. День ото дня становится нам хуже. Скоро и дети не понадобятся. Черти в образе машин будут ткать и прясть вместо нас. Что делать рабочему люду? Помирать? Ради чего? Ради железных чудовищ, ради пара. Но земля дана людям, а не машинам.

Фабриканты торопились рассчитывать ненужных им теперь лучших рабочих. Джон видел, как его товарищей заменили многорукие, неутомимые, одаренные как бы бессмертной силой существа из металла и дерева. Наиболее искусные, трудолюбивые человеческие руки оказывались беспомощными, недопустимо слабыми по сравнению с цепкими щупальцами и ловкими, беспечно вертящимися колесниками машин.

Цех, где работал Джон, обезлюдел. Вокруг зловеще, издевательски гудели, верещали, скрипели новые машины. Каждая из них была для рабочего исчадьем ада, ниспосланной карой, причиной лишений и мук для тех, кого она заменила.

Суеверный, мистический ужас обуревал ткачей. В гуле машин им слышались угрозы скорого увольнения с фабрики, вопли голодных детей, старушечьи предсказания бедствий, которые несет безработица. Джон плакал от бессильной злобы и тоски, вспоминая ручные станки и прялки, счастливую пору, когда в фабричном цехе толпились, шумя, люди.

Что делать, как остановить нашествие демонов, ниспосланных сатаной на бедняков? Как заставить расчетливых фабрикантов предпочесть человека машинам?

— Объединимся и разрушим их, пока машин еще немного, пока они в младенческом образе! Если мы дадим им беспрепятственно размножаться и расти, то они станут людьми, а мы их рабами...

В полупустом цехе Джону мерещились духи, привидения, адские звуки. Бывало, пели под аккомпанемент ручных станков ткачи, теперь протяжно пел паровой котел и ему вторили вертящиеся волчки-прялки. — Безмозглые, бездушные твари!— кусая пальцы, шептал Джон.

Первый раз он посягнул, охваченный жаждой мести, на паровой чулочно-прядильный станок. Эта лоснящаяся колючая машина, накануне привезенная на фабрику, лишила работы Джона, пятерых друзей, работавших с ним рядом. Их выгнали с фабрики и тем обрекли на голод и скитания. Один был слишком стар, чтобы снова, переходя из города в город, просить труда. Он утопился в пруду, узнав о том, что потерял последнее место в жизни. За него отомстил Джон. Чувство, испытанное им, когда застонало под ломом железное чудовище, было сильно и пронизывающе, как сладострастие.

— Вот так! — хрипел он, снова и снова избивая станок. Вы, однако, слабее нас, кровопийцы! Мы можем разрушить вас, топтать, оплевывать... Что же ты молчишь, истукан? Ведь в твоей власти наша жизнь...

Джон был не один. Армия разрушителей машин росла. По всей Англии начался поход против нового бича и конкурента рабочих. Восстание против машин штормом поднялось над Англией. Гиканием и плевками встречали луддиты призывы хозяев и правительства к смирению. Пасторы кончали проповеди увещеваниями. Но они оставались тщетными. Паства более не была послушна. — Верните нам старую Англию![1]

* * *

Отрывок из книги Г. Серебряковой «Юность Маркса» посвящен истории восстания лионских ткачей (21 ноября 1831 г.).

Учитель использует отрывок в качестве «подтекстовки» к картине «Восстание лионских рабочих в 1831 г.».

«Жить трудясь или умереть в бою!»

Девятнадцатое ноября, накануне получки, в рабочем Лионе наступило зловещее затишье. Фабриканты собирались опять выплачивать по старым расценкам, несмотря на то что истек почти месяц со времени принятия тарифа. Их предательство и измена соглашению 25 октября стали очевидными. Они посмели бросить вызов сорока тысячам трудящихся.

... — Измена, братья! Нас предали! Три эскадрона драгун подошли к городу. Фабриканты отказываются выполнять условия, выработанные двадцать пятого октября. Более трех недель мы терпеливо ждали, мы получали плату за наш труд, которой не хватает на то, чтобы жить. Но проклятые негоцианты не только насмеялись над ними же подписанными тарифами, они вызвали войска, они готовят Варфоломеевскую ночь для рабочих Лиона. Братья, мы не должны уступать! Предлагаю прекратить работу и пойти в город, требуя выполнения установленного тарифа. Но будем организованны. Призываю вас к спокойствию. Мы должны показать, что рабочие уважают законы и не хотят кровопролития, несмотря на провокацию. Наше требование и наш лозунг: «ЖИТЬ ТРУДЯСЬ ИЛИ УМЕРЕТЬ В БОЮ», — говорили рабочие, один за другим взбираясь на телегу, заменившую им трибуну

...Первое столкновение Национальной гвардии с рабочими произошло возле Гранд-Кот на рассвете. Сток шел рядом с Буври и двумя тысячами других жителей Круа-Русс. Все они были безоружны. У ворот города их встретили вооруженные национальные гвардейцы.

— Дайте пройти! — закричали рабочие, останавливаясь.

— Поверни назад! — раздалось в ответ.

Зарницей сверкнули обнажившиеся шашки, многозначительно выпучили черные пустые глаза ружья.

— Братцы, вперед! — надрывая слабое горло, скомандовал Андре и, выбежав из толпы, первым бросился в узкую дыру ворот. Раздался залп. Андре упал. Кровь выступила из нескольких ран и расползлась по серой осенней земле.

На одно мгновение ужас обуял толпу наступающих, но только на мгновение.

---

[1] Г. Серебрякова, Юность Маркса, изд. «Советский писатель», М., 1957, стр. 517—519.

— Вперед, братцы! — ответили сотни голосов, и люди тесными рядами двинулись на врагов.

Не имея оружия, рабочие швыряли камни, тут же выворачивая их из мостовой, дрались кулаками, палками.

Убитые и раненые падали у ног товарищей. Их использовали как прикрытие.

Из груды вражьих тел Сток соорудил баррикаду. Буври передавал оружие мертвых сражающимся рабочим.

На подмогу из предместья сбегались дети и женщины. На площади они разгромили лавку оружейника и несли отцам, мужьям и братьям пули, пистолеты, ружья, ножи, шашки и шпаги. Наконец перевес оказался на стороне осаждающих город. Легион Национальной гвардии дрогнул и начал отступать.

С криками: «Жить трудясь или умереть в бою!» — рабочие ворвались в Лион.

Наученные печальным опытом этого утра, они бросились тотчас же строить баррикады, ломая мостовые, выкорчевывая уличные тумбы и фонарные столбы, опрокидывая встречные фургоны, подтаскивая отовсюду бревна, доски, матрацы, шкафы и столы [1].

Вопросы: Какие новые формы классовой борьбы трудящихся были использованы лионскими рабочими?

Каковы были цели их борьбы?

* * *

Книга Г. Серебряковой «Вершины жизни» охватывает последние восемнадцать лет жизни К. Маркса.

Особенностью этого романа является то, что в нем рассказ о жизни и деятельности К. Маркса и его друга Ф. Энгельса органически сочетается с описанием и анализом важнейших событий того времени. В книге показано участие К. Маркса и Ф. Энгельса — великих мыслителей, революционеров и вождей мирового пролетариата — в этих событиях, раскрыты их многочисленные связи с передовыми людьми и революционерами различных стран, в том числе с революционерами России, представленными в книге в образах Г. Лопатина, Л. Красоцкой, Н. Утина и других. В беседах с ними обнаруживался тот глубокий интерес, который К. Маркс питал к России, русскому народу, к его судьбам. Отрывок обычно цитируется.

К. Маркс о России.

Маркс был замечательным лингвистом. Как и Энгельс, он легко усваивал иностранные языки. Кроме древних и основных европейских, он знал румынский язык, а в 1869 году принялся

[1] Г. Серебрякова, Юность Маркса, роман, изд. «Советский писатель», М., 1957, стр. 28, 31—32, 36—37.

за изучение русского. — Без этого нельзя, — утверждал он, — иностранный язык есть оружие в жизненной борьбе. Нужны люди, которые смогут вести коммунистическую пропаганду среди разных народов.

На книжных полках в кабинете Маркса появилось больше ста русских книг. В записной тетради он отвел несколько страниц под каталог для них. Много русской литературы прислал ему из Петербурга Даниельсон. На полях книг, прочитанных Марксом, оставались пометки, штрихи... Сочинения Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Флеровского особенно часто лежали не на полках, а на столе или на кресле под рукой у Маркса. Он читал их большей частью без словаря.

Когда Герман Лопатин впервые пришел к Марксу, тот уже вполне свободно владел русской разговорной речью. Это изумило Лопатина, не ожидавшего, что автор «Капитала» так хорошо знаком с книгами русских писателей.

Во время первой же встречи с Лопатиным и много раз впоследствии у них возникал разговор о Чернышевском. Маркс считал, что из всех современных экономистов именно Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные являются всего лишь простыми компиляторами.

— Несомненно, — отмечал Маркс, — его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и единственные из современных произведений в этой науке, действительно, заслуживают прочтения и изучения.

Маркс негодовал по поводу того, что ни один из русских не позаботился перевести произведения Чернышевского на европейские языки и познакомить Европу со столь замечательным мыслителем.

— Политическая смерть Чернышевского, — потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы, — неоднократно заявлял он Герману Лопатину.

«Русский народ проницателен, — сказал Маркс, внимательно слушавший Лопатина. — Немало страданий и схваток ждет его на пути к действительной свободе [1].

Обсудить: Чем можно подтвердить, что К. Маркс живо интересовался судьбами русского народа, глубоко уважал героическую деятельность его передовых людей? Как К. Маркс относился к культуре России?

* * *

Книга Л. Видгопа и Я. Сухотина «Дружба великая и трогательная» представлена в пособии несколькими художественны-

[1] Г. Серебрякова, Вершины жизни, Роман-газета, кн. 3, 1963, стр. 54—57.

ми очерками о жизни и деятельности великих основоположников научного коммунизма — К. Маркса и Ф. Энгельса.

В очерках в красочной и доступной форме отражены те крупные исторические события, в которых принимали участие К. Маркс и Ф. Энгельс (образование «Союза коммунистов», создание «Коммунистического манифеста» и др.).

Подумать: Почему это событие стало знаменательной вехой в истории трудящихся всего мира?

Какую роль в нем сыграли К. Маркс и Ф. Энгельс?

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «СОЮЗА КОММУНИСТОВ».

И на очередном конгрессе Союза справедливых в июне 1847 года в Лондоне делегат от парижских членов союза Энгельс от имени Маркса и от своего внесет предложение назвать организацию Союзом коммунистов. Его примут единогласно, как и предложение о цели союза.

В непривычной сосредоточенной тишине первые коммунисты повторяют вслед за председателем:

«Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности».

Отныне вместо старого лозунга — «Все люди — братья» — девизом коммунистов будет призыв, брошенный Марксом и Энгельсом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — Так решит конгресс. А в новом уставе, который предложит конгресс своим общинам, уже не будет требований о клятвах, угроз мести.

...Время не ждет. Маркс и Энгельс используют любой повод, чтобы встречаться с рабочими, объяснять, как им следует бороться против своего врага — буржуазии.

Почти десять дней делегаты бурно обсуждают новые идеи, которые молодые немецкие революционеры предлагают принять как программу союза. В конце концов им удается убедить в своей правоте сомневающихся, возражающих. И конгресс поручает Марксу и Энгельсу написать программу Союза коммунистов — манифест. Отныне союз открыто собирается объявить о своем существовании как партия пролетариата...

Дома, в Брюсселе, на письменном столе Маркса — листки, исписанные рукой Энгельса. Это проект манифеста, подготовленный в Париже Фридрихом. Почти месяц Маркс работает над ним, дополняет, редактирует.

Пройдет еще некоторое время, и член Союза коммунистов рабочий Фридрих Лесснер бережно понесет в типографию по улицам Лондона присланную из Брюсселя рукопись программы Союза коммунистов.

А в конце февраля 1848 года отпечатанная в виде небольшой книжечки она начала свой путь к сердцам и разуму пролетариев всех стран.

Эта книжечка стоила целых томов!

Она показала, что придет время — и угнетенные труженики выбросят капитализм на свалку истории. Но для успешной борьбы у пролетариев должна быть своя партия, без нее победить нельзя.

Впервые на весь мир было громогласно заявлено, что у рабочих есть один и только один путь к своему освобождению, к социализму — борьба за политическое господство, за диктатуру пролетариата.

Как путеводный луч, прорезала эта идея мутную толщу всякого рода фантазий и беспочвенных мечтаний о будущем пролетариев, показав трудный, но верный путь к лучшему будущему всего человечества.

На обложке книжечки вытеснено: «Коммунистический Манифест». На первой ... странице призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Фамилии авторов не указаны. Но коммунисты знают их, это Маркс и Энгельс. В каждой строке «Манифеста» — страстное ожидание, приветствие грядущего восстания против власти королей и банкиров [1].

Дружба К. Маркса и Ф. Энгельса.

Как ученый предстал он впервые передо мной в рабочей комнате. Она помещалась во втором этаже, и широкое окно, через которое в комнату попадала масса света, выходило в парк. У стен, по обе стороны камина и напротив окна, стояли книжные шкафы, которые были полны книгами и до самого потолка загружены свертками газет и рукописей. Против камина и с одной стороны окна стояли два стола, заваленные бумагами, книгами и газетами; посреди комнаты, где было много света, стояли очень простой и небольшой рабочий стол (три фута в длину, два фута в ширину) и деревянное кресло. Между креслом и книжным шкафом напротив окна стоял кожаный диван, на который Маркс время от времени ложился, чтобы отдохнуть. Книги лежали и на камине.

В расстановке книг Маркс не руководствовался внешней симметрией; книги различных форматов и брошюры стояли тесно друг подле друга; он расставлял книги не по формату, а по их содержанию. Книги для него были духовными инструментами, а не предметами роскоши. «Они — мои рабы, — говорил он, — и должны служить мне, как я хочу». Он не обращал вни-

[1] Л. Видгоп, Я. Сухотин, Дружба великая и трогательная, изд. «Молодая гвардия», М., 1958, стр. 68, 71—72.

мания на их формат, переплет, красоту бумаги или печати; он загибал углы, покрывал поля отметками карандашом и подчеркивал строки. Надписей он никаких не делал, но сплошь и рядом он не мог воздержаться от вопросительных и восклицательных знаков, если автор писал ошибочные вещи. Система подчеркивания, которой он пользовался, позволяла ему очень легко находить в книге нужное место. У него была привычка после продолжительных перерывов перечитывать свои записные тетради и отмеченные в книгах места, для того чтобы закрепить их в своей памяти, которая отличалась исключительной остротой и точностью. Он изощрял ее с юных лет, выучивая по совету Гегеля наизусть стихи на незнакомом ему языке.

Маркс и Энгельс осуществили в нашем веке тот идеал дружбы, который изображали древние поэты. С юных лет они развивались вместе и, так сказать, параллельно, делились друг с другом самыми задушевными мыслями и чувствами, принимали участие в одном и том же революционном движении и до тех пор работали совместно, пока могли быть вместе.

Они бы всю жизнь, вероятно, проработали так вдвоем, если бы события не разлучили их почти на целых двадцать лет. После поражения революции 1848 года Энгельсу пришлось отправиться в Манчестер, тогда как Маркс должен был остаться в Лондоне.

Несмотря на это, они продолжали жить общей духовной жизнью: они почти ежедневно переписывались по поводу текущих политических событий или по вопросам науки, делились друг с другом собственными научными изысканиями. Как только Энгельсу представилась возможность освободиться от своей работы, он поспешил выбраться из Манчестера и переехал в Лондон, где поселился в десяти минутах ходьбы от своего дорогого Маркса. Начиная с 1870 года и до самой смерти Маркса не проходило дня, чтобы они не виделись, чтобы один из друзей не навестил другого.

Маркс гордился своим другом. Он с особенным удовольствием раскрывал предо мной все нравственные и умственные достоинства Энгельса; чтобы показать мне его, он даже нарочно ездил со мной в Манчестер.

Маркс приходил в восторг от необыкновенной разносторонности научных познаний Энгельса. Каждая мелочь, касавшаяся друга, беспокоила его.

— Я постоянно дрожу,— говорит мне Маркс,— при мысли, что с ним приключится какое-нибудь несчастье на охоте, когда он скачет по полям во весь опор, беря одно препятствие за другим[1].

Вопрос: На чем была основана дружба К. Маркса и Ф. Энгельса?

---

[1] «Рассказы о Марксе и Энгельсе», Детгиз, М., 1956, стр. 25—27, 41—42.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 Г. ВО ФРАНЦИИ.

В романе Г. Флобера «Воспитание чувств» изложена история формирования взглядов и чувств молодого провинциала в 40-е годы XIX в., пытающегося найти в Париже свое место в жизни. Его жизненный путь показан на фоне бурных революционных событий того времени. Значительное место в романе отведено февральской революции 1848 г. и июньским дням. В романе талантливо описаны отдельные эпизоды этих событий, показан народ в действии. Флобер не понял истинного смысла событий, очевидцем которых он был, и поэтому страницы его романа далеко не равноценны. Однако, образ народа, ворвавшегося в королевский дворец и уничтожившего королевский трон, картина палаческой расправы буржуазии над пролетариями Парижа исторически достоверны и с интересом воспринимаются учащимися.

Эти отрывки цитируются учителем в ходе рассказа.

Восставший народ в королевском дворце.

К утру Париж покрылся баррикадами. Сопротивление вскоре было сломлено; всюду вмешивалась национальная гвардия, и к восьми часам народ, местами даже без боя, завладел уже пятью казармами, почти всеми мэриями, самыми надежными стратегическими пунктами. Монархия сама собой, без всяких потрясений, быстро распадалась...

Барабаны били атаку. Раздавались пронзительные возгласы, победные «ура». Толпа колыхалась, увлекаемая водоворотом.

— Не подняться ли наверх?

Вдруг раздалась «Марсельеза». Юссонэ и Фредерик свесились через перила. То была толпа. Она понеслась вверх по лестнице, сливая в головокружительном потоке обнаженные головы, каски, красные колпаки, штыки и плечи, понеслась так безудержно, что люди исчезали в этих бурлящих волнах, которые поднимались с протяжным воем, точно воды реки, гонимые могучим приливом в пору равноденствия. Наверху толпа рассеялась, и пение смолкло.

Теперь слышалось только топание башмаков, смешанное с всплесками человеческого говора. Толпа, совершенно безобидная, довольствовалась тем, что глазела. Но время от времени какой-нибудь локоть, которому было тесно, вышибал стекло, или валилась на пол стоявшая на столике ваза или статуэтка. Деревянные панели трещали. У всех были красные лица, пот струился по ним крупными каплями.

Толпа напирала на них, и они очутились в комнате, где под потолком был раскинут балдахин из красного бархата. Внизу, на троне, сидел чернобородый пролетарий в расстегнутой рубашке, с лицом веселым и глупым, как у китайского болванчика.

На возвышение поднимались и другие, чтобы посидеть на его месте.

— Что за мифология!— сказал Юссонэ.— Вот он — народ-властитель.

Кресло подняли, взяв за ручки, и понесли, раскачивая, через залу.

— Черт возьми, как его качает! Корабль государства носится по бурным волнам! Ну и канкан! Настоящий канкан!

Трон поднесли к окну и под свистки кинули вниз.

Всеми овладела неистовая радость, как-будто исчезнувший трон уступил уже место безграничному будущему счастью...[1].

* * *

И. С. Тургенев, очевидец парижских событий в июне 1848 г., в рассказе «Наши послали» дал запоминающиеся картины жизни Парижа, рассказал о первой великой битве пролетариата против буржуазии. Образы парижских рабочих-блузников, участников этой героической борьбы, их мужество, бесстрашие, благородство, забота о детях — все это производит сильное впечатление.

Отрывок из рассказа «Наши послали» используется в конце изучения темы. Учитель цитирует наиболее яркие места и дает соответствующий комментарий.

Рекомендуется подготовить и заслушать краткое сообщение учащегося на уроке.

Учащимся предлагают следующую познавательную задачу: Описать образ рабочего — защитника баррикад.

И. С. Тургенев «Наши послали».

С самого начала июня в воздухе пахло порохом, каждый чувствовал, что решительное столкновение неизбежно; а после свидания делегатов от только что распущенных национальных мастерских с членом временного правительства Мари, который в обращенной к ним речи необдуманно произнес слова рабы (esclaves), принятое ими за упрек и обиду, после этого свидания уже весь вопрос состоял в том — не сколько дней, а сколько часов оставалось до того неизбежного, неотвратимого столкновения? «Est-ce pour aujourd hui». (Сегодня, что ли?) — вот какими словами приветствовали знакомые друг друга каждое утро... «Началось!» — сказала мне в пятницу утром, 23 июня, прачка, принесшая белье. По ее словам, большая баррикада была воздвигнута поперек бульвара, недалеко от ворот Сен-Дени. Я немедленно отправился туда.

Сначала ничего особенного не было заметно. Те же толпы народа перед открытыми кофейнями и магазинами, то же движение карет и омнибусов; лица казались несколько оживленнее, разговоры громче и странное дело! — веселее... вот и все. Но чем дальше я подвигался, тем более изменялась физиономия бульвара. Кареты попадались все реже, омнибусы совсем исчезли: магазины и даже кофейни запирались поспешно — или уже были заперты; народу на улице стало гораздо меньше.

...Но вот впереди, криво пересекая бульвар во всю его ширину, вырезалась неровная линия баррикады — вышиною аршина в четыре. По самой ее середине, окруженное другими, трехцветными, расшитыми золотом знаменами, небольшое красное знамя шевелило — направо, налево — свой острый, зловещий язычок. Несколько блузников виднелось из-за гребня наваленных серых камней. Я пододвинулся поближе. Перед самой баррикадой было довольно пусто, человек пятьдесят — не более — бродило взад и вперед по мостовой.

...Блузники пересмеивались с подходившими зрителями; один, подпоясанный белой солдатской портупеей, протягивал им раскупоренную бутылку и до половины налитый стакан, как бы приглашая их подойти и выпить; другой, рядом с ним, с двухствольным ружьем за плечами, протяжно кричал: «Да здравствуют национальные мастерские! Да здравствует республика, демократическая и социальная!» Подле него стояла высокая черноволосая женщина в полосатом платье, тоже подпоясанная портупеей с заткнутым пистолетом; она одна не смеялась и, как бы в раздумье, устремила прямо перед собою свои большие темные глаза.

Между тем все громче и ближе слышались барабаны. Уже с утра по всем улицам раздавался тот особенный троекратный бой — le rappel (сбор) — тот бой, которым созывалась национальная гвардия. И вот, медленно волнуясь и вытягиваясь, как длинный черный червяк, показалась с левой же стороны бульвара, шагах в двухстах от баррикады, колонна гражданского войска; тонкими, лучистыми иглами сверкали над нею штыки, несколько офицеров ехали верхом в ее голове. Все так и замерло в ожидании, — казалось, самый воздух насторожился... и вдруг, над самой моей головой, что-то нестерпимо сильно затрещало и рявкнуло — точно мгновенно разорванный громадный холст... Это инсургенты дали залп сквозь жалюзи окон из верхнего этажа занятой ими жувеневской фабрики.

К ночи одно стало несомненным: почти целая половина Парижа находилась во власти инсургентов. Баррикады возникали повсюду — особенно по ту сторону Сены, войска занимали стратегические пункты: готовился бой не на живот, а на смерть. На следующий день, с раннего утра, вид бульвара — вообще внешний вид Парижа, не занятого инсургентами, изменился, как по манию волшебного жезла. Вышел приказ начальника парижской армии, Кавеньяка, запрещающий всякого рода движение, циркуляцию по улицам. Национальные гвардейцы, парижские и

[1] Г. Флобер, Воспитание чувств, М., 1954, стр. 294—297.

провинциальные, выстроенные по тротуарам, караулили дома, в которых квартировали; регулярные войска, подвижная национальная гвардия (garde mobile) дрались; иностранцы, женщины, дети, больные сидели по домам, в которых, все окна должны были быть раскрыты настежь, для предупреждения засады. Улицы мгновенно вымерли. Лишь изредка прокатит почтовый омнибус или карета медика, беспрестанно останавливаемая часовыми.

...Вот идет кучка пленных...

Пленные идут, не поднимая глаз и прижимаясь друг к другу, как овцы: нестройная толпа, мрачные лица, многие в лохмотьях, без шапок; у иных руки связаны. А канонада не умолкает. Тяжелое, однообразное бухание так и стоит в вышине; оно повисло над городом вместе с чадом и гарью зноя... Под вечер из моей комнаты в четвертом этаже слышится нечто новое: к этому буханию присоединяются другие, резкие, гораздо более близкие, непродолжительные и как бы веерообразные залпы... Это, сказывают, расстреливают инсургентов по мэриям [1].

Вопросы: Какие враждебные классы начали открытую вооруженную борьбу в Париже в 1848 году? Как и за что боролись восставшие рабочие?

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ В ИНДИИ.

Роман Э. И. Выгодской «Опасный беглец» интересен для учащихся прежде всего тем, что автору удалось правдиво рассказать о мужественной борьбе индийского народа против английских колонизаторов. Юного читателя трогает и увлекает полное любви и уважения отношение автора к простому народу, искреннее сочувствие к угнетенным и обездоленным. Книга воспитывает чувство любви и преклонения перед мужеством и решительностью народов Индии, ненависть к насильникам-колонизаторам, пробуждает желание изучить героическую историю общенародной борьбы за независимость.

В приведенных отрывках даны яркие картины мужественной борьбы сипаев, жестокой расправы колонизаторов с восставшими. Отрывки удачно конкретизируют рассказ учителя. Учащиеся с интересом работают над сообщениями. Рекомендуется заслушать в классе несколько таких сообщений. В целях активизации повторения можно организовать сообщения учащихся на последующих уроках.

«Искры летят далеко»

В полдень Панди пришел на небольшую военную станцию и прошел ее всю, от нарядного белого дома офицерского собрания до солдатских линий за пустырем.

[1] И. С. Тургенев, Сочинения, т. 10, М., 1956, стр. 385—394.

— Искра, зажженная близ Калькутты, летит далеко! — сказал Инсур.— Два полка разоружены в Барракпуре, две тысячи сипаев пошли по родным домам. Вчера горели офицерские дома в Мирзапуре, — завтра будут гореть в Аллазабаде. Будьте готовы, сипаи! Он оглядел суровые лица артиллеристов.

— Мы служим им, а они разоряют наши деревни. Мы работаем на них, а они забирают рис у наших отцов и жен. Сто лет бродит тигр по нашей стране, терзает и рвет когтями ее несчастное тело. Сто лет назад Роберт Клайв — саиб — обманул наших дедов. В несчастливой битве у Плэсси Индия покорилась Британии. Мы, внуки, отвечаем ударом копья на обман, кинжалом на обиду. Будьте готовы, сипаи! Власти чужеземцев должен прийти конец!..

— По военным станциям уже брошено слово!..

— Пожар зажегся под Калькуттой, и искры летят далеко!—

Защитники Дели.

Наутро подрывному британскому отряду удалось взорвать Лагорские ворота, и третья колонна британцев проникла в город.

На перекрестке поставили пушки, и пушечные ядра пошли дырявить белый мрамор знаменитой Большой Мечети, крошить в мелкий щебень драгоценную мозаику ее украшений.

Скоро опомнились повстанцы и погнали врага обратно. Третья колонна отступила к северной стене, соединилась со второй и первой, и снова на участке у северной стены, близ христианской церкви, закипел отчаянный бой.

Пушки британцев, поставленные на бастионы, поливали раскаленным металлом ближние и дальние переулки. Весь купол церкви Сент-Джемса изрешетили пули, даже крест на церкви был сбит орудийной стрельбой.

Мирные жители, не успевшие бежать, залегли в подвалах, в склепах, в подземельях храмов.

В нарядном белом здании европейской резиденции, примыкающем к дворцу шаха с северной стороны, собрались женщины, дети, старики. Дженни давно уже не стерегли. Никто не обращал на нее внимания в этом огромном, истекавшем кровью городе, который бился за свое существование.

Который уже день Дженни слушала утомительный, равномерно повторяющийся грохот, тяжелые удары ядер и близкие разрывы гранат.

Ощетинившись штыками, упорно отстреливаясь, улица Башмачников, улица Ковровщиц, улица Садов дом за домом медленно уступали продвигающимся вперед британским соединенным войскам[1].

[1] Э. Выгодская, Опасный беглец, Детгиз, Л., 1956, стр. 24, 232, 233.

Секретный приказ.

Дома города темны, по вечерам в них не зажигают огни. Утром не вертятся жернова домашних мельниц.

Кошки разжирели, питаясь трупами убитых быков и мулов.

На главной площади, на гранитной плахе, лежат семь убитых: это сыновья и внуки шаха...

Смрад стоит над Дели от неубранных трупов.

«Расправиться с непокорными!— отдал приказ генерал Вильсон. — Убивать без пощады всякого, кто сочувствует бунтовщикам или прячет повстанцев у себя в доме».

На десятки миль вокруг Дели были сожжены и разрушены крестьянские селения.

«Произведенные нашими войсками зверства были просто душераздирающими,— писал один английский чиновник Джону Лоуренсу.— В отношении грабежей мы, конечно, превзошли Надир-шаха».

За каждого убитого британца казнили тысячу индийцев. Десять суток подряд двенадцать городских телег с утра до поздней ночи возили тела казненных.

Чтобы не строить помостов у виселиц, для казни приспособили слонов. Слон послушно подносил на спине целую партию осужденных прямо к перекладине братской виселицы.

На плацу за городом длинным рядом стояли пушки. К заряженному орудию подводили сипая и, привязав его спиной к жерлу, по офицерской команде, канонир давал выстрел на дальний прицел.

Так расстреляли веселого сипая Лалл-Синга.

Лалл-Синг сам подошел к пушке. Его хотели привязать, но он отвел веревку рукой. — Не надо!— сказал Лалл-Синг.

Он стал спиной к жерлу, обвел взглядом войска, построившиеся на плацу.

— Сипаи! — сказал Лалл-Синг. — Братья одного дыханья!.. Индусы, мусульмане, махратты!.. Готовьтесь к большому бою!.. Помните мою смерть!.. А вы, сыны чужеземцев, берегитесь...

Офицерская команда, выстрел, и только несколько пятен крови да два-три темных обгорелых обрывка одежды остались на том месте, где стоял Лалл-Синг[1].

Вопросы: Чем объяснить зверства английских колонизаторов? На что они рассчитывали? Добились ли они успеха?

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США.

В первой половине XIX века резко обострилась борьба между рабовладельческим Югом и промышленным Севером. Вскоре эта борьба переросла в открытую гражданскую войну, в которой

[1] Там же, стр. 251—252.

решался вопрос об отмене рабства. Одной из наиболее самоотверженных и активных участниц этой войны была негритянка — Гарриет Табмен.

О тяжелых годах ее юности, о победе северян, о мужественной борьбе за свободу интересно рассказывает книга Л. Рубинштейна «Черный ураган». Отрывки, приведенные в настоящем пособии, раскрывают образ А. Линкольна, характеризуют те трудности, которые пришлось преодолеть в борьбе против рабства, роль и значение негров в этой борьбе.

В защиту негров выступила писательница Г. Бичер-Стоу. Ее книга «Хижина дяди Тома», по шутливому замечанию А. Линкольна, «вызвала гражданскую войну».

Из книги Г. Бичер-Стоу взяты отрывки, раскрывающие бесчеловечность отношения к неграм со стороны плантаторов-рабовладельцев.

Выдержки из этих книг зачитываются на уроке «Гражданская война в США»; учащиеся получают более конкретное представление о причинах победы промышленного Севера в гражданской войне.

Торговля неграми в США. Аукцион.

На следующее утро, часам к одиннадцати, у здания суда собралась пестрая толпа. В ожидании торгов люди — каждый сообразно своим вкусам и склонностям — курили, жевали табак, поплевывали направо и налево, бранились, беседовали. Негры, выставленные на продажу, сидели в стороне и негромко переговаривались между собой. Женщина, по имени Агарь, была типичная африканка. Изнурительный труд и болезни, по-видимому, состарили ее раньше времени. Она почти ничего не видела, руки и ноги у нее были скрючены ревматизмом. Рядом с этой старухой стоял ее сын Альберт — смышленый на вид мальчик четырнадцати лет. Он единственный остался от большой когда-то семьи, членов которой одного за другим продали на Юг. Мать цеплялась за сына дрожащими руками и с трепетом взирала на тех, кто подходил осматривать его.

— Не бойся, тетушка Агарь,— сказал ей самый старший из негров. — Я попросил за тебя мистера Томаса, он обещал, если можно будет, продать вас одному хозяину.

— Кто говорит, что я никуда не гожусь? — забормотала старуха, поднимая трясущиеся руки.— Я и стряпухой могу быть, и судомойкой, и прачкой. Почему такую не купить по дешевке? Ты им так и скажи.— И она добавила настойчиво:— Так и скажи им.

Гейли протолкался сквозь толпу, подошел к старому негру, открыл ему рот, посмотрел зубы, заставил его встать, выпрямиться, нагнуться и показать мускулатуру. Потом перешел к следующему и проделал то же самое с ним. Наступила очередь

мальчика. Гейли ощупал ему руки, осмотрел пальцы и приказал подпрыгнуть, проверяя его силу и ловкость.

— Он без меня не продается,— заволновалась старуха.— Нас вместе надо покупать. Смотрите, хозяин, какая я крепкая! Я еще вам долго послужу.

— На плантациях-то? — сказал Гейли, смерив ее презрительным взглядом.— Как бы не так!— Он отошел в сторону, удовлетворенный осмотром, заломил шляпу набекрень, сунул руки в карманы и, попыхивая сигарой, стал ждать начала торгов.

Аукционист зычным голосом попросил толпу податься назад и объявил о начале торгов. Дело пошло без заминки. Негры продавались один за другим, и по хорошим ценам, что свидетельствовало о большом спросе на этот товар. Гейли купил двоих.

— Ну-ка, юнец,— сказал аукционист, дотрагиваясь молоточком до Альберта,— встань, пройдись, покажи себя.

— Поставьте нас вместе... вместе... Будьте так добры, сударь! — забормотала старуха, крепко уцепившись за сына.

— Убирайся!— грубо крикнул аукционист, хватая ее за руку. — Ты пойдешь напоследок. Ну, черномазый, прыгай!—И с этими словами он подтолкнул Альберта к помосту.

Сзади послышался тяжелый стон. Мальчик оглянулся, но останавливаться ему было нельзя, и, смахнув слезы со своих больших черных глаз, он вспрыгнул на помост.

Глядя на его прекрасное гибкое тело и живое лицо, покупатели стали наперебой набавлять цену. Он испуганно озирался по сторонам, прислушиваясь к выкрикам. Наконец аукционист ударил молоточком. Мальчик достался Гейли. Его столкнули с помоста навстречу новому хозяину. На секунду он остановился и посмотрел на мать, которая, дрожа всем телом, протягивала к нему руки.

— Сударь, купите и меня, богом вас заклинаю... купите! Мне без него не жить![1]

Джон Браун.

Довольно похищать рабов. Время пришло, надо поднимать негров и организовывать вооруженные отряды.

— Капитан Браун, — сказала она, — я видела Юг и Север, я прошла путь от негритянского поселка до дома Фредерика Дугласа... Нужно не двадцать и не двести человек. Здесь нужно, чтобы поднялся весь американский народ, белые и черные.

Браун нервными пальцами стал теребить бороду.

— Вы отказываетесь от участия в восстании?

— Нет, капитан Браун,— проговорила Гарриет после долгого молчания,— если вы начнете, я буду с вами.

[1] Г. Бичер-Стоу, Хижина дяди Тома, М., 1958, стр. 135—136.

Браун неожиданно схватил ее руку и потряс со всей силой.

— Я так и думал, — воскликнул он, — я так и думал!.. Подлинно мужской ответ я получил в лесу от женщины, а не от мужчин в уютных гостиных... Мы создадим негритянскую армию! Мы нанесем им удар в самое сердце!

— Кому, друг мой? — сдержанно спросил Логен.

— Рабовладельцам. Врагам бога и свободы! Я знаю! Я хочу! Я иду!

Глаза его засияли светлым, почти металлическим блеском. Порыв ветра рванул ветви сосен и обдал Брауна влажными брызгами. Струйки стекали по его щекам, белой бороде и меховой куртке.

Таким Гарриет запомнила его на всю жизнь: большим, мокрым, твердо стоящим на сыром мартовском снегу, похожим на могучее дерево, с которого сходит снег на пороге весны[1].

Вопрос: К чему призывал аболиционистов мужественный сын американского народа?

Участие негров в гражданской войне.

«Пятьдесят четвертый цветной» сильно поредел, но все так же рвался к скользким крутым скатам форта Вагнер. Строй был потерян, группы солдат ожесточенно лезли по выбоинам на парапет форта, получали залпы в упор, скатывались. На их место лезли другие.

— Сомкнись!— кричал Пинч.— Сомкнись еще!

Его фигура несколько секунд рисовалась черным силуэтом на огненном фоне. Он держался на самом парапете и наносил удары саблей по сторонам. Вокруг него суетились черные солдаты со штыками и артиллеристы южан, защищавшиеся банниками. Затем полыхнула новая вспышка — и Пинч безмолвно свалился в ров вместе с пятью-шестью рядовыми своей роты.

Штыковой бой на парапете шел минут десять. Дэви казалось, что это продолжалось не меньше часа. Он два раза скатывался по камням и снова поднимался. Потом ему показалось, что вместо ног у него два мешка, набитые ватой. Ноги перестали его держать. Он удивленно охнул и заскользил вниз, в ров.

«Пятьдесят четвертый» отходил, потеряв почти треть состава. На помощь ему пришла «вторая линия», которая снова атаковала форт и ворвалась внутрь, но была отбита резервами неприятеля. К тому времени, когда туман стал рассеиваться, было уже ясно, что форт Вагнер остался в руках южан. Защитники форта трясущимися руками поднимали на мачту сбитое гранатой рваное сине-красное знамя с крестом и звездами — боевое знамя Юга.

[1] Л. Рубинштейн, Черный ураган, Детгиз, М., 1962, стр. 159—160.

На следующий день было заключено перемирие. Федеральные офицеры выехали к стенам форта в поисках тела своего полковника. Навстречу им спустились офицеры южан. Комендант форта был бледен, лица его адьютантов не выражали ничего, кроме тревоги. Уж очень много вооруженных негров лежало во рву и на морском берегу. Легенда о том, что цветные «не умеют воевать», рассеялась как дым, и перед свидетелями вчерашней яростной атаки блуждал призрак негритянской армии — самый страшный призрак Юга за последнее десятилетие[1].

«Не рабы, но и не равные белым».

Док Томпсон совершил неслыханный в истории графства Дорчестер поступок: через несколько месяцев после окончания гражданской войны он допустил к себе в кабинет и усадил в кресла двух представителей «Бюро по делам освобожденных».

Оба представителя были черные. Один из них был Дэви Кимбс. Все соседи прекрасно знали, что этот Кимбс был когда-то рабом в усадьбе Данкена Стюарта. Но это еще куда ни шло... Второй представитель, вернее, представительница была известная преступница Гарриет Табмен, беглая рабыня Бродасов, голова которой к концу гражданской войны стоила сорок тысяч долларов! и вместо того, чтобы сжечь ее на костре...

Извините, я забыл, что рабства уже не было. Должен сказать, что доктор Томпсон вел себя как великий и тонкий дипломат. Он беседовал с представителями Бюро о найме негров на работу за деньги, словно они были белые. Один раз он метнул на Гарриет быстрый яростный взгляд — это когда Гарриет сказала, что бывшие участники мятежа должны ответить перед судом.

...О, как было трудно Томпсону выслушивать такие наглые замечания! А тут еще беглая Тамбен объявила, что цветные батраки должны получать столько же, сколько белые рабочие, потому что «все люди созданы равными». Доктору сильно хотелось ударить ее плеткой, но он спохватился, что за это, чего доброго, еще отдадут под суд — ведь черномазая больше ему не принадлежит... Подумайте, доктору пришлось спорить с двумя неграми! Ну, Дэви Кимбс — тот вел себя вежливо, а эта похитительница рабов сидела выпрямившись, словно принцесса. Уж вы бы, конечно, вытолкали эту нахалку за дверь!

Но Томпсон проявил величайшее терпение и доброту.

Доброта Томпсона в значительной мере объяснялась тем, что во время его разговора с Кимбсом на дворе гудела толпа негров.

— Десять акров земли и мула!— кричали оттуда.

— Детей в школу! Детей!..

— К черту Хопкинса! Еду! Одежду!

---

[1] Л. Рубинштейн, Черный ураган, Детгиз, М., 1962, стр. 188, 190, 193.

Толпа загудела сильнее.

...В это время в задней комнате усадьбы Джесси ходила из угла в угол, стиснув руки.

— Боже мой! Наши негры! Что сказал бы покойный отец!

Когда Джесси вошла в кабинет, Томпсон продолжал что-то доказывать Дэви Кимбсу, стуча карандашом по столу. Дэви безучастно кивал головой. Гарриет Табмен сидела на стуле со скучающим видом и глядела в окно.

Увидев Джесси, Томпсон уронил карандаш и встал. Дэви посмотрел на миссис Баррингтон с удивлением. Лицо Табмен словно окаменело.

Джесси подошла поближе, шурша платьем, и сказала, обращаясь к ней:

— Я тебя помню. Тебя звали Хэт. Говорили, что ты девушка с характером. Я люблю людей с характером.

Табмен молчала.

— Но у меня тоже есть характер. Я наследница Бродасов. Поэтому я предлагаю тебе немедленно успокоить своих родичей и развести их по домам. Я понимаю, что ты привела их сюда, чтобы напугать нас. Но мы не испугались.

Табмен молчала.

— Вы угрожаете нам законами и судом. Вы думаете, что теперь вы равны белым? Ошибка! Случайность! Эта наша страна, а не ваша.

— Миссис — Баррингтон... — дрогнувшим голосом произнес Томпсон:

Но Джесси не обратила на него внимания.

— Слушай, Хэт,— продолжала она,— если ты и впрямь хочешь быть полезной своим родичам, перестань воображать себя американкой. Меня тошнит при мысли, что вы желаете находиться рядом с нами в школах, в судах, на балах, за столом, в вагонах, на пароходах, дома[1].

Вопросы: Чем была вызвана борьба против рабства?

Какую роль сыграли негры в гражданской войне?

Почему и каким образом северяне победили рабовладельцев-южан?

* * *

Книга Г. Серебряковой «Похищение огня» охватывает двадцатилетний период жизни Карла Маркса, воссозданный на фоне таких событий, как возникновение «Союза коммунистов», революция 1848 г., Крымская война, возникновение Первого Интернационала.

В книге даны запоминающиеся образы К. Маркса, его жены Женни фон Вестфален, Ф. Энгельса, Г. Гейне и др. События романа развертываются в столицах Франции, Англии, Бельгии, в России и Петропавловской крепости.

---

[1] Л. Рубинштейн, Черный ураган, Детгиз, М., 1962, стр. 212—217.

В книге имеется богатый, интересный материал.

В пособии приведен отрывок, знакомящий читателя с выдающимися событиями из истории рабочего движения и образования Первого Интернационала.

Отрывок пересказывается учителем и частично цитируется.

Подумать: Чем было вызвано образование Международного Товарищества рабочих?

СОЗДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

... Вернувшись домой, он застал у себя гостей. Французы — чеканщик Толен, машинист Сток, учитель Ле Любе — и несколько незнакомых англичан-рабочих поджидали его в столовой, где Женни и Ленхен хлопотали, радушно угощая их чаем.

— Привет и братство, отец Маркс,— сказали они чинно.

— Очень, очень рад вам, друзья. Что привело вас ко мне?

Толен заговорил первым:

— Мы приехали по приглашению английских тружеников на переговоры с дружески протянутой рукой, чтобы наконец объединиться.

Карл дал согласие прийти на митинг, однако решил, что с речью в этот раз выступит не он, а портной, коммунист Эккариус.

Двадцать восьмого сентября 1864 года в Сент-Мартинс-холле собрались тысячи рабочих. Огромный светлый зал не смог вместить всех желающих. Духота была удручающая, и у Карла кружилась голова. Он думал, глядя на волнующую, охваченную одним вдохновенным добрым порывом толпу, о прошедших долгих годах затишья в борьбе.

Подперев голову кулаками, Маркс внимательно слушал Эккариуса. Лицо его просветлело. Портной чуть глуховатым низким голосом толково, увлеченно говорил о том, как после мирового экономического кризиса обострились отношения между капиталистами и людьми труда. Рабочие защищались стачками. Фабриканты ответили на это ввозом иностранной рабочей силы.

— У нас, пролетариев, одни судьбы и страдания, кто бы мы ни были, к какой расе бы ни принадлежали,— продолжал Эккариус.

Он подошел к краю рампы. Свет круглых керосиновых ламп осветил худую сутулую фигуру оратора в поношенном костюме, простершего вперед большие темные, исколотые руки.

— Во всех европейских странах рабочие стремятся к солидарности в борьбе за свои права.

— И в Америке тоже,— крикнул кто-то из зала.

— В этом наше спасение и сила,— продолжал Эккариус.

— Да здравствует интернациональное соединение! — ответили десятки голосов.— Продолжай, старина, ты говоришь дело.

— Английские рабочие прошли суровую, трудную школу чартизма. Они знают, где зарыта собака... Мир меняет наконец свою шкуру. Французские рабочие вновь начали политическую борьбу. В Германии организовались профессиональные союзы. Участились забастовки. И наш великий, огневой призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» снова звучит над землей.

Полукруглый зал Сент-Мартинс-холла напоминал большой храм. Люди многих национальностей собрались в нем на торжество Международного братства. Они ликовали, радовались, пели.

На митинге в Сент-Мартинс-холле было решено создать Международное товарищество рабочих. В организационный комитет вошли от немецких тружеников Карл Маркс и Эккариус.

Революционер, каким всегда и прежде был Маркс, отдал все силы нелегкому делу укрепления Международного товарищества рабочих. Надо было объединить рабочее движение разных стран, весьма разнородных по уровню развития, преодолевая при этом много неожиданных препятствий [1].

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

Книга Л. Гранина «Ярослав Домбровский» посвящена истории Парижской коммуны. В ней даны запоминающиеся портреты — характеристики ведущих деятелей и участников Коммуны — Варлена, Я. Домбровского и других.

В начале урока на доске записывается проблемная задача: Какие факты свидетельствуют о том, что Коммуна была властью трудящихся?

Какими качествами обладали ее руководители?

«Олицетворение ума и чести Коммуны».

Прямо из форта Домбровский поехал к члену Военной комиссии Коммуны Варлену. Обычно в эти часы, после полудня, Варлен принимал избирателей в мэрии XII округа. Неизвестно, как он успевал выполнять все свои обязанности. Кроме военных дел, он занимался контролем денежных расходов Коммуны, обеспечивал Париж продовольствием, выступал в клубах. Этот бывший переплетчик за две недели перестроил и наладил работу городского хозяйства так, как до него не сумел этого сделать ни один из министров Франции. Не было человека, которого он отказался бы выслушать, и каждое дело — большое

[1] Г. Серебрякова, Похищение огня, кн. 1 и 2, изд. «Советский писатель», М., 1962, стр. 823—825.

или маленькое — встречал он горячим участием. Недаром Варлена так любили парижские рабочие.

Французская секция Интернационала, одним из вожаков которой был Варлен, дала Коммуне многих талантливых руководителей. Чеканщик Альберт Тейс руководил почтой города. В течение нескольких дней он восстановил громадный аппарат учреждения, доведенный до полного развала правительством Тьера. Бронзовщик Камелина заведовал Монетным двором, вместе с рабочими он разработал новый способ чеканки монет. Инженер Вайян возглавил народное образование. От имени Генерального Совета Интернационала Маркс командировал в Париж Лео Франкеля и Огюста Серрайе. Парижане выбрали рабочего-ювелира Франкеля и Огюста Серрайе в члены Коммуны, им поручили работу в Комиссии Труда и Обмена [1].

* * *

В повести Е. Яхниной и М. Алейникова «Шарло Бантар» доступно и увлекательно описаны последние дни Парижской коммуны, даны характеристики выдающихся деятелей и рядовых коммунаров, взволнованно рассказано о героической борьбе революционного Парижа против версальцев.

Один из приводимых отрывков посвящен деятельности русской революционерки Елизаветы Дмитриевой, ставшей в ряды коммунаров; в другом — изложена героическая борьба коммунаров против версальцев в последние дни существования Коммуны.

Отрывок о Елизавете Дмитриевой используется для конкретизации рассказа или для подготовки сообщения-миниатюры.

Елизавета Дмитриева в рядах коммунаров.

Среди посетителей, ожидавших командующего, была Елизавета Дмитриева. Женский батальон послал ее добиться у генерала отмены приказа о направлении женщин на рытье рвов. Они не хотели менять ружье на лопату.

Елизавета была одной из самых энергичных, предприимчивых и смелых русских женщин, ставших в ряды парижских коммунаров. Участница Первого Интернационала, сражаясь на французских баррикадах, она знала, что борется в то же время и за освобождение своей родины — России, где еще не пришел час восстания.

В первом написанном ею воззвании к гражданкам Парижа она говорила им:

«Настал решительный час! Надо покончить со старым миром. Мы хотим быть свободными! И не одна Франция теперь

[1] Л. Гранин, Ярослав Домбровский, Л., 1955, стр. 15—16.

поднимается. Глаза всех народов направлены на Париж. Они ждут нашей победы, чтобы, в свою очередь, освободиться...»

Елизавета была талантливым организатором и пламенным оратором. Она хорошо владела пером и с одинаковой ловкостью держала шаспо и перевязывала раны.

Во время осады Парижа она основала Женский Союз защиты Парижа и помощи раненым, а во время Коммуны состояла постоянной корреспонденткой Генерального совета Первого Интернационала и принимала горячее участие в создании женских клубов.

Природа не пожалела для нее даров: наделив ее разносторонними способностями, она наградила ее и замечательной внешностью. Нельзя было не обратить внимания на ее великолепные, сверкающие черные глаза, мягкие красивые темные кудри, выразительные и тонкие черты лица.

Вопрос: Что было сделано Елизаветой Дмитриевой для защиты Коммуны?

Последний салют.

Рассыпавшийся длинной цепью отряд версальцев медленно приближался к баррикаде.

— Целиться точнее! — крикнул Этьен, и почти тотчас раздалась его команда: Огонь!

Ни одна из пятнадцати пуль не миновала намеченных стрелками версальцев.

Завязался жаркий бой. В ответ на первые выстрелы коммунаров с укреплений версальцев раздался ответный залп из трех орудий. За ним последовал другой, третий... Гранаты падали на баррикаду непрерывно. Через несколько минут еще с одного более отдаленного пункта вражеские пушки стали засыпать снарядами улицу Рампоно.

Тем временем передовой версальский отряд подполз совсем близко.

Пули почти не причиняли вреда защитникам баррикад, но зато снаряды производили страшное опустошение.

Скоро на баррикаде осталось только семь человек, способных держать оружие.

Лимож перебегал с одного конца баррикады на другой, взбираясь на камни, на бочки, а когда версальцы подползли почти к самой стене, он взобрался на нее и стрелял оттуда. Сам он каким-то чудом оставался невредимым, хотя пули жужжали вокруг него.

Это был уже не прежний, изнеженный поэт с юношеским лицом. Это был настоящий воин, со всем жаром молодости отдающий жизнь за прекрасное дело свободы. Его большие черные глаза сверкали, и весь облик выражал твердость и мужество.

...Раненный осколком гранаты, Этьен, лежал в полузабытье. Не сон ли это — свист пуль, вой гранат... и этот стон? Чей стон вот тут, где-то совсем рядом? Сколько их осталось, борцов за Коммуну? С Лиможем их было четверо...

Наступившая вдруг тишина прояснила сознание Этьена.

...Этьен бросился к пушке, где оставался последний заряд. Он не должен был пропасть! Этьен успел выстрелить прежде, чем версальцы повалили его.

— Это наш последний салют пролетарской революции!— произнес он, падая под ударами прикладов.

Вопрос: Как вели себя коммунары в последнем бою?[1]

* * *

В. Гюго создал замечательный образ юного героя-коммунара, смелого, бесстрашного, верного бессмертным революционным идеям Коммуны.

Стихотворение декламируют учащиеся при изучении вопроса о героях Коммуны.

За баррикадами, на улице пустой,
Омытой кровью жертв, и грешной, и святой
Был схвачен мальчуган одиннадцатилетний.
— Ты тоже коммунар? — Да, сударь, не последний!
— Что ж? — капитан решил. — Конец для всех — расстрел.
Жди, очередь дойдет! — И мальчуган смотрел
На вспышки выстрелов, на смерть борцов и братьев.
Внезапно он сказал, отваги не утратив:
— Позвольте матери часы мне отнести!
— Сбежишь? — Нет, возвращусь! — Ага, как не верти,
Ты струсил, оголец! Где дом твой? — У фонтана. —
И возвратиться он поклялся капитану.
Ну, живо, черт с тобой! Уловка не тонка!
Расхохотался взвод над бегством паренька.
С хрипеньем гибнущих смешался смех победный.
Но смех умолк, когда внезапно мальчик бледный
Предстал им, гордости суровой не тая,
Сам подошел к стене и крикнул: — Вот и я!
И устыдилась смерть, и был отпущен пленный.
Дитя! Пусть ураган, бушуя во вселенной,
Смешал добро со злом, с героем подлеца,
Что двинуло тебя сражаться до конца?
Невинная душа была душой прекрасной.
Два шага сделал ты над бездною ужасной:
Шаг к матери один и на расстрел — второй.
Был взрослый посрамлен, а мальчик был герой.
К ответственности звать тебя никто не вправе
Но утренним лучам, ребяческой забаве,
Всей жизни будущей, свободе и весне
Ты предпочел прийти к друзьям и встать к стене,
И слава вечная тебя поцеловала[2].

[1] Е. Яхнина и М. Алейников, Шарло Бантар, Детгиз, М.—Л., 1951, стр. 249, 250, 253, 254, 255, 257.

[2] К. М. Даен и М. И. Фриман, День Парижской коммуны в школе, М., 1962, стр. 79, 80.

* * *

В обстановке чудовищного кровавого террора, скрываясь от палачей Тьера, французский рабочий поэт Эжен Потье написал текст гимна «Интернационал».

В книге Г. Серебряковой «Вершины жизни» взволнованно и искренне передано огромное впечатление, которое произвели полные революционного пафоса, гнева и веры в будущее человечества слова «Интернационала» на русскую революционерку Л. Красоцкую.

Отрывок рекомендуется использовать в качестве эмоциональной концовки к теме «Парижская коммуна 1871 г.».

Э. Потье — автор текста гимна «Интернационал».

...Однажды Лиза узнала о крайне бедственном положении тяжело больного члена Коммуны, разрисовщика тканей поэта Эжена Потье. С большими предосторожностями, переодевшись и загримировавшись простолюдинкой, Красоцкая отправилась на одну из окраинных жалких улочек, где в мансарде старого дома скрывался рабочий-коммунар.

— Вы предполагали найти на этом чердачке одряхлевшую птицу с выщипанными перьями. Нет, я хоть и немощен, но силен духом,— сказал Потье, с трудом пододвигая гостье старинный дубовый стул.

В эти дни отчаяния, бессильных слез над могилами друзей, совсем один, находясь постоянно под дамокловым мечом, я написал стихи. Они сотканы из волокон моего сердца.

— Прошу вас, прочтите мне ваше произведение.

Потье привстал с дырявого соломенного тюфяка, брошенного прямо на пол, и повернул к окну свое плоское, курносое, мудрое, желтое, как глина, лицо.

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Это есть наш последний и решительный бой.
С Интернационалом воспрянет род людской!

Казалось, что Потье не говорит, а поет эти строки. Лиза ощутила глубокое волнение и вся подалась вперед.

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.
Это есть наш последний и решительный бой.
С Интернационалом воспрянет род людской!

За окном внезапно послышались крики. Женщины преградили путь конвою, ведшему на военный суд нескольких комму-

наров. Офицер скомандовал: «На изготовку!» Усилился шум, послышались горестные вопли. Откуда-то глухо донеслось: «Да здравствует Коммуна!» Затем все смолкло.

Изможденный, старый Потье продолжал вдохновенно декламировать, и лицо его удивительно преобразилось, — он помолодел и был прекрасен.

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.
Это есть наш последний и решительный бой.
С Интернационалом воспрянет род людской!

Давно пора было уходить, а Лиза все сидела подле Эжена Потье.

— Я уношу в памяти ваш «Интернационал»,— сказала она ему на прощание.— Мне кажется, этому творению жить и жить. Множество поколений, как я, будут носить его отныне в сердце и повторять в минуты борьбы, радости и печали. Спасибо, дорогой друг, за этот дар человечеству [1].

Вопрос: Почему до глубины души потрясают слушателей слова «Интернационала»?

* * *

Французский рабочий, член Парижской коммуны Э. Потье, которого В. И. Ленин называл «одним из великих пропагандистов посредством песни» в поэтической форме подводит итог тому, за что и как боролась Парижская коммуна, определяет ее место и значение в истории рабочего движения.

Стихотворение используется в качестве эмоциональной концовки.

ГОДОВЩИНА 18 МАРТА 1871 ГОДА.

Эжен Потье.

То был твой день, безвестный люд,
День синеблузой диктатуры!
Ее впервые создал труд,
Ей стены удивлялись, хмуры.
Да, ты прославлен на века,
Штаб пролетариев, которым
Стал достопамятный ЦК,
Что дал отпор парламентерам!
И толпы к ратуше стеклись...
Там, жизнерадостный и юный,
Париж, чьи дети поднялись,
Провозгласить свою Коммуну...
И пушки заревели с круч:
Мы разгромим буржуазию!
И солнца выглянувший луч
Ласкал народную стихию...
Нужда нас гложет без конца...
Товарищи, соедините
Стаканы, песни и сердца
И годовщину вспомяните! [1]

[1] Г. Серебрякова, Вершины жизни, Роман-газета, № 4, 1963, стр. 30—31.

Дополнительная литература для внеклассного чтения, читательских конференций:

Г. Жеффруа, Заключенный. Жизнь и революционная деятельность О. Бланки, изд. 2, М.—Л., 1925.

Г. Серебрякова, Юность Маркса, 1952, Похищение огня (некоторые главы), М., 1962.

Ф. Брет-Гарт, Кларенс. В кн.: Ф. Брет-Гарт, Избранные произведения, М., 1956.

Г.—Х. Лонгфелло, Песни о невольничестве. В кн.: М. Л. Михайлов, Собрание сочинений, т. 1, М., 1951.

Р. Хильдрет, Белый раб. Роман, Л., 1950.

Д. Эрлих, Джон Браун, М., 1940.

Л. Кладель, Жак Ратас (роман о Парижской коммуне), М.—Л., 1951.

И. Эренбург, Трубка коммунара. В кн.: И. Эренбург, Соч., т. 4, М., 1953.

Э. Потье, Избранные стихотворения, М., Детгиз, 1955.

А. Я. Лурье, Портреты деятелей Парижской коммуны, М., 1956.

Е. Яхнина и М. Алейников, Семьдесят два дня, Детгиз, М., 1953.

[1] К. М. Даен и М. И. Фриман, День Парижской коммуны в школе, М., 1962, стр. 68, 69.

VI. РОССИЯ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА.

О трагических событиях в с. Бездна Казанской губ. рассказывается в книге С. Заречной «Предшественник». Книга служит иллюстрацией массового крестьянского движения против крепостного права.

Материал этого отрывка можно включить в изложение новой темы. Возможен и драматизированный пересказ этого отрывка. Это позволит глубже и полнее раскрыть содержание и смысл картины: «Расстрел крестьян в с. Бездна», показать стойкость и мужество безоружных крестьян.

Обдумать: Каковы причины выступления крестьян села Бездна? В чем была сила и слабость этого выступления крестьян?

Восстание в Бездне.

Народ затопил улицу. Впереди Антон, широко осеняя крестом толпящихся вокруг него мужиков и баб, не шел, а будто несся, едва касаясь земли. Тщедушный и неказистый, он словно вырос. Ясные детские глаза его лучились светлой радостью. Внезапно толпа дрогнула, загомонила.

— Беда! Солдат нагнали!

— Пропали мы, братцы! Ой, пропали!

...Антона увели в избу. Народ плотной стеной окружил крыльцо, загородил вход. Тогда из кареты вышел Половцев[1].

...— Здравствуйте, поселяне!— Голос его ему самому показался чужим.

Здравствуй, барин!— нестройно ответили мужики.

[1] Офицер карательной экспедиции.

Лица у всех были неприязненные, но спокойные. Половцев приободрился.

— Благочестивый государь наш, император Александр Николаевич,— бойко начал он заранее подготовленную речь,— по великой доброте своей и в неусыпанных заботах о благе чад своих, как истинный, так сказать, отец, даровал вам волю...

— А помещики тую волю спрятали,— перебил его чей-то насмешливый голос.

...— Вернитесь же к своему мирному труду, поселяне,— покрывая шум, продолжал Половцев,— отныне, так сказать, вольному труду. Исполняйте свои обязанности по отношению к вашим бывшим господам. Через два года вы будете совершенно свободны.

Озорной свист прорезал воздух.

— Через два года! Пока солнце взойдет, роса очи выест!

... Нарастающий гул голосов заглушил последние его слова.

— Не истинная то воля, подложная!

— Истинную волю господа спрятали!

— Ваша воля, а наше поле! Биться не хотим, а поле не отдадим! — Не надоть нам вашей воли!

Апраксин с трудом сдерживал ярость.

— Выдайте Антона, не то стрелять буду. Это он вас подучил бунтовать.— Стреляй!

— Все до единого умрем, не покоримся.

— За правду постоим!

...Апраксин сделал знак поручику, подошли солдаты и среди наступившей тишины ружейный залп разорвал воздух.

— Убивают!— пронзительно заголосила баба.

Но толпа стояла, не дрогнув. Люди крестились. По бледным лицам текли слезы.

— Ну? Выдадите Антона — помилую. Не выдадите...

Он медленно отсчитывал:

— Раз... два... три...

И, не дождавшись ответа, коротко бросил:

— Огонь!

Новый залп смешался с воплями. На талом, окрашенном кровью снегу стонали и корчились умирающие. Рыдали женщины. Медленно рассеивался пороховой дым. Несколько человек отделились от толпы подбирать раненых. Но те, что охраняли избу Антона, не шелохнулись. Стояли, как зачарованные.

...Новый залп, и люди с воплями кинулись в разные стороны. Только раненые и убитые оставались на земле[1].

* * *

Для углубления характеристики грабительской сущности крестьянской реформы, можно зачитать стихотворение «Крестьянская песня»:

[1] С. Заречная, Предшественник, М., 1952, стр. 260—265.

Отпустили крестьян на свободу
Девятнадцатого февраля,
Только землю не дали народу,
Вот вам милость дворян и царя.
Мужики без земли пропадают,
А дворяне и рады тому,
Что дешевле они нанимают
Мужиков на работу свою...
Чтобы с голоду нам не подохнуть,
На дворян мы работать идем,
И живет эта жадная свора
Исключительно нашим трудом [1]

«Настоящей воли нет, ее надо завоевать».

Пятого марта, часу в двенадцатом, Чернышевский вышел из своей квартиры. После бессонной ночи над рукописями в дымном, прокуренном кабинете пахучая свежесть воздуха, не по-мартовски теплого, ощущалась даже на вкус. День был голубой, ослепительный. Смешанный с грязью талый снег хлюпал под ногами. Щурясь на свет, Чернышевский поискал извозчика. Но до конца улицы, сколько видно было его близоруким глазам, не оказалось ни одного. Чернышевский пошел пешком. Вдоль всей улицы около запертых на замок ворот дежурили дворники. У перекрестка, подле расклеенных на стене дома листков, скучилось человек десять. Один читал вслух, старательно выговаривая каждый слог. Лица у всех были напряженные. Какой-то молодой парень даже шевелил губами, повторяя за чтецом мало вразумительные витиеватые выражения. Чернышевский тоже остановился, наблюдая и прислушиваясь.

— «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с нами божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного».

Чтец перекрестился и увлажненными глазами оглядел слушателей.

— Сам я вольный, единственно из сочувствия.— Он шмыгнул носом и полез в карман за носовым платком.

— То-то из сочувствия! Было бы чему!

Молодой малый с краснощеким, в пышных бакенбардах лицом и дерзкими голубыми навыкате глазами презрительно сплюнул.

— Воля! Тьфу! Стало быть, дворового человека еще два года при себе держать будет... в ярме. Повинуйся ему! К чертовой бабушке такую волю! А вот сбегу я — что с меня, с вольного-то возмешь!

— Поймает и выпорет,— с назидательным спокойствием изрек пожилой мужчина, по одежде и обличью из городских мещан.

[1] Л. А. Вознесенский, Художественная литература в преподавании политэкономии, М., 1961, стр. 20—24.

Остальные молчали с видом хмурым и недоуменным. Сущность манифеста явно осталась для них непонятной.

Значит, Чернышевский был прав. Крестьяне попадают из одной кабалы в другую. Нищета и малоземелье поставят их в еще большую зависимость от помещиков. Да... Чернышевский прав: мирным путем ничего не добиться.

— Вы полагаете, что восстания могут вспыхнуть теперь же, немедленно?»

— Даже уверен в этом,— сказал Чернышевский.— Мужик мыслит конкретно, практически. Воля — значит и земля. И тотчас же после объяснения манифеста, без проволочек.

...Поселянин убедится, что его бессовестно обманули, обобрали дочиста, и никакой настоящей воли нет. Вот тогда он поднимется всем миром, и мщение его будет ужасно. Этот момент нельзя упустить, Николай Алексеевич. — Затаенная страстность прорвалась сквозь спокойно-рассудочные слова Чернышевского. — Надо подготовить крестьян, растолковать им, разбить в их сознании веру в батюшку царя, объединить, чтобы восстание вспыхнуло во всех концах России одновременно.

— Да ведь это революция, Николай Гаврилович!— хрипло проговорил Некрасов. Он задыхался от волнения.— Вы в это верите?

— Верю, Николай Алексеевич,— сказал Чернышевский [1].

Вопрос: Как оценил Н. Г. Чернышевский крестьянскую реформу и в чем он видел выход из создавшегося положения?

Гражданская казнь Чернышевского.

Долгое время продержали Николая Гавриловича Чернышевского в Петропавловской крепости. В одно пасмурное петербургское утро, когда мелкий, точно сквозь сито, дождь окроплял землю, Чернышевского вывели из камеры и посадили в полицейскую карету. Было шесть часов утра 19 мая 1864 года. Карета с «государственным преступником» прибыла на Конную площадь.

Посередине площади возвышался эшафот — место казни. Вокруг эшафота расположились конные жандармы, позади них — питерский люд. В толпе было много студентов и курсисток. Собрались на площади и фабричные рабочие.

Среди присутствующих был также Климент Тимирязев. Он видел, как из кареты вывели Чернышевского. Его бледное лицо опухло и носило следы цинги.

Чернышевского подвели к позорному столбу. Палач надел на руки «государственному преступнику» железные кольца прикованных к столбу цепей.

[1] С. Заречная, Предшественник, М., 1952, т. 1, стр. 248—251.

Климент Тимирязев с болью в сердце смотрел из толпы на Чернышевского. Вот он, простой и великий русский человек, стоит у позорного столба без шапки, в осеннем пальто. Лицо его спокойно, ветерок еле колышет прядь светлых волос, капли дождя падают на лоб. Жандарм читает длинный приговор. Семь лет каторги и вечное поселение в отдаленных районах Сибири. Глаза Тимирязева туманятся. Сквозь пелену он видит, как Чернышевского ставят на колени, как палач ломает над его головой шпагу. Летят в сторону обломки стали. На эшафот упал букет цветов — кто-то из толпы бросил их Чернышевскому.

Дождь не перестает. Чернышевский спокойно смотрит на народ. Навсегда запомнил эти минуты Климент Тимирязев. Здесь, на Конной площади, ложь и насилие встретились с правдой и мужеством. Чернышевского повели с эшафота. Кто-то крикнул «Прощай!»

Герцен в «Колоколе» писал о гражданской казни Чернышевского: «Чернышевский был Вами выставлен к столбу на четверть часа, а Вы, а Россия на сколько лет останется привязанными к нему? Проклятье Вам, проклятье — и если можно, месть!»[1].

Вопрос: Кто представлял на Конной площади ложь и насилие, а кто правду и мужество?

Революционные идеи Н. Г. Чернышевского в стихах его единомышленников.

Революционные призывы единомышленников Н. Г. Чернышевского нашли яркое выражение в стихах поэта-революционера М. Л. Михайлова. Наиболее популярным из них, ставшим революционной песней, было стихотворение: «Смело, друзья! Не теряйте...»

Это стихотворение служит эмоциональной концовкой урока.

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою.
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!
Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть, мы все казни пройдем!
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,—
Дело, друзья, отзовется
На поколеньях живых.
Стонет и тяжко вздыхает
Бедный, забитый народ,
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.
Час обновленья настанет,—
Воли добьется народ,
Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придет.
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,—
Дело, друзья, отзовется
На поколеньях живых[1].

* * *

Крестьянская реформа, проведенная помещиками, была крепостнической реформой, сохранившей множество крепостнических пережитков.

Причины и формы пореформенной кабалы («прижимок») хорошо раскрыты в отрывке из очерков Салтыкова-Щедрина «Мелочи жизни».

«Помещичьи прижимки».

— Вы пашни больше берите, — увещевал он крестьян: — в ней вся ваша надежда. За лесом не гонитесь, я и сучьев на протопление, и валежнику на лучину, хоть задаром, добрым соседям отпущу! Лугов тоже немного вам нужно — у меня пустошей сколько угодно есть. На кой мне их шут! Только горе одно... хоть даром косите!

Словом сказать, так обставил дело, что мужичку курицы выпустить некуда. Курица глупа, не рассуждает, что свое и что чужое, бредет туда, где лучше,— за это ее сейчас в суп. Ищет баба курицу, с ног сбилась, а Конон Лукич молчит.

— Вы, что ли, Конон Лукич, курицу взяли?— пристает она к барину.

— Не знаю; видел я давеча курицу у себя в огороде, а твою ли, мою ли — христос их разберет.

— Куда же она девалась?

— Должно быть, в суп ко мне попала. Не ходи в огород! — за это я не только чужой, но и своей курице потачки не дам!

Что бабе делать? Не судиться же из-за курицы! Обругает барина, да он уж обтерпелся. В глаза его «мучителем» зовут, а он только опояску на халате обдергивает.

И полеводство свое он расположил с расчетом. Когда у крестьян земля под паром, у него, через дорогу, овес посеян. Видит скотина — на пару ей взять нечего, а тут же, чуть не под самым рылом, целое море зелени. Нет-нет да и забредет в господские овсы, а ее оттуда кнутьями, да с хозяина — штраф. Потравила скотина на гривенник, а штрафу — рубль.

...Другое подспорье — это система так называемых одолжений. У мужичка к весне и хлеб, и сено подошли, а Конон Лукич всегда готов, по-соседски, одолжить.

---

[1] Б. Могилевский, Жизнь Тимирязева, Детгиз, М., 1956, стр. 49—50.

[1] «Сподвижники Чернышевского», изд. «Молодая гвардия», 1961, стр. 78—79.

— Одолжили бы, сударь, пудика два мучки до осени?— кланяется мужичок.

— С удовольствием, друг. И процента не возьму: я тебе два пуда, и ты мне два пуда — святое дело! Известно, за благодарность ты что-нибудь поработаешь... Что бы, например?— Ну, например, хозяйка твоя с сношеньками полдесятинки овса мне сожнет.— Помилуйте, Конон Лукич! —полдесятинки-то овса сжать мало-мальски два с полтиной отдать нужно!

— Это ежели деньгами платить, а мне — за благодарность. Я ведь не неволю; мне и гуляючи отработаете. Наступит время, поспеет овес — бабыньки-то твои и не увидят, как шутя полдесятинки сожнут!

За первым мужичком следует другой, за другим — третий и так далее. У всех нужда, и всех Конон Лукич готов наделить. Весной он обеспечивает себе обработку и уборку полей. С наступлением лета он точно так же обеспечивает уборку сенокоса [1].

Вопрос: Что побуждало крестьян идти в кабалу к помещику и чем она выражалась?

* * *

Развитие капиталистических отношений в деревне в пореформенный период выражалось прежде всего в «раскрестьянивании», т. е. в выделении из массы крестьянского населения сельской буржуазии (кулаков-«мироедов») и бедноты («гольтепы»). В русской деревне, при наличии крепостнических пережитков, этот процесс проходил в очень мучительной для крестьян форме. Талантливо и исторически достоверно воссоздает эти события Салтыков-Щедрин в «Мелочах жизни». Запоминаются образ мироеда и его методы обогащения.

«Мироед».

Истинный мироед зачался одновременно с упразднением крепостного права. Он рассуждает так: я выбрался из нужды,— стало быть,— и другие имеют возможность выбраться; ... учить их некогда, да и незачем, а надо просто-напросто есть их, хотя бы ради того, чтобы личный их труд не растрачивался на ветер.

...Мужичья изба словно фонарь — все в ней наружу. Вот она стоит, оголивши ребра, словно остов зверя. Там бревно из пазов вышло, тут — иструпело совсем; солома на крыше гниет, ветром ее истрепало, на корм скотине клочья весной повытаскали. Но и из этой груды полуистлевшего хлама пользишку извлечь можно. Вон он! Вон! Около телеги копошится! Э, да он, видно, остатки сена на воз навивать хочет!..

[1] Н. Щедрин, Мелочи жизни, Л., 1939, стр. 66—68.

— Авдей, а Авдей — никак ты сено-то в город везешь? — кричит мироед на всю улицу.

— Собрался было, Петр Матвеич,— робко откликается Авдей, чувствуя угрозу.

— Вези лучше ко мне — те же деньги, да и в город ездить не нужно. А коли искупить что в городе хотел, так и у меня в лавке товару довольно.

Авдей не прекословит. Вязанку за вязанкой он перетаскивает сено во двор к мироеду и получает расчет. В городе сено тридцать копеек стоит, мироед дает двадцать пять:— «Экой ты, братец! Поехал бы в город — наверное больше пяти копеек на пуд истряс бы!»

— Чтой-то, Петр Матвеич, словно бы маловато весу у вас выходит! Надо — быть, сена у меня тридцать пудов было, у вас двадцать семь весы показывают...

— Чудак, братец, ты! Разве я вешаю? Стрелка вешает! Вон, смотри стрелку-то — прямо стоит? А коли прямо — значит, верно.

— У Петра Матвеича весы живые: сколько ему захочется, столько и весят!— шутит сосед, тоже член мирской «гольтепы», случайно проходя мимо.

Пошутит прохожий, пошутит и сам продавец, пошутит и мироед,— так на шутке и помирятся. Расчет будет сделан все-таки, как мироеду хочется...[1]

«Не жизнь, а каторга».

Летом мужик весь в работе. Ленивый и захудалый мужичонко — и тот не сходит с полосы, а хозяйственный мужичок просто-напросто мрет на ней. Он почти не спит; ложится поздно, встает с зарей (по вечерней и утренней заре косить траву спорее) и спешит на работу. Вечно тревожимый думою о насущном хлебе, он набрал у соседнего помещика пустошных покосов исполу и даже из третьей копны, косит до глубокой осени и только с большой натугой успевает справиться с работой. И жена, и взрослые дети — все мучатся хуже каторги; даже подростки — и те разделяют общую страдную муку. Зато, в конце августа, он уже может рассчитать, что своего хлеба у него хватит до масляной. Но сена вдоволь: есть чем и скотину прокормить, и на сторону продать можно. Сено — главная его надежда. Земельный надел так ограничен, что зернового хлеба сеется малость; сена же он может добыть задаром, то есть только потратив, не жалеючи, свой личный труд на уборку.

...Однако к концу страды даже он начинает тощать на работе. Лицо у него почернело под слоем въевшейся пыли; домашние еле бродят. К счастью, страда кончается: и с озимым отсея-

[1] Н. Щедрин, Мелочи жизни, Л., 1939, стр. 70—73.

лись, и снопы с поля свезены и сложены в скирды, и последнее сено убрали. Наступает осень, иногда румяная, иногда сопровождаемая ливнями. Осень тоже имеет свою страду, но уж более снисходительную. Работают преимущественно под крышей или вблизи дома, на гумне, на огороде. Слышится стук цепов.

...Осенью он запасается на зиму. Стучат сечки о корыто, наполненное ядреной капустой; солится небольшой запас огурцов, в виде лакомства, на праздники; ходнем-ходит ткацкий станок, заготовляя красно и шерстяную редину, которыми зимой обшивают семью. Минуты нет отдохнуть. Даже с наступлением сумерек, при свете керосиновой лампочки (такое освещение дешевле лучины стоит) — и тут дело найдется. Большак новый лапоть плетет или старый починивает; старуха шерстяные чулки и карпетки вяжет; молодухи прядут. Благословенный труд не покидает этой семьи; он не кажется ей каторгой, а составляет естественный жизненный процесс. Поздно вечером (сидят долго, но зато встают позднее — где еще до свету!) ужинают и ложатся спать. Временно каторга прекращается.

Ночью изба представляет собою нечто вроде нестерпимой клоаки. Домочадцев скучилось так много, что и пол занят, и полати, и лавки по стенам. Изба полна смрадом и стонами этого замученного хозяйственного люда. У мужика есть, кроме избы, и «чистая» горница, но она не топится, ради сбережения дров и вообще в ней даже летом редко живут; она существует на показ и открывается только в праздники. Хорошо еще, что жилая изба топится по-черному; утром, чуть свет, затопит хозяйка печку, и дым поглотит скопившиеся в избе миазмы. Этот дым выедает глаза, щекочет ноздри. В беспрестанно отворяемую дверь врывается холодный воздух. Сонные домочадцы, разбуженные запахом гари и холодом, вскакивают как встрепанные и бегут на крыльцо, где на веревке качается рукомойник[1].

Обсудить: Какие крепостнические пережитки сохранились после реформы 1861 г.? Улучшилось ли положение крестьян?

* * *

Жизни крестьян в пореформенной деревне посвящены рассказы С. Каронина (И. Е. Петропавловского), писателя второй половины XIX в.

С. Каронин дает правильное освещение важнейших особенностей пореформенной деревни. Он рассказывает не только о тяжелом положении крестьян, оставшихся жить в деревне, но и о «раскрестьянивании», о формировании рабочего класса.

В отрывке из рассказа «Раб» описывается бегство крестьян из деревни в города. В образе крестьянина Михайла Лунина, ушедшего из деревни, представлено становление нового человека-труженика с его стремлением не только к личной свободе,

[1] Н. Щедрин, Мелочи жизни, Л., 1939, стр. 42—44.

но и к освобождению всего народа. Включение в изложение данного отрывка облегчит изучение процесса расслоения и формирования промышленного пролетариата.

«Тысячи жаждущих заработка».

По Руси ходят тысячи жаждущих работы, разоренных у себя дома и ищущих пищи на стороне. Ходят эти толпы всюду, откуда только пахнет заработком, ходят чутьем, на авось, без географии, по слуху. Пронесется темный слух, что в такой-то стороне хороший урожай, и тысячные толпы двигаются туда, побираясь дорогой именем Христа, но упорно и безостановочно направляясь к сказочной палестине, как пилигримы ходили в Иерусалим. Но в этой стороне часто оказывалась такая же недостача, как и в той, откуда они начали странствие. «Наврали», — говорят им местные обыватели палестины. И толпы проваливают еще на тысячу верст в другую палестину, где, по слухам, заработок есть; проваливают потому только, что им «наврали». «И шагают они в синюю даль...»[1].

Каждый раз в известное время из деревень идет в большие города народ с целью получить денег как можно больше. Одни идут на заводы, другие — в трактиры, третьи — в чернорабочие, кто куда успеет. Половина этого народа, однако, всегда пропадает зря. Никто из них, идя в город за деньгами, не знает, каким образом он возьмет их; знает только, что взять непременно надо, не столько для себя, сколько для той самой деревни, откуда он вышел и где у отца одного вот-вот уже корову хотят отнять, уж ухватились за рога и за хвост, тянут в разные стороны за долги, надо спасать, и для этого надо взять в городе денег, иначе корова пропадет; у другого дома остался брат, и этому брату плохо; если не взять денег, то брата поминай как звали!

Обсудить: Что заставляло крестьян уходить из деревни и где они находили применение своего труда?

* * *

В двух последующих отрывках характеризуется жизнь нового общественного класса пореформенной России — пролетариата, который вступил в решительную борьбу против эксплуатации и вскоре стал гегемоном массового революционного движения в стране.

Текст песни «Измученный, истерзанный» декламируется учащимся на уроке. Можно использовать эту песню в конце темы. Отрывок из повести И. Омулевского «Шаг за шагом» пересказывается учителем с элементами драматизации при изучении вопроса о новых формах классовой борьбы в России.

[1] С. Каронин, Сочинения в двух томах, т. 1, М., 1958, стр. 312, 327—328, 333—334.

«ИЗМУЧЕННЫЙ, ИСТЕРЗАННЫЙ».

(Мотив народный.)

Слова П. Горохова.

Измученный, истерзанный
Работой трудовой,
Идет, как тень загробная,
Наш брат, мастеровой.
С утра до темной ноченьки
За верстаком стоишь,
В руках пила тяжелая,
С пудовым молотком.
Он бьет тяжелым молотом,
Копит купцу казну,
А сам страдает голодом,
Порой несет нужду.
Купец к нему ласкается,
Коль нужен он ему,
А нет,— так издевается
И гнет его в дугу.
Придет зима холодная,
Купец дает расчет,
И вся семья голодная
Тут по миру пойдет.
Придешь в семью домашнюю,
Заплачешь, как дитя:
О, братцы, жить ведь хочется,
А жить никак нельзя! [1]

Вопрос: Как жил рабочий в 60—70-е годы XIX века?

Забастовка на фабрике в 60-е годы.

Теперешний директор,— переведенный в гражданскую службу полковник, бывший перед тем ушаковским полицмейстером,— представлял собою личность, далеко не похожую на своего предместника. Это был вспыльчивый и вместе с тем бессердечный, грубый человек — смесь военного задора с гражданским взяточничеством. Во время своего полицмейстерства он буквально нагонял ужас на более простодушных жителей города.

...Таков был полковник Оржеховский. В фабрике сей почтенный муж начал свою деятельность с того, что прибавил лишний час работы на заводах, само собою разумеется, в пользу собственного кармана, а отнюдь не в интересах казны, и до крови избил какого-то молодого фабричного, осмелившегося протестовать против такого незаконного распоряжения. Затем, несмотря на данный ему при этом урок тем, что многие фабричные не пошли на другой день на работу, теперешний директор стал от времени до времени наказывать рабочих розгами — сперва за одни крупные вины, а потом и за мелочи иногда.

[1] Хрестоматия для внеклассного чтения, сост. М. М. Терехов, М., 1960, стр. 283.

...Но когда новый директор позволил себе дать десять розог за грубость одному из «дедов», оппозиция эта стала до такой степени очевидна, что Оржеховский поздно вечером не решался даже и с казаками показываться на улицах деревни.

...Уже с раннего утра стало обнаруживаться особенное движение на улицах фабрики: то и дело встречались группы рабочих в пять-шесть человек, хотя день был и не праздничный. Одни из них, постарше, остановясь где-нибудь у забора, серьезно и с жаром разговаривали между собой вполголоса. «Уж как в фабрике у нас» — слышалась песня в разных концах деревни.

...Какой-то глухой, все более и более усиливающийся шум вывел смотрителя из глубокого, продолжительного забытья. Он испуганно мотнул головой, вскочил на ноги и быстро поднялся до самой верхней ступеньки крыльца. Крыльцо вело со двора прямо во второй этаж и оканчивалось широкой площадкой перед входной дверью; оттуда, сверху, открывался просторный вид на улицу. Теперь, стоя на этой самой площадке и держась дрожащими руками за ее перила, смотритель был поражен необыкновенной, невиданной картиной; огромная толпа фабричных медленно подвигалась вдоль улицы по направлению к директорскому дому; разноцветные головные платки женщин оживляли до некоторой степени однообразный и сплошной серый тон дубленых полушубков; фабричные мальчишки густыми кучками юркали сзади. Всмотревшись в эту исполинскую волну голов, смотритель, хорошо знавший численность местного населения, не мог не прийти к тому ужасному выводу, что тут была поставлена на ноги буквально вся фабрика. Растерянный до отупения, он вдруг, ни с того, ни с сего, опрометью кинулся вниз и со всего размаха запер отворенную им при входе калитку, как будто эта убогая дверца могла разыграть роль неприступной скалы в борьбе с надвигавшейся все более народной волной. Едва захлопнулась калитка, как из углового окна верхнего этажа высунулась в форточку черноволосая, курчавая голова директора в вышитой бисером ермолке.

...— Что вам от меня надо?— крикнул он, помолчав, толпе.

Староста неторопливо кашлянул в руку.

— А нам вот чего нужно,— заговорил Семен Ларионыч, отчеканивая каждое слово,— чтобы ты, значит, айда отсюда, чтобы севодне же, значит, духу твоего у нас в фабрике не было... потому — уж оченно ты «мир» изобидел: выборного посек; тепериче тоже обобрал кругом фабришных,— обсчитываешь их... Мы тебе, значит, честью сказываем: не хочем мы тебя, и честью же просим: уезжай от нас как можно поскорее,— вишь, народ остервенился...

Директор стоял, как пораженный громом, слушая эту краткую выразительную речь [1]. (Директора заставили уехать.)

[1] И. Омулевский, Шаг за шагом, Курск, 1955, стр. 334—346.

Вопрос: Что побудило рабочих выступить против директора завода и в какой форме проходило их выступление?

Литература для внеклассного чтения.

Н. А. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо (различные изд.).

Н. Г. Чернышевский, Что делать?, М.—Л., 1951, Пролог, М., 1953. «Поэты «Искры», Л., 1950.

Д. К. Вишневский, Загадка бубнового туза, М., 1958 (о крестьянском восстании в связи с реформой 1861 г.).

В. Г. Короленко, История моего современника (собрание сочинений), т. 5—6, М., 1954.

Д. Н. Мамин-Сибиряк, Приваловские миллионы. Роман, М., 1959.

О. Д. Форш, Одеты камнем, М., 1960 (о революционере-демократе 60-х годов).

Г. И. Успенский, Книжка чеков; «Четверть» лошади (избранное), М., 1952.

Б. Лунин, По следам вилюйского узника, Детгиз, 1963.

Присоединение Казахстана к России оградило казахский народ от разбойничьих нападений со стороны феодалов соседних среднеазиатских государств. Были прекращены феодальные усобицы, тяжело отражавшиеся на развитии хозяйства, на жизни трудового населения страны, открылись благоприятные возможности для укрепления экономических и культурных связей с Россией.

О том, насколько благотворно сказалось все это на развитии народного хозяйства, науки, литературы, свидетельствуют отрывки из романа Мухтара Ауэзова «Абай». Образный материал романа используется для конкретизации рассказа учителя. Наиболее яркие выдержки (особенно последний абзац второго отрывка) цитируются.

Первая русская книга в Казахстане.

Дверь распахнута... и прохладная юрта полна дыханием ясного весеннего утра. Запахи полыни и ковыля, перебивая друг друга, врываются в нее вместе с разноголосым шумом весны. Абай сидит возле высокой кровати с костяной резьбой, облокотившись о круглый стол. Чтение не мешает ему воспринимать все разнообразие жизни, окружающей юрту.

Ему дышится легко и радостно, и он склоняется над страницами, перечитывая их с новым, удивительным чувством, будто видя их совсем другими глазами: книга и ее читатель, наконец, поняли друг друга.

Сегодня произошло большое событие: эта книга была первой большой русской книгой, которую Абай прочел до конца почти свободно, как будто она была написана на родном языке.

Всю минувшую зиму Абай, окружив себя помощниками — словарями и учебниками, сидел только над русскими книгами. Весной, когда ему показалось, что свет нового мира уже открывается ему, он взялся за Пушкина. Начал он с прозы и, читая, с восторгом чувствовал, что понимает решительно все. Это был «Дубровский». Пушкин открыл перед Абаем все богатство русского языка — и теперь Абай смог оценить и все богатство мыслей этой книги.

Глубокое душевное удовлетворение и особенно острое ощущение окружающей жизни, владевшие сейчас Абаем, и были вызваны встречей с этой книгой: она оказалась тем спутником, которого случайно находишь в дороге и который вдруг становится неожиданно близким другом. Абай давно не испытывал такой радости. Сегодняшний день был оправданием его долгого отшельничества, оправданием его ухода от всех домашних дел и разговоров: брод, который он долгие годы искал, стремясь достичь другого берега, был, наконец, найден и перейден[1].

Имя Абая-поэта было известно повсюду...

Прошло несколько лет. Для Абая это были годы упорного труда и исканий. Время, проведенное с книгой или с пером в руке, будь то зимой или летом, Абай считал счастливейшими часами, своей настоящей жизнью. Думать, искать и доверять бумаге все пережитое стало смыслом его существования. Искры истины и высокие мысли, найденные им в книгах или познанные в жизни, находили себе место в его стихах, в песнях, каких до него никто еще не пел на его родном языке.

Имя Абая-поэта было в то время известно уже повсюду. Он и сам понимал свою поэтическую деятельность как долг перед народом. Множество его стихов, объединенных названием «О народе», клеймило невежественных смутьянов, впившихся в тело народа, как клещи, справедливым гневом карало неугомонных степных воротил, взяточников-управителей. Эти стихи были совестью народа. Их наполняла забота о тяжелой доле людей, изнемогающих в труде, любовь к ним. Молодому поколению Абай пел о красоте, возвышая души, заставляя глубоко задумываться над жизнью и искренне чувствовать.

Пушкин и Лермонтов... Оба они прошли свой жизненный путь вдали от степей, где жили его деды, и кончили жизнь в неведомых далях, чуждые и неизвестные казахам. Но за эту зиму оба стали так близки Абаю... Явились из другого мира, изъяснялись на другом языке, — а отнеслись к нему приветливо, как

[1] Мухтар Ауэзов, Абай, изд. «Советский писатель», М., 1955, стр. 370, 371.

родные. Двойники его огорчения и в грусти, они, разгадав его душу, как бы говорили ему: «И ты своими мыслями подобен нам!»

Абай со вздохом подумал: «Благословен народ, просветленный знанием!... Если б и нам, казахам, предки оставили золотой клад знаний и просвещения!..» Оба поэта представляются ему такими близкими друг другу, родными: «Это — братья, вся жизнь которых — ярко пылающий, неугасимый факел для последующих поколений, для всех носителей мысли среди всех народов и всех времен...»[1].

Вопросы: Какое впечатление производили на Абая Кунанбаева произведения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова?

Как это отразилось на его мировоззрении и творчестве?

* * *

В творчестве узбекского поэта Мукими нашли отражение те изменения, которые произошли в жизни народов Средней Азии во второй половине XIX века после присоединения Средней Азии к России. Поэт отмечает, что присоединение к России имело большое положительное значение: были прекращены усобицы, работорговля, стало быстрее развиваться хозяйство, расти города. Жестокий феодальный гнет, царивший в стране до ее присоединения к России, описан в приводимом ниже стихотворении Мукими.

ПРОШЕНИЕ ХАНУ ОТ ЖИТЕЛЕЙ.

О звезда эпохи нашей, побеждающая мрак,
Благосклонное вниманье обрати на Хафалак!
Саранча кишлак объела в кишлаке,
В кишлаке, как совьи дупла хижины и шалаши.
Люди там едят колючку, от которой мрет верблюд,
Кукурузную лепешку ханским пиром там зовут.
Постный суп из тыквы лучше хафалакцам прочих блюд.
Хафалакцы, голодая, в ступах корни трав толкут.
И едят их ежедневно, говоря «наш сумалак» (кисель),
Наготу тряпьем прикрывши, хафалакцы без дорог
Бросились бежать на запад, побежали на восток,
Горько плакали, рыдали: новый заведен налог[2].

* * *

Туркмения была разобщена на многочисленные враждовавшие между собой племена. Нередко они втягивались в войны соседних государств (Бухары, Хивы, Ирана) и не раз становились объектом опустошительных нашествий, грабежей, насилий. Местное население немало терпело от поборов, грабежей и насилий местных феодалов и богачей — беков и баев, мусульманского духовенства.

[1] Мухтар Ауэзов, Абай, изд. «Советский писатель», М., 1955, стр. 560—562.

[2] Мукими, Лирика и сатира, М., 1957, стр. 82—83.

Безграничный произвол чиновников, господствующей верхушки показан поэтом Туркмении Мухтум-Кули (Фрачи). Это стихотворение зачитывается на уроке.

СТРАШНЫЙ СУД.

Проповедник — мулла нам бормочет вздор.
Мы живем закону наперекор.
Заправляют делами голод и мор.
Разъясните, скоро ли страшный суд?
Муфтий[1] взятки берет с обеих сторон,
Чтоб того засудить, кто им разорен.
Заправляет делами вражда племен.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд?
Раис[2] — чиновник со всех сдирает налог,
Непокорных арканом он валит с ног,
Торжествует стяжатель, раб изнемог,
Разъясните мне, скоро ли страшный суд?
Бай зеката не платит, не так он прост,
Он ссужает иного, но только в рост.
За спиной его — многих проклятый хвост.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд?
Разъясните мне, скоро ли страшный суд?
Этот мир будет вывихнут кверху дном.
С дрожью в сердце думаю об одном:
Здесь ремесла презрев, торгуют вином,

(Поэт мечтает о будущей единой, сильной цветущей Туркмении.)

...Единой семьей живут племена,
Для той расстелена скатерть одна;
Высокая доля отчизне дана,
И тает гранит перед войсками Туркмении[3].

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В 70—80-х ГОДАХ XIX В.

Книги Ю. Давыдова «Март» и В. Прокофьева «Андрей Желябов» посвящены жизни и деятельности выдающегося русского революционера — Андрея Желябова.

В книге В. Прокофьева Желябов — это не только террорист, но и пламенный пропагандист идей народовольцев, дальновидный организатор. Правды об этой стороне деятельности А. Желябова сказано меньше, чем того хотелось бы.

Ярко описаны эпизоды изумительно отважной борьбы народовольцев, возглавляемых Желябовым, и особенно казнь царя Александра II.

Террористы готовят бомбы.

Вечером 28 февраля Вера Фигнер изгнала из конспиративной квартиры у Вознесенского моста всех, кто мешал работе.

[1] Судья.

[2] Начальник.

[3] Антология Туркменской поэзии, М., 1949, стр. 106—107.

Остались Софья Перовская и «техники», подготовляющие бомбы.

Перовская была вконец измучена событиями этого дня, руки у нее дрожали. В таком состоянии она не только не могла помочь изготовляющим на завтра метательные снаряды, а, наоборот, можно было опасаться, что усталая женщина одним неосторожным движением взорвет квартиру. Софью Львовну уговорили прилечь, и она сразу уснула.

Всю ночь горел свет в окнах дома у Вознесенского моста. Четыре человека молча трудились, и со стороны могло показаться, что они заняты мирным изготовлением срочного заказа.

Вера Фигнер и Суханов большими ножницами кромсали жестянки из-под керосина. В углу комнаты, где пылал камин, Николай Кибальчич отливал свинцовые грузики и заполнял жестянки темной массой, похожей на студень.

В два часа ночи Вера Фигнер уснула, а когда в восемь часов утра Перовская разбудила ее, то в комнате все еще горели лампы и тлел камин. Перовская уходила, положив в свою сумку два готовых снаряда[1].

Народовольцы казнят царя.

...Царь благополучно проехал в Михайловский дворец. Теперь он в ловушке — бомба или мина. А ведь Андрей должен был сегодня занимать место Перовской и в случае чего прикончить царя ударом кинжала. Да, он всегда брал на себя самое трудное, и все ему было по плечу. Как глупо, как непоправимо нелепо он попался!..

Перовская очнулась от тяжелого раздумья. С минуты на минуту царь покинет Михайловский дворец. Перовская вынимает платок и, повстречавшись с Гриневицким, Рысаковым, Михайловым, три раза сморкается. Метальщики торопятся на набережную канала.

Царская карета вылетела из-за угла Инженерной улицы. В двадцати метрах от поворота уже стоял Михайлов, немного далее — Рысаков, за ним — «Котик». Перовская успела перейти Казанский мост и встала на другом берегу, у Конюшенного дворца.

В ее руках опять мелькнул платок. Навстречу карете метнулся Рысаков. В уши ударила волна взрыва. Затем в наступившей тишине было слышно, как сыпались стекла в придворном Манеже на Театральной улице. Царскую карету окутывало темное облако дыма. Слышались крики, кто-то стонал.

Дым немного рассеялся. Стало видно, что взрыв разбил задок царской кареты. Быстро собиралась толпа. Солдаты, жандармы осаживали народ.

У Перовской все похолодело. Царь, он опять невредим. Дьявольское наваждение, царя не брали ни пули, ни динамит! Какой-то ангел или демон охранял монарха.

[1] В. Прокофьев, Андрей Желябов, изд. «Молодая гвардия», М., 1960, стр. 274—275.

Софья Львовна вцепилась в решетку ограды. Где же Тимофей, где «Котик»?

Перовская отрывается от решетки. Все кончено!..

Новый взрыв! Летят клочья дыма, комья снега, обрывки платья...

На сей раз все было кончено. Когда дым осел, люди, разбросанные взрывом, боялись подступиться к тому месту, где мгновение назад стоял император. Даже мертвым царь обрекался на одиночество. Никто не знал, убит ли он или еще дышит. Александр лежал на панели, шинель обуглилась, фуражку унесло, ноги были обнажены, и ручьем лилась кровь. Вокруг валялось два десятка полицейских, казаков из свиты, просто случайных прохожих. Одни были ранены, другие контужены взрывом или убиты.

Вечером стало известно, что царь скончался в 3 часа 55 минут дня. Молодой человек, бросивший вторую бомбу, умер пятью часами позже в придворном госпитале. Перед смертью он пришел в сознание. На вопрос, как его фамилия, ответил: «Не знаю» Это был Гриневицкий[1].

Вопросы: Что побудило народовольцев вступить на такой путь борьбы? Какие качества они проявили в этой борьбе?

* * *

Во второй половине XIX века в России сформировался промышленный пролетариат, появились первые рабочие-революционеры. Об их жизни и революционной борьбе рассказывается в книге Л. Островера «Буревестники»[2].

Наибольший интерес представляет повесть «Мужество», в которой показан трудный жизненный путь революционера-ткача Петра Алексеева. В пособии приведены отрывки, характеризующие изнурительный труд подростков, занятых в ткацкой промышленности, рост политического сознания юноши-ткача, начавшего революционную агитацию среди рабочих и организовавшего рабочий кружок.

Отрывки из повести «Мужество» Л. Островера и книги Н. С. Каржинского «Московский ткач Петр Алексеев»[3] используются на уроке, посвященном первым рабочим организациям и первым рабочим-революционерам России. Учитель заранее поручает нескольким учащимся подготовить небольшие сообщения об условиях труда подростков в царской России и о выступлении Петра Алексеева на суде.

[1] В. Прокофьев, Андрей Желябов, изд. «Молодая гвардия», 1960, стр. 286—289.
[2] Л. Островер, Буревестники, М., 1957.
[3] Н. С. Каржинский, Московский ткач Петр Алексеев, М., 1954.

Рабочие поднимаются на борьбу.

Перед конторой, когда туда подошел Иван Васильевич, уже стояла тысячная очередь. Двери конторы были закрыты. Рабочие стояли на улице. Кто шарфом обвязал голову, кто притопывал на месте, но это не спасало: мороз был крепкий, декабрьский.

Ждали час, другой, третий... Уже темнеет, двери конторы все не раскрываются.

— Ироды! Когда платить будете?

Повалил снег. Побелело все кругом. Побелели шапки и спины рабочих.

— Когда платить будете? — доносилось со всех сторон. — Лавки закроют! Без хлеба останемся!

Стали нервничать и мастера. Кто-то пустил слух, что фабрикант прогорел, что «контора» сбежала.

Тревога охватила людей.

Наконец-то около семи часов вышел к очереди служащий и объявил, что платить будут завтра, в сочельник, в десять часов утра. Усталые, озябшие и голодные рабочие разбрелись.

На следующий день явились рабочие задолго до десяти часов. Перед конторой выстроилась тысячная очередь. Но контора, как и накануне, была закрыта.

Как тут не прорваться отчаянию! Люди с болезненной остротой вдруг почувствовали свою беспомощность, все свое бесправие, зависимость от произвола фабриканта, который оградил себя крепким забором...

И родилось у многих желание разрушить забор, проникнуть в крепость фабриканта! Полетели камни, куски угля, кирпичи... Зазвенели стекла, потухли фонари... В щепы разлетелся двуглавый орел, висевший на воротах... Из окон хозяйской лавки падали в снег, в грязь банки с вареньем [1].

Вопрос: Почему рабочие поднялись на борьбу?

Возникновение нелегальных рабочих кружков.

— Давай, Ванюша, кружок на заводе собьем. Свой, рабочий кружок! Понимаешь, Ваня, все они, учителя наши, чудесные люди, жизнь готовы отдать за народное дело, а вот не понимают они чего-то. Все в деревню к мужику тянут, а мужик — он в город бежит, на фабрику.

И они организовали у себя на фабрике кружок. Обучали рабочих грамоте, сами читали им книжки. Когда Ваня Смирнов ушел от Торнтона, остался Петр Алексеев один и организатором, и руководителем кружка. И не о «мужике» говорил Алексеев своим слушателям, а о своих, рабочих делах: о расценках и

[1] Л. Островер, Буревестники, М. 1957, стр. 384, 385.

штрафах, о пыли в ткацкой, о длинном рабочем дне. Он говорил о том, о чем избегали говорить народники [1].

Вопрос: Какие вопросы обсуждались в рабочих кружках?

Петр Алексеев на суде.

Итак, настал момент произнесения речи. Напомним, что, по словам знавших Алексеева, у него был «голос высокого тембра, очень звонкий».

Обстановку произнесения речи рисует в своих воспоминаниях Вера Фигнер.

«Должна сказать, что не текст, как он был изложен на бумаге, а способ произнесения речи П. Алексеевым, в торжественной обстановке суда, дал мне, как и всем присутствующим, незабываемое по красоте и силе впечатление. Можно сказать смело, что по красноречию, которое дается великим подъемом чувств, Петр Алексеев не был превзойден ни одним рабочим всех процессов, последовавших с тех пор, вплоть до наших дней. Он был первым, выступавшим с таким пламенным революционным словом. Физический облик Петра Алексеева как нельзя более гармонировал с содержанием речи: это была живописная, типичная фигура крестьянина, мужика, еще не обтертого столичной жизнью. Высокий и крепкий, с темной бородой и простым, чисто русским лицом, в светлой рубахе на выпуск, подпоясанной крестьянским тканым пояском, он стоял среди своих товарищей настоящим Микулой Селяниновичем, только что оторванным от деревни, от чернозема.

Его речь, начатая в тихих тонах описанием горькой жизни крестьянина, постепенно усиливалась, когда он заговорил об интеллигентной молодежи, которая одна отозвалась на страдания народа и пришла к нему на помощь, призывая к борьбе за лучшее будущее. Но грозовые ноты, полные заразительного пафоса, мы услышали в заключительных словах, когда при окриках председателя особого присутствия сената Алексеев возвысил голос и, символически подняв оголенную сильную руку, произнес, что эта интеллигенция «...пойдет с народом до тех пор, пока поднимется мускулистая рука рабочего и ярмо деспотизма разлетится в прах!!!». Могучая интонация, победный смысл слов, фигура и жест — все потрясло аудиторию из друзей и врагов, оставляя единственное в своем роде, незабываемое впечатление.

Так не оратор, человек, никогда публично не произносивший речей и в обыденной обстановке, казалось, ничем особенным не выдававшийся, создал ценность, которая сделала его имя поистине историческим и для всякого человека, причастного делу свободы нашей родины, — дорогим и незабываемым!» [2].

[1] Л. Островер, Буревестники, М., 1957, стр. 22.
[2] Н. С. Каржинский, Московский ткач Петр Алексеев, М., 1954. стр. 110.

Вопросы: Что примечательного было во внешности П. Алексеева?

Что потрясло всех присутствующих на суде?

Морозовская стачка.

По коридорам рабочих казарм прошли сторожа с колотушками: — Вставай, подымайся, рабочий народ, на работу, дневная смена! Охо-хо!

— Буде тебе сон смотреть! — Приклей тряс Мордана за плечо. — Гляди, все встали...

Мальчья артель пробудилась: кашляют, чихают, зевают, сморкаются, охают, будто старики. В артели воздух густой и мутный. Мордан свесил ноги с нар — проснуться не может.

...На дворе мороз пронзительный. Мордан с Приклеем, засунув руки в рукава, бегут через переезд к новому ткацкому заведению.

... Гляди-ка, никак около Новоткацкой уже дерутся. Эх! Говорил тебе, буди меня, как только зашуруют...

У ворот нового ткацкого заведения собрались ткачи. По тротуарам улицы народ в другие корпуса бежит.

У дверей мужики с торфяного двора с дубинами — не дают ткачам собраться.

Рота стояла лицом к толпе перед казармами. А толпа таяла, убывала, пропадала — будто солнце глянуло на первую порошу. Задами, стороной, перебегая, ткачи обошли кругом солдат, и улица перед главной конторой почернела от народа. Перед конторой были казаки, спешенные, держа на поводу коней.

Из толпы кричали на разные голоса:

— Василия! Ваську отдай! Отдай Волкова!

Шпрынка деловито советовал Анисимычу:

— Ты, Анисимыч, теперь вперед не суйся. Все про смиренство толковал, а теперь сам в драку лезешь. Зашибут — а ты человек нам нужный, поберегайся. Васю мы без тебя добудем... Ваську отдай! — закричал Шпрынка, швырнув в окно конторы камень. Посыпались осколки, дребезжа. Хорунжий скомандовал: «Сотня! На коней!»

Казаки вскакивали на коней. Кони, застоявшись, кружили, ярясь под ездоками, выносили казаков к толпе. Девчонки с визгом шарахались от лошадей.

Около Шпрынки неотступно держались Кудряш и Мордан. Все трое дышали коротко и хрипло. У всех были давно обморожены от снега, гаек и камней пальцы и не слушались, «не крючились», когда хватали. Хорунжий выехал на танцующем коне перед взводом и вскричал: «Справа по одному — ма-а-арш!»

Шпрынка прыгнул к офицеру и, схватив его за ногу, пытался сдернуть с седла. Офицер начал бить мальчишку наотмашь по шапке нагайкой. Кудряш подпрыгнул и повис у лошади на удилах. Мордан ударил офицерского коня в пах рельсовым болтом. Конь всхрапнул и взвился на дыбы. Офицер скатился наземь. Кудряш оборвался, и конь, упав передними ногами, ударил кованым копытом мальчика в висок. Почуяв волю, конь вихрем ринулся в толпу, давя народ, но скоро в ней завяз; упал, храпел и бился. С офицера свалилась папаха. Шпрынка вцепился ему в волосы, и оба катались по земле... Налетели казаки, защелкали плетьми. Мордан и Шпрынка с воплем: «Отдай Ваську!» — пустились наутек...

Широким полукругом казаки охватили толпу. Нагайки щелкали по головам, как крупный град в густой листве деревьев.

На опустевшей улице лежал недвижим Кудряш. Шапчонка с головы свалилась — и по снегу рассыпались золотые кудри. На виске — кровь... Из ворот конторы выбежал Кривой Соловей, склонился над Кудряшом, послушал и закричал, чтоб помогли. Из ворот, осторожно озираясь, вышел сторож, и вдвоем с Кривым они волоком втащили Кудряша во двор. Там подхватили конторщики.

Кудряша внесли в контору и положили на канцелярский стол [1].

Литература для внеклассного чтения:

В. Прокофьев, Степан Халтурин, М., 1958.

С. М. Степняк-Кравчинский, Андрей Кожухов, в кн. Сочинения (в 2-х томах), т. 1, М., 1958.

З. Павлюченко, Софья Перовская, М., 1954.

Е. А. Сегал, Софья Перовская, М., 1962.

С. Н. Семанов, Во имя народа, М., 1962 (об Александре Ульянове).

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА.

Повесть М. Прилежаевой «Начало» переносит читателя в Петербург 90-х годов XIX века. Сюда в 1893 году приезжает В. И. Ульянов. Несмотря на молодость, он становится признанным вождем русских марксистов. Владимир Ильич ведет активную революционную пропаганду среди рабочих. С приездом В. И. Ульянова участники марксистских кружков стали тесно связывать свою деятельность с рабочим движением. В России создались условия для организации подлинно марксистской революционной партии.

В книге М. Прилежаевой содержится интересный материал о боевой юности вождя, распространении марксизма в России, о соединении его с рабочим движением.

---

[1] С. Григорьев, Исторические повести, Мальчий бунт, изд. «Молодая гвардия», 1951, стр. 517—523, 569—570.

Отрывки из книги Б. Волина «Студент Владимир Ульянов» помогут образно рассказать о работе В. И. Ленина над книгой, о его участии в студенческих выступлениях в Казанском университете. Эти отрывки используются в рассказе учителя на уроке «Начало революционной деятельности В. И. Ленина», а также на следующем уроке в ходе опроса.

В. И. Ленин — гимназист.

При переходе из класса в класс Владимир Ильич каждый раз получал похвальные листы.

Исключительная легкость, с какой Володе давалось учение, беспокоила Илью Николаевича. Как опытный педагог, он волновался: не помешают ли сыну эти замечательные способности воспитать в себе настойчивость, трудолюбие, прилежание.

Однако опасения были напрасны. Мальчик учился настойчиво и прилежно. Много помогало Володе соблюдение очень важного правила: слушать урок с исключительным вниманием. Поэтому мальчику было легко заниматься дома. Об этом вспоминает В. В. Кашкадамова: «Наблюдая за Володей, я отмечала всегда с удивлением это превращение его из резвого, веселого ребенка в сосредоточенного мальчика, становившегося сразу старше на несколько лет, и думала: «Вот где разгадка того, что он получает постоянно пятерки... Он запоминает и усваивает все в классе непосредственно при объяснении преподавателя».

Владимир Ильич сумел выработать в себе настойчивость и трудолюбие потому, что хорошо понимал, как нужны эти качества во всяком деле. Однажды, слушая упражнения сестры Ольги на фортепьяно, долгие и терпеливые, Владимир Ильич воскликнул: «Вот чьей работоспособности можно позавидовать!».

«Володя стал развивать в себе трудоспособность, — вспоминает Анна Ильинична, — которой мы все удивлялись в его позднейшие годы и которая, наряду с его прекрасными способностями, помогала ему достичь таких блестящих результатов».

Исключительные успехи могли бы вскружить голову любому ученику, но Володя оставался очень скромным, чуждым всякого важничанья и хвастовства мальчиком. Как известно, в своей речи на III съезде комсомола в 1920 году Владимир Ильич предостерегал молодежь именно от этих отрицательных свойств[1].

Революционное выступление студентов Казанского университета.

— ...Господа, на сходку!

Я побежал в главное здание университета. За мной, побросав работы, последовали почти все бывшие в лаборатории студенты.

[1] Б. Волин, Студент Владимир Ульянов, Детгиз, М., 1959, стр. 39.

Актовый зал оказался запертым. Огромная толпа студентов с горящими лицами, со сверкающими глазами махала руками, гудела, как потревоженный пчелиный рой... Вот треснули под дружным напором двери, и толпа полилась в высокий пустынный зал, сразу оживший и потерявший всю свою научную серьезность. На подоконниках, на кафедре, на столах и стульях уже появились новорожденные демагоги: они махали руками, требовали внимания, желая говорить, но попытки их были напрасны и тонули в общем шуме и криках. До сих пор не могу забыть пережитых ощущений. Вся душа трепетала под наплывом особого гражданского чувства и пылала жаждой гражданского подвига. Войдя в зал, солдаты потребовали под угрозами пуль оставить зал,— мы не моргнули глазом и остались. Пропала логика разума, осталась тогда логика сердца. В каком-то экстазе я вскарабкался на кафедру и закричал, потрясая кулаками:

— Товарищи! Поклянемся, что мы все, как один человек, будем отстаивать наши требования, не предадим друг друга и, если будет нужно, принесем себя в жертву царящему произволу!

Дружный взрыв криков: «Клянемся!», поднятые к небу руки, какой-то вопль жаждущей подвига молодости. Затем выборы председателя сходки и торжественная тишина открывшегося собрания. Прочитаны и единогласно одобрены обращения «К правительству», «К обществу», двенадцать пунктов «Наших требований», в которых упоминались и кухаркины дети, а затем речи с разных пунктов огромного зала: с кафедры, со стульев, с подоконников.

Инспектор докладывал позднее, что студент Ульянов «бросился в зал одним из первых, что он с товарищем первыми неслись по коридору второго этажа, махая руками, как бы желая воодушевить других...».

Студенты направились к кабинету ректора. «Скоро ждем грозной бури!» — воскликнул кто-то. Товарищи подхватили возгласы. Повсюду слышалось: «Долой инспектора!», «К черту инспектора!», «На сходку, на сходку!». Когда появился инспектор Потапов, студенты начали наступать на него, размахивая листовками. Ульянов опять был в первых рядах[1].

Вопросы: Какие черты характера отличали В. И. Ленина — гимназиста, студента, революционера?

Ленин в рабочем кружке.

...Как-то само собой непринужденно завязалась оживленная беседа Николая Петровича с собравшимися.

Положив мягкие сильные руки на стол, он ясно и образно растолковывал существо революционного учения Маркса—Эн-

[1] Б. Волин, Студент Владимир Ульянов, Детгиз, М., 1959, стр. 80 и 82.

гельса. При этом он так умело ставил вопросы, что слушатели находили удовольствие наперебой высказывать свои соображения по ходу беседы. Загорались в прениях противоречия, готовые перейти в пламень спора. Николай Петрович отнюдь не смущался этим обстоятельством. Напротив. Лукаво прищурив глаз, он подзадоривал оппонентов, одновременно поправляя их, и попутно, как бы мимоходом, ставил дополнительные вопросы. Иногда, определив, что товарищи сами не выпутаются из завязанных ими узлов, останавливал спорящих и так объяснял предмет спора, что у всего кружка уже не оставалось никаких оснований для разногласия.

Алеша почти не говорил. Он смущался своей неловкостью, неопытностью и пока предпочитал слушать мнения старших товарищей. Его внимание было захвачено главным образом всей этой, еще новой для него обстановкой запрещенного революционного собрания и в первую очередь личностью руководителя. Кто этот Николай Петрович? Почему такой умный, образованный человек, который мог бы, казалось, жить припеваючи, идет вместе с обездоленными? И не только идет, а и ведет их, поддерживая в них твердость духа, обогащая их мысли и разжигая вкус к борьбе с всемогущим самодержавием и эксплуататорами.

Так размышляя, Алеша, как зачарованный, смотрел на лектора, на огромный купол его лба.

А Николай Петрович, развивая свою мысль, говорил с такой силой убеждения и уверенности, что покорял внимание всех без исключения. Алеша удивлялся. «Такая силища у царя, а этот маленький человек тычет в великана пальцем и говорит: тут слабо, там гнило, здесь недолговечно, а в общем все это облегчит возможность положить царизм на обе лопатки... Но кто же это может сделать? Мы, что ли, семь полуграмотных рабочих и Николай Петрович? Засунув пальцы в прорези жилета и жестикулируя одним своим корпусом, Николай Петрович как бы отвечал на Алешины мысли:

— Против нас, против маленьких групп социалистов, ютящихся по широкому русскому «подполью», стоит гигантский механизм могущественнейшего современного государства, напрягающего все силы, чтобы задавить социализм и демократию. Мы убеждены, что мы сломим в конце концов это полицейское государство, — он выбросил правую руку вперед, крепко сжав пальцы в кулак, — потому что за демократию и социализм стоят все здоровые и развивающиеся слои всего народа.

Рабочие слушали его затаив дыхание.

— Но, чтобы вести систематическую борьбу против правительства, мы должны довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства, товарищи.

Дальше он объяснял, как это сделать. Оставшуюся часть времени Николай Петрович посвятил разбору составленного им вопросника об условиях труда на фабриках и заводах Невской заставы. Вопросник этот он роздал участникам кружка, настойчиво рекомендуя добывать материал и учиться обобщать его.

А закончилась беседа совершенно неожиданно. Николай Петрович убрал руки в карманы и вдруг спросил:

— А песни революционные все здесь знают?

Рабочие переглянулись.

Николай Петрович сказал, что каждый участник кружка — в недалеком будущем сам пропагандист, сам вожак в рабочей массе. Придется вести народ на стачки, на демонстрацию, на улицу. Людям надо будет дать возможность излить свои чувства организованно, коллективно, с подъемом. А революционные песни — это то же оружие. И, дирижируя короткой, сильной рукой, он баском вполголоса затянул:

За-мучен тяжелой не-во-лей,
Ты славно-ю смерть-ю по-чил...

Иван Васильевич и Шелгунов подхватили:

В борь-бе за на-род-но-е де-ло
Ты го-ло-ву честно сложил...

— Два раза и не так громко! — Николай Петрович многозначительно кивнул на окно.

Алеша, весь зардевшись, уловил повтор:

В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил...

Николай Петрович встал со стула и все так же вполголоса продолжал запевать:

Служил ты недолго, но честно
Для блага родимой земли...

Теперь уже припев повторяли все присутствующие.

Пели, взволнованные и словами песни, и тем, что дружно и как-то хорошо выходило. Алеша видел, как у многих блестят глаза, и сам чувствовал, какую силу воодушевления передает этот напористый Николай Петрович.

Последнюю строфу песни пропели, разом поднявшись в порыве разбуженного чувства:

Подымется мститель суровый,
И будет он нас посильней.

— Хорошая песня! — вырвалось у разгоряченного Бахчанова. Николай Петрович одобрительно посмотрел на него[1].

Вопрос: Какой исторический деятель выведен в лице Николая Петровича?

Чем вы можете обосновать свое предположение?

---

[1] М. Подзелинский, На рассвете, Детгиз, М., 1956, стр. 101—103.

Литература для внеклассного чтения:

Н. Веретенников, Володя Ульянов, М., Детгиз, 1957.

А. И. Елизарова-Ульянова, Детские и школьные годы Ильича, М., 1962.

Н. Нечволодова и Л. Резниченко, Юность Ленина. Повесть, М., 1959.

А. Гринберг, В семье Ульяновых, Детгиз, 1963.

М. С. Шагинян, Семья Ульяновых. Роман-хроника, М., 1959.

И. Ивановский, Молодые годы В. И. Ленина. По воспоминаниям современников и документам, 1963.

М. Прилежаева. Начало. Историческая повесть, М., Детгиз, 1957. (О марксистских кружках в Петербурге в 90-е гг. XIX в.)

КУЛЬТУРА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.

В отрывках из книги «Беседы о русских художниках» дается раскрытие содержания наиболее известных картин выдающихся представителей «Товарищества художественных передвижных выставок» — В. И. Сурикова и И. Е. Репина.

Вопросы: Какие черты русского человека воплотил В. И. Суриков в образах Ермака и казаков?

Какими художественными средствами он этого достиг?

Каковы главные особенности творчества Репина?

Нашли ли они отражение в картине «Бурлаки»?

Картина «Покорение Сибири Ермаком».

Живописное наследие Сурикова немногочисленно, но каждая из картин — это целый этап в русской живописи. Картины Сурикова раскрывали величественный смысл русской истории — истории героических народных движений и многовековой борьбы народных масс за свое освобождение. Народу, его мужеству и храбрости посвятил художник одно их своих замечательных произведений — «Покорение Сибири Ермаком».

Когда мы смотрим на эту картину, перед нами как бы оживают страницы героического прошлого русского народа.

В 1581 году на далеких просторах сибирской земли, недалеко от впадения реки Тобол в Иртыш, произошла легендарная битва казацкого отряда Ермака с полчищем татарского хана Кучума. Это сражение подготавливалось всем ходом русской истории. В самой гуще казачьего отряда, под сенью знамен, руководя боем, стоит Ермак. Тускло поблескивают на нем металлические латы, из-под островерхого шлема сурово и спокойно смотрит он в сторону врага. Левую руку Ермак протянул вперед, как бы увлекая казаков на бой.

Суриков понимал, что сила Ермака заключена в тесной связи с народом, с войском. Ермак, в его представлении, — это подлинно народный герой.

Создавая образ Ермака, Суриков, несомненно, опирался на народные представления об этом герое, он прекрасно знал народные песни и легенды о Ермаке. Облик Ермака в картине — это обобщенный облик народного героя, в котором реальные черты, найденные в действительности, сливаются с поэтическими былинными чертами русских богатырей.

Рядом с Ермаком — его первый помощник, есаул Кольцо. В противоположность Ермаку с его сдержанностью и спокойствием, он весь — порыв, движение.

...Под мощным натиском дружины Ермака уже дрогнуло разноплеменное кучумовское войско.

Осенний сибирский день, пасмурное небо, глинистый обрывистый берег, коричнево-серая холодная вода Иртыша усиливают суровое, грозное звучание темы и подчеркивают героизм отряда Ермака, борющегося не только с многочисленным войском Кучума, но и с незнакомой сибирской природой, которая встает перед ним во всей своей угрюмой дикости и неприветливости. В картине преобладают красно-коричневые цвета с серовато-свинцовыми отливами, что в сочетании с желтыми, розовыми, красными, малиновыми пятнами в одеждах воинов придает ей особую цветовую насыщенность. Эпическим величием, неувядаемой свежестью былин, очарованием старинных казацких песен и сказаний веет от этой картины.

Только большой и талантливый художник, любящий необозримые просторы своей родины — Сибири, гордящейся удалью и смелостью своих предков — лихих казаков — мог создать такое грандиозное полотно [1].

Великий русский художник И. Е. Репин.

Трудно назвать художника, который бы так широко и многогранно отразил свою эпоху, жизнь своего народа, как это сделал Репин.

Репина увлекала история народа, но главной темой его творчества была современность. В произведениях Репина горячо пульсирует жизнь с ее боевыми, злободневными проблемами. Репинские картины всегда драматичны, полны внутреннего напряжения, действия. В них разрешаются сложнейшие социальные и психологические конфликты.

В творчестве Репина получили развитие все лучшие стороны искусства критического реализма: его народность, высокая идейность, верность демократическим традициям, смелый подход к современности, новаторство в области художественной формы.

[1] Э. И. Голубева, А. А. Крестинский, Э. В. Кузнецова, Беседы о русских художниках, Учпедгиз, Л., 1960, стр. 124—128.

«Бурлаки на Волге».

В 1873 году на выставку в Академию художеств пришел писатель Федор Михайлович Достоевский.

Посетители, узнавшие его, видели, как долго стоял Достоевский возле холста, изображающего ватагу бурлаков. Бурлаки тащили вдоль берега Волги тяжелую барку.

Когда Достоевский уходил с выставки, лицо его, обычно суровое и строгое, светилось затаенным чувством радости. Это было лицо человека, который наконец нашел то, чего долгие годы нетерпеливо и с тоской ждал.

Самое необыкновенное в картине Репина — типы людей. Все они, такие разнохарактерные и разноликие, сошлись сюда, на Волгу, добывать хлеб свой тяжким трудом.

У каждого из них за плечами нелегкие годы жизни, чего-чего в ней только не было! Сколько исхожено по русской земле, сколько испробовано дел, занятий! А горя и нищеты перевидели столько, что иного человека давно бы сломило.

Народ для художника не «любопытная игрушка», не диковинка, которую из соображений моды стоит иногда показывать для развлечения утонченных бар. И не слезливая жалость к беднякам водит рукой живописца. Нет! Он видит этих людей как равных себе, искренне восхищается их несломленной никакими бедами физической и нравственной мощью. Он покорен могучей, кряжистой силой, которой «пределов не поставлено». Он слагает жизнеутверждающий гимн во славу этой силы, которой суждено — и в этом твердо убеждает нас картина — показать себя в истории человечества.

...Шагают такие дремучие богатыри, которые словно явились из былинного эпоса. А что за разворот плеч! Что за руки, смоленые, жилистые! Когда глядишь на них, плотная репинская живопись кажется выпуклой, чуть ли не осязаемой. Сколько в этих руках доброй, нерастраченной силы! Могут они и дом срубить, и корабли построить. Дай только волю им!

Но жизнь впрягла людей в бурлацкое ярмо, и вот уже запечатлелась на лицах ничем не истребимая привычка к тупому, изматывающему труду, а в глазах — подозрительная, недоверчивая сдержанность [1].

Вопрос: Что вам нравится в картинах «Бурлаки» и «Покорение Сибири»?

* * *

В книге Ал. Алтаева описан жизненный путь и творчество великого русского композитора П. И. Чайковского.

Семиклассники с увлечением читают ее, находя много интересного и поучительного.

---

[1] Э. И. Голубева, А. А. Крестинский, Э. В. Кузнецова, Беседы о русских художниках, Учпедгиз, 1960, стр. 134, 136, 137, 139, 159.

В пособии приведены отрывки, характеризующие два эпизода творческого пути П. И. Чайковского: 1) премьера оперы «Евгений Онегин» и 2) встреча с гениальным русским писателем Л. Н. Толстым.

Премьера оперы «Евгений Онегин».

Сейчас пойдет занавес. В напряженной тишине — движение, шорох осторожных шагов. Привыкшие уже к темноте глаза Кашкина различают знакомую фигуру. Он! Не в силах сдержать радостное волнение, Кашкин хватает Чайковского за руку, притягивает к себе, крепко целует и шепчет:

— Наконец-то!

Кругом оборачиваются. Кое-кто узнает композитора. Перешептываются.

— Тсс!

Проходит оркестровое вступление. Вот и занавес пошел...

В сцене письма, когда... прозвучала тема любви Татьяны, Кашкин невольно сжал руку сидящего рядом Чайковского. Ему ответил прерывистый шепот:

— Николай Дмитриевич, какое счастье, что здесь темно! Мне это так нравится, что я не могу удержаться от слез...

Спектакль был откровением: простая жизнь с ее знакомыми подробностями смело шагнула на оперную сцену, художественная правда наконец заговорила там, где привычны были мишура, красивая ложь и порой грубоватые театральные эффекты. И музыка и исполнение были проникнуты задушевностью и какой-то особенной, неповторимой юностью.

В антракте обступили Чайковского с поздравлениями старые приятели, студенты, профессора. Налицо была вся консерватория. В толпе критиков слышался взволнованный голос Ларош:

Важны не частности, господа, важно главное. Татьяна — сама искренность. И сколько теплоты дала в ней Климентова! Надо отметить это, а не кричать о неопытности. Опыт придет.

Толпа вокруг Чайковского расступилась, пропуская Николая Григорьевича Рубинштейна. Он волновался не меньше Ларош и заговорил, как только подошел:

— Ну, Петр Ильич, дорогой мой, одно хочется тебе сказать: в твою оперу я влюблен.

Подошел Апухтин.

— Вот что, Чайка, — с трудом вымолвил он, и особенно тепло прозвучало для Чайковского это школьное прозвище: — если бы Пушкин мог слышать, он бы не пожелал ничего лучшего для образа своей Татьяны.

К композитору пробирается побледневший Танеев. Он протягивает руки к бывшему учителю и вдруг бросается ему на

шею. От волнения он не может говорить. И это бурное проявление чувств особенно трогательно у сдержанного Танеева [1].

Вопросы: Взволновала ли слушателей премьера оперы «Евгений Онегин»? Что вам особенно нравится в этой опере?

Первая лекция Мечникова.

На вступительную лекцию Мечникова собрались не только студенты третьего курса естественного отделения, но много представителей других факультетов...

В первом ряду сидели коллеги-профессора. Среди них — Циолковский.

Звонок. Постепенно воцарилась тишина. На кафедру быстро вошел молодой человек. Он был в очках, с густой копной волос на голове, с реденькой, едва пробивающейся бородкой, окаймляющей привлекательное бледное лицо.

Мечников окинул быстрым взглядом аудиторию. Ему неловко: некоторые третьекурсники старше его.

Страстность, с которой началась вступительная лекция этого молодого ученого, была оценена аудиторией. Мечников говорил о единстве в мире животных и растений. Он развивал эволюционную теорию Дарвина.

Кое-кто подсмеивался над молодой запальчивостью Ильи Ильича. Большая часть присутствующих насторожилась: не кроется ли за этим показным энтузиазмом пустота? Но лектор все глубже и глубже затрагивал предмет. Он привлекал для доказательности теории Дарвина данные эмбриологии. Он говорил о собственных исследованиях. Это редкость в стенах провинциального университета. Здесь мало кто из профессуры мог поделиться собственными исследованиями.

— Подлинная наука материалистична. Только она ведет нас к действительному познанию окружающего мира. Только она ведет человечество к счастью, такими словами закончил свою первую лекцию Илья Ильич. Дружными аплодисментами проводила аудитория Мечникова.

В коридор высыпала толпа студентов, в центре — Мечников. Он говорил:

— Мы откроем лабораторию, будем под микроскопом изучать мельчайших животных. У меня найдется место всем, кто всерьез решил отдать себя служению науке. Милости прошу, пока нет факультетской лаборатории, ко мне домой.

...Илья Ильич, молодой ученый, проникнутый революционными идеями в науке, не мог не стать любимцем учащихся и недругом консервативных элементов университета [2].

---

[1] Ал. Алтаев, Чайковский, Детгиз, 1956, стр. 360—363, 392—393, 396.
[2] Б. Могилевский, Илья Ильич Мечников, изд. «Молодая гвардия», М., 1958, стр. 95—97.

Вопросы: Как отнеслись студенты к лекции молодого Мечникова и почему?

Что именно понравилось студентам в лекции Мечникова? Чем он увлек студентов? Как они к нему относились? Что вам особенно нравится в этой лекции?

К. А. Тимирязев — исследователь сокровенных тайн природы.

Ученый и поэт чудесно уживались в Клименте Аркадьевиче Тимирязеве. Своим глубоким умом он с первых шагов в науке проникал в самые сокровенные тайники природы, охватывал орлиным взором все безмерное богатство жизни, ее истории и ее могучий разлив. От микроскопически малого зернышка хлорофилла его мысль обращалась к захватывающим дух, бескрайним просторам эволюционной теории Дарвина. Его взволнованное чувство художника оживляло трудные и порой сухие научные исследования. Трудно найти в истории науки такие глубоко научные и одновременно поэтические обобщения роли солнечного луча и зернышка хлорофилла в жизни Земли, какие вдохновенно звучат в словах Климента Аркадьевича:

— Когда-то, где-то на землю упал луч солнца, но он упал не на бесплодную почву, он упал на зеленую былинку пшеничного ростка, или, лучше сказать, на хлорофилловое зерно, ударяясь о него, он потух, перестал быть светом, но не исчез. Он только затратился на внутреннюю работу, он рассек, разорвал связь между частицами углерода и кислорода, соединенными в углекислоте. Освобожденный углерод, соединяясь с водой, образовал крахмал. Этот крахмал, превратясь в растворимый сахар, после долгих странствий по растению отложился, наконец, в зерне в виде крахмала же или в виде клейковины. В той или другой форме он вошел в состав хлеба, который послужил нам пищей. Он преобразился в наши мускулы, в наши нервы. И вот теперь атомы углерода стремятся в наших организмах вновь соединиться с кислородом, который кровь разносит во все поры нашего тела. При этом луч солнца, таившийся в них в виде химического напряжения, вновь принимает форму явной силы.

Этот луч солнца согревает нас. Он приводит нас в движение. Быть может, в эту минуту он играет в нашем мозгу...

...В Москве Павел Антонович Ильенков предложил кандидатуру Тимирязева на должность преподавателя по кафедре ботаники в Петровскую академию [1].

Вопросы: В чем сущность замечательного открытия выдающегося русского ученого Тимирязева в науке о растениях?

Что вы можете сказать о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве как об ученом и человеке?

---

[1] Б. Могилевский, Жизнь Тимирязева, Детгиз, М., 1956, стр 64—65.

Что особенно привлекает вас в рассказе К. А. Тимирязева о роли хлорофилла в жизни Земли?

В чем выразилась поэтичность научного обобщения роли солнечного луча и зернышка хлорофилла в жизни Земли?

Литература для внеклассного чтения и читательских конференций:

Б. Могилевский, И. Мечников, Повесть о трудах и днях великого русского биолога, М.—Л., 1950.

О. Писаржевский, Дмитрий Иванович Менделеев, М., 1949.

«Рассказы о науке и ее творцах», изд. 2, сост.: А. А. Яковлев, Л. В. Жигарев, М., 1949.

Л. Гумилевский, Русские инженеры, изд. 2, М., 1953.

В. Болховитинов, А. Буянов и др., Рассказы о русском первенстве, М., 1950.

А. А. Зворыкин, Н. Н. Осьмов, В. И. Чернышев, С. В. Шухардин, История техники, М., 1962 (об истории технических изобретений и усовершенствований, начиная с возникновения простейших орудий труда и до наших дней, о деятельности выдающихся ученых, инженеров, изобретателей).

Н. А. Ерофеев, Промышленный переворот в Англии, М., Учпедгиз, 1963.

В. С. Виргинский, Творцы новой техники в крепостной России, II изд. Учпедгиз, М., 1962.

В. С. Виргинский, Черепановы, «Молодая гвардия», М., 1957.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.

Успешное обучение истории предполагает активную деятельность самих учащихся, которые в процессе обучения не только запоминают события и явления прошлого, но с помощью воображения воссоздают их в своем сознании, осмысливают их.

О незаменимости фантазии в процессе познания говорил В. И. Ленин: «...Способность (фантазия.—*А. Н.*) чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту, это глупый предрассудок. Даже в математике она нужна. Фантазия есть качество величайшей ценности...»[1]

Художественно-исторический образ — это обобщенная картина прошлого, воспроизведенная на основе научных данных, но вместе с тем с некоторой долей художественного вымысла.

Воспитательное воздействие художественно-исторических образов, как показывает опыт, чрезвычайно велико. И это вполне закономерно: «Искусство и литература,— как отметил Л. Ф. Ильичев в докладе на июньском Пленуме ЦК КПСС,— имеют дело с тонкими сферами человеческого сознания и психики. Они формируют духовный облик миллионов строителей коммунизма».

Лучшие учителя в своей учебно-воспитательной работе умело применяют и используют два пути познания исторической действительности — логический и эмоционально-образный.

Художественно-исторический образ действует не только на мысль, но и на чувства учащихся. «Заряд на всю жизнь. Он меня всего глубоко перепахал!» — так оценил В. И. Ленин значение романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

О значении эмоций в человеческом познании В. И. Ленин писал: «Без человеческих эмоций, — говорил В. И. Ленин, — никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины»[2].

Многим из нас, историков, по словам Л. Генкина, не хватает умения перенести слушателя в ту или иную эпоху, показать

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 266.

[2] Там же, стр. 237.

людей того времени, передать их мысли и чувства, увлечь слушателя своим рассказом [1]. Одним из наиболее эффективных средств воссоздания образов прошлого является историческая художественная литература.

Литературно-художественные и стихотворные тексты являются также прекрасным средством эстетического воспитания нашей молодежи.

Учебно-познавательные функции подлинно художественных исторических текстов на уроках истории весьма многообразны. В сочетании со средствами наглядности и словом учителя эти тексты открывают широкие возможности для усиления эмоционально-образного восприятия изучаемых явлений или событий. Так, например, при изучении темы «Восточные славяне в древности» вместо перечисления орудий пахоты, видов земледельческого труда учитель может зачитать отрывок из книги С. Скляренко «Святослав», в котором ярко и увлекательно описан земледельческий труд древних славян.

Отрывок из книги Ю. Александрова «Кудеяров стан» о мастере-гончаре Поляне поможет конкретизировать изложение материала о ремесле и ремесленниках, сделает рассказ учителя образным и запоминающимся.

На этом же уроке в качестве яркой художественно-литературной иллюстрации к рассказу учителя об участии славян в борьбе против рабовладельческого Рима служит стихотворение А. Майкова «Никогда». Чтение завершается кратким разбором содержания стихотворения.

Перед тем как начать чтение того или иного отрывка, во многих случаях рекомендуется предложить учащимся проблемно-познавательную задачу, решить которую они должны самостоятельно.

Нередко отрывки из художественно-исторических произведений используются в качестве своеобразного эмоционального зачина, создающего нужный стимул к познавательной деятельности на уроке. Так, изучение темы «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» многие учителя начинают с выразительного чтения стихотворения Навроцкого «Есть на Волге утес». Затем, разбирая содержание текста, намечают вопросы, возникающие в процессе анализа этого стихотворения: Какой исторический деятель выведен в образе Степана? Почему народ так прочно хранит о нем память? Названные вопросы создают необходимую настроенность в классе, которая повышает активность учащихся.

Общепринятым также стал в практике преподавания прием использования литературно-художественных текстов в качестве эмоциональной концовки. Отрывок из стихотворения Никитина

[1] См.: «Учительская газета» от 21 февраля 1961 г., статья «Горечь признаний».

«Русь» был использован в конце урока, посвященного Отечественной войне 1812 г.

Такую обобщающую функцию выполняют и те художественно-исторические тексты, которые зачитываются в итоге изучения или повторения определенной части темы урока. Например, в итоге изучения вопроса о революционной деятельности Чернышевского и его единомышленников в теме «Падение крепостного права» учитель или учащийся читает стихотворение поэта Михайлова «Смело, друзья! Не теряйте...». Объяснив учащимся грабительскую сущность крестьянской реформы 1861 г., учитель поручает одному из учащихся прочитать песню: «Отпустили крестьян на свободу девятнадцатого февраля, только землю не дали народу...»

Художественно-исторические тексты используются не только в классе на уроке, но и во внеклассной работе.

По таким темам, как «Революционное движение в России» и «Начало революционной деятельности В. И. Ленина», названные в пособии книги используют не только на уроках, но и для подготовки и проведения тематического вечера или читательской конференции.

В целом использование художественно-исторических текстов в обучении истории в седьмых классах можно свести к следующим основным приемам:

1. Цитирование художественно-исторического текста учителем или учащимися.

Например, при изучении темы «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» отрывок — «Усиление крепостного гнета» зачитывают двое учащихся; отрывок «Решающий бой под Симбирском» учитель цитирует; стихотворение «Утес Стеньки Разина» декламирует один или двое учащихся.

2. Реферирование или изложение содержания отрывка учителем, организация кратких сообщений учащихся на уроке.

Например, к уроку «Образование государства у восточных славян» в пособии даются три отрывка из книги С. Скляренко «Святослав» и один — из былины «Вольга и Микула». Отрывок из былины зачитывает учитель с последующим анализом его содержания; содержание отрывка «Древнерусские металлурги-кузнецы» излагает в своем сообщении ученик; содержание двух последующих отрывков «Люди, потерявшие пахотные земли» и «Сын старейшины превращается в феодала» кратко излагается учителем.

3. Выразительное чтение текста в лицах на уроках, тематических вечерах или читательских конференциях. Нередко исполнители надевают характерные для данной эпохи головные уборы или элементы костюма. Такой прием называют драматизацией художественного текста. Этот прием применяется, например, для чтения стихотворения А. Майкова «Никогда» или от-

рывка из драмы А. Луначарского «Оливер Кромвель», отрывка о восстании в с. Бездна из повести С. Заречной «Предшественник» и др.

4. Содержание стенных картин или иллюстраций учебника нередко раскрывается с помощью чтения соответствующих художественных текстов. Так поступают с отрывком из стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога».

5. Если отрывок значителен по размерам, то его разделяют на несколько частей. Каждую из них читает один из учащихся. Роль ведущего выполняет учитель. Такой прием использования текстов принято называть литературным монтажом.

Наиболее яркие эпизоды, типические явления воссоздаются с помощью литературного монтажа.

Так поступают с текстами, посвященными французской буржуазной революции XVIII в., гражданской войне в США, восстанию декабристов, падению крепостного права и т. д.

6. Использование метких характеристик, крылатых слов, афоризмов, взятых из художественных отрывков, относящихся к изучаемой теме для образной стилизации рассказа учителя. Так, например, строят рассказ об А. В. Суворове, Ф. Ф. Ушакове, о композиторах, художниках и др.

7. Использование на уроках истории литературных образов, известных учащимся из курса литературы; ссылка на эти произведения, вторичное рассмотрение и анализ их в сочетании с фактами, изучаемыми на данном уроке.

Например, ссылка на уже известные учащимся образы «Капитанской дочки» А. С. Пушкина в ходе рассказа учителя о крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева и в процессе зачитывания текстов из романа Шишкова «Е. Пугачев», восстановление в памяти учащихся образов «Записок охотника» И. С. Тургенева в процессе изучения вопроса о крепостном хозяйстве в 40—50-х годах XIX в. и цитирования отрывков из статьи А. И. Герцена «Крещеная собственность» и др.

8. Проведение литературно-исторической викторины, состоящей из вопросов-задач, отвечая на которые учащиеся закрепляют и выявляют свои знания по используемым литературным текстам и образам и историческим фактам.

Например: Кто назвал царей «тиранами мира»? Из какого произведения и о каком событии эти строки: «Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой? В каком стихотворении и о ком сказано: «Из людей лишь один на утесе том был, лишь один до вершины добрался?»

9. Организация устных творческих сообщений учащихся в процессе повторения и обобщения.

На основе прочитанной книги или отрывка из нее, используя соответствующие картины и иллюстрации, учащимся предлагают мысленно перенестись в изучаемое прошлое, описать дальнейшую судьбу одного из героев повести, вместе с ним «посетить» деревню того времени, «зайти» в мастерскую ремесленника или в крестьянскую избу и рассказать о своих впечатлениях.

10. Организация самостоятельной работы учащихся с текстом произведения.

Как правило, самостоятельная работа учащихся с текстом завершается обсуждением ответов учащихся, краткой дискуссией и составлением выводов и обобщений. Такая работа проводилась, например, с текстами из книги А. Линевского «Листы каменной книги», С. В. Покровского «Охотники за мамонтами», К. Моисеевой «В древнем царстве Урарту», Г. Блока «Московляне», Евгения Федорова «Каменный пояс» и В. Ковалевского «Хозяин трех гор» и др.

11. Использование магнитофонных записей для воспроизведения текстов (стихотворных, песен и др.).

Отрывки, имеющиеся в пособии, можно использовать для занятий исторического кружка.

ОСНОВНАЯ МЕТОДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ю. А. Андреев, Русский советский исторический роман, М.—Л., 1962.

Л. А. Вознесенский, Художественная литература в преподавании политической экономии, Соцэкгиз, 1961, I гл. и II гл.

П. С. Лейбенгруб, Дидактические требования к уроку истории, М., 1960.

Г. Ленобль, История и литература. Сб. статей, М., 1960.

В. П. Мирний, М. Дрібний, Літературна хрестоматія з історії СССР, Київ, 1960.

С. М. Петров, Исторический роман в русской литературе, Учпедгиз, М., 1961.

«Самостоятельная работа учащихся над печатным словом на уроках истории». Пособие для учителей, Учпедгиз, Ленинград, 1961.

М. И. Смородин, Значение и методика историко-художественного словесного образа, М., 1955.

«Хрестоматия по внеклассной работе». Школьные исторические вечера. Пособие для учителя. Составил М. М. Терехов, М., Учпедгиз, 1960.

Г. Ол. Цвікальская, Використання художнвої літературы на уроках історії СССР в 8—9 классах. Методичний посібник, Київ, 1958.

«Художественно-историческая литература по истории СССР». Указатель для учащихся средней школы, М., 1962.

«Что читать по истории СССР». Рекомендательный указатель литературы, М., 1961.

«Что читать школьникам по истории». Рекомендательный аннотированный указатель книг для чтения для учащихся IV—VIII классов, М., 1961.

ь и

вания художественной литера-
X—X кл. «Преподавание ис-

дожественной литературы в
ших классах, «Преподавание

художественной исторической
ии в школе», 1958, № 2.
Русь в советской художест-
Р», № 1, 1963, стр. 83—118.
оводстве домашним чтением в
ии в школе», 1962, № 4.
щенный дню Парижской ком-
коле», 1961, № 6.
вании художественной литера-
8-го класса средней школы,
ые записки, т. 27, Кафедра ме-
СР, вып. 2.
150-летие Отечественной вой-
рии в школе», 1962, № 3.
о методике использования ху-
ах истории СССР, Ученые за-
гитут), вып. 9, 1956.

СОД

От составителей
I. Наша Родина в древ
II. Возникновение и разви
III. Утверждение капитал
Северной Америке .
IV. Разложение феодализм
ских отношений в Рос
V. Возникновение научного
чего и национально-ос
зарубежных странах
VI. Россия в период капит
Некоторые методически
Основная методическа

Алексей Иванович Назарец,
Татьяна Яковлевна Папенкова

ИСТОРИЯ СССР В ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ

Редактор *В. В. Бритов*
Художественный редактор *М. Л. Фрам*
Технический редактор *Н. Ф. Макарова*
Корректор *В. А. Глебова*

* * *

Сдано в набор 19/VI 1963 г. Подписано к печати 11/XI 1963 г.
60×90 1/16 Печ. л. 15,75 Уч.-изд. л. 15,10. Тираж 33 тыс. экз.
А06954. Заказ № 400

* * *

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.
Полиграфкомбинат Приволжского совнархоза.
Саратов, ул. Чернышевского, 59.
Цена без переплета 41 коп., переплет 8 коп.

70728

Кузьмский Государственный Учительский Институт
БИБЛИОТЕКА